ЕСКИЙ КОМПРОМАТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПРОМАТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ К

ДМИТРИЙ
ГОРДОН

БЕРЕЗОВСКИЙ И КОРЖАКОВ
КРЕМЛЁВСКИЕ ТАЙНЫ

ЕСКИЙ КОМПРОМАТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПРОМАТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ К

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вы прочтете откровения деятелей, у которых Борис Ельцин кушал с ладошки, как дрессированный попугай (следующего российского президента герои книги тоже отлично знают). Кстати, еще одна деталь для понимания этой книги важна: разжалованные слуги безжалостны — больше, пожалуй, никто не мог бы рассказать о российской власти так, как Александр Коржаков. Он ведь не только поднимал обмочившегося пьяного президента с пола или лез с ним в ледяную воду: по службе присутствовал при решении судеб целых народов.

Борис Березовский: «Когда на даче у Путина я завел разговор, не подумать ли ему о президентстве, Володя ко мне наклонился и произнес: «Послушай, знаешь, чего я больше всего на свете хочу? Быть Березовским… Дайте, пожалуйста, мне «Газпром»!..»

Александр Коржаков: «Березовский уговаривал меня убить Кобзона, Гусинского и Лужкова — это он и Лисовский Листьева заказали»

- Дмитрий Гордон
  - Александр Коржаков
  - Борис Березовский
  - Виталий Коротич
  - Борис Березовский
  - Александр Коржаков

Дмитрий Гордон
Березовский и Коржаков. Кремлевские тайны

Александр Коржаков

Березовский на редкость жадный, поэтому услуги настоящего киллера не смог оплатить и выбрал что подешевле: четырех каких-то приезжих бомжей нанял, залетных птах. Первые два Листьева устранили, другие — непосредственных исполнителей, и полный ажур, концы в воду!

Александр Коржаков

После того, как на Украине была многократно показана по телевидению и опубликована в прессе моя беседа с Дмитрием Гордоном, из Киева приехал знакомый и посоветовал: «Этому человеку больше никогда интервью не давайте». Я удивился: «Почему?». — «Потому, что вслед за вами он дал слово Березовскому и уж тот поливал Коржакова, как ему заблагорассудилось»… Сам, правда, я этого не видел и не читал, но друзья звонили, рассказывали…

Честно говоря, ничуть не расстраиваюсь из-за того, что меня обхаивает Березовский, — я даже рад, что бранит человек с такой репутацией (согласитесь, нормального, здравомыслящего гражданина, который бы любил или хотя бы уважал беглого олигарха, нынче в России не сыщешь). С другой стороны, зная все, что я о нем сказал, Борис Абрамович оказался в куда более выигрышной позиции.

Не утверждаю, что предварительно Дмитрий Гордон предоставил ему возможность мое интервью прочитать, — просто опальный политик отслеживает любое упоминание о себе, и все материалы, где его имя даже мелькнуло, ему непременно кладут на стол. В результате БАБ получил преимущество, и этически это, конечно, неправильно — с какой стати последнее слово должно остаться за ним? Вот если бы Дмитрий позволил мне ознакомиться с ответами Березовского на его вопросы заранее, а потом наши откровения параллельно опубликовали — тогда дело другое. Ну да ладно: лучше позже, чем никогда…

К идее издать оба интервью отдельной книжкой я отношусь нормально, но в отличие от Гордона не считаю это нашей заочной дуэлью. Дуэль предполагает честную борьбу, а из уст Бориса Абрамовича доносится сплошная клевета: напропалую врет и все

на сто восемьдесят градусов переворачивает — это я готов повторить где угодно и доказать по пунктам.

В беседе с Дмитрием он, например, опустил такую важную вещь, как убийство редактора русскоязычной версии американского журнала «Форбс» Пола Хлебникова, которое произошло в июле 2004 года. Тогда же вся пресса цитировала слова Березовского: дескать, погиб Пол «из-за неаккуратного обращения с фактами», а в интервью Гордону БАБ сообщил, что якобы выиграл судебный процесс против «Форбса» в Лондоне. Вранье: несмотря на то, что английский суд самый либеральный в мире и поиск доказательств возлагает полностью на ответчика, Березовский должен был проиграть.

Редакция журнала попросила меня тогда выступить прямо в суде — по ее вопросам я набросал речь страниц на двадцать, которую Хлебников направил в США. Там доклад перевели на английский язык, затем переправили обратно в Москву, перевели уже с английского на русский, в результате чего написанное я попросту не узнал — это был уже совершенно другой текст. По этому поводу я с Хлебниковым изрядно цапался и бодался, а вдобавок возникли проблемы финансовые. «Ребята, — сказал его представителям, — мне нужно проезд туда-сюда оплатить, нормальное жилье и какой-нибудь гонорар не помешал бы за то, что свое депутатское время на вас трачу», но они почему-то пожадничали.

Надо признать (может, и грех так говорить), что покойный Пол Хлебников был очень прижимистым. Книгу «Крестный отец Кремля» он практически с моих слов написал, и где только не брал у меня интервью — в Думе, на даче, в автомобиле. Я его, помню, подначил: «Ты мне хотя бы бутылку поставил — все-таки диктовал я тебе, если уж так, по-простому, Христа ради, причем ни на йоту не отступил от правды. Как акын — что знал, то и рассказывал». Единственное, на что он раскошелился, так это в гостиничном номере налил мне из своего термоса кофе.

Впрочем, я немного отвлекся. Узнав, что я собираюсь в Лондон, Березовский затрясся как осиновый лист. Ему было ясно, что в этом процессе я положу его на лопатки, но «Форбс» в последний момент дрогнул. Жаль — мы ведь уже исправили ошибки, которые появились в англоязычном варианте, я все оформил, разложил четко по полочкам…

…Какая заочная дуэль? Какой бой политических тяжеловесов? Тут я с Гордоном готов поспорить, потому что не считаю Березовского опасным противником — он уже в прошлом. Если бы БАБ в свое время не сделал бы столько для Путина и не был бы так сильно связан с Семьей, сегодня это был бы Никто —

полное ничтожество, просто своими «былыми заслугами» перед ними Борис Абрамович пользуется — из-за этого его и не трогают. На самом деле достать Березовского не проблема — его спокойненько можно было бы привезти в Россию в наручниках. У нас еще есть ребята, которые могут и готовы такое задание выполнить, однако верховной власти это не нужно — они пошумят-пошумят, и достаточно. Перефразируя известную поговорку, скажу: «Собачка из Лондона тявкает, а паровоз вперед летит — еще и на полной скорости».

Березовский вообще проиграл мне по всем статьям. Вспомните, в каком положении мы были лет десять-двенадцать назад. Я в девяносто шестом году был свергнут, уволен с должности руководителя Службы безопасности президента, а он — с почестями на трон воздвигнут. В девяносто седьмом я был избран депутатом Госдумы, а его заместителем секретаря Совета безопасности России Чубайс назначил (не Ельцин — тот вообще ничего в последние годы не соображал)… Ну и где Борис Абрамович сейчас — при том режиме, который якобы сам создал? Меня между тем люди уже четвертый раз в Государственную Думу избирают — вот вам и ответ на вопрос, кто победил.

Березовский сам это хорошо понимает, потому и бесится от бессилия. Замечу: будучи связан с Кремлем, я этим никогда не бравировал, и после себе такого не позволял — мне было стыдно своим положением пользоваться, а вот он, никакого отношения к Кремлю не имея, постоянно этим везде козырял: перед партнерами, собутыльниками, банкирами и правоохранительными органами. Ну а народ-то у нас бояться привык, поэтому многое ему с рук и сходило…

Он утверждает, что я убил Листьева, но в таком случае, зачем ему нужно было стремглав бежать со всех ног в Кремль и, не дожидаясь выводов следствия, кого-то обвинять, искать варианты? К чему было прятаться три дня в приемной у Барсукова: ночевать там на диване, не мыться, не бриться — лишь бы только не вылезать наружу? Да чтобы, не дай Бог, не арестовали! Известно же, кто громче всех кричит: «Держи вора!» — тот, у кого рыло в пуху.

Он и Ирена Лесневская наперебой уверяли, что в гибели Листьева виноват Гусинский, что там еще кто-то замешан… Я предложил: «Давайте-ка мне на пленочку все это проговорите». Видели бы вы, как они сбавили перед видеокамерой тон — ну, совершенно показания поменяли. Если Лесневская еще более-менее откровенно обвиняла, с фамилиями, то БАБ фактически ничего вразумительного не сказал.

Вряд ли это преступление когда-нибудь будет раскрыто —

столько прошло времени… Давно нет на свете ни тех, кто стрелял в Листьева, ни тех, кто ликвидировал исполнителей… Обычно на заказуху нанимают либо киллера-суперпрофессионала, которого в жизни ни в чем не заподозришь, либо таких придурков, которых потом убирают. Я, например, считаю, что тут был, скорее, второй вариант. Березовский на редкость жадный, поэтому услуги настоящего киллера не смог оплатить и выбрал, что подешевле: четырех каких-то приезжих бомжей нанял, залетных птах. Первые два Листьева устранили, другие — непосредственных исполнителей, и полный ажур, концы в воду!

Я, кстати, всегда предупреждал, что все, кто становятся Борису Абрамовичу близки, рано или поздно помирают: или от полония, или от сердечного приступа… Думаю, Березовский был заинтересован и в том, чтобы своего лучшего друга Бадри Патаркацишвили убрать, — слишком уж много тот про него знал, а это опасно. Мало ли: любая нечаянная ссора — и все может выйти наружу, как говорится, от любви до ненависти один шаг…

Как по мне, надо помочь человеку: что-то слишком много вокруг него смертей, так что пусть Скотланд-Ярд, который корни этих преступлений ищет в России, у себя под боком пороет. Еще раз совершенно серьезно и ответственно заявляю: будь у нас желание доставить Березовского домой в наручниках, мы нашли бы такую возможность и ничего бы спецслужбы Великобритании не узнали.

Не думаю, что Борису Абрамовичу удастся когда-нибудь вернуться на политическую арену в сколько-нибудь серьезном статусе, но если невозможное вдруг случится, если народ, как когда-то в Карачаево-Черкесии, его изберет и мы встретимся в Думе, руку ему все же подам. Понятно, что в то время Березовский, по сути, купил себе депутатский мандат, пообещав огромные деньги президенту Семенову. Там буквально в одну ночь все решилось: мол, если выполнишь свои обязательства, кое-что получишь взамен, а в маленьких республиках власть может обеспечить и девяносто восемь процентов поддержки (в моем, например, округе таких цифр не наблюдалось — у меня был процент нормальный, борцовский).

Короче, когда в девяносто девятом БАБ пришел в Думу, я протянул ему руку, потому что мы уже стали коллегами. Помню, стояли и беседовали в фойе втроем: Черномырдин, он и я, — все нормально! Гляжу — мимо Рома Абрамович идет. Увидев меня, решил почему-то не подходить: бочком-бочком обогнул нас и слинял — так меня, бедный, боялся. Ну а я что? Раз граждане выбрали, я с Березовским здороваюсь и работаю — не с гражданином, а с депутатом: это совсем разные вещи.

У меня со всеми думцами ровные отношения и насчет соседства с БАБом в книжке Гордона никакого предубеждения не имею. Я, между прочим, и сам новую книгу задумал, но времени катастрофически не хватает. Я человек конкретных дел и действий, и если бы не работал добросовестно в своем Тульском округе, люди бы не избирали меня трижды в Госдуму как депутата-одномандатника. На четвертых выборах прошли по партийному списку «Единой России» я и два преуспевающих предпринимателя, и теперь нужно тянуть воз за троих. К слову, на мне не только Тула, но и Тульская область, плюс еще партия ставит свои задачи, а ведь помимо этого я депутат Парламентского собрания Союзного государства Беларусь — Россия.

Очень хотелось бы вторую книгу издать, но из-за постоянного цейтнота решил пойти по другому пути — фактически все лето и осень диктовал ее журналисту Феликсу Медведеву. Формат — развернутое интервью: я только попросил, чтобы не было тем, затронутых в предыдущих воспоминаниях.

Получилось неплохо, но Медведев просто подлецом оказался: взял и потихонечку начал печатать отрывки в своей «Экспресс-газете», срывая по тысчонке «зеленых» (ему достаточно скромно платили). Одну главу тиснет, потом вторую… Без моего ведома, без редактирования — просто нахально, и судьба его наказала. Попался на вымогательстве — взял у алюминиевого короля Олега Дерипаски сорок две тысячи долларов за то, чтобы компрометирующие материалы о нем не печатать.

Сейчас Медведев под следствием — при этом у него хватило совести меня попросить, чтобы за него заступился, и я, не имея права вмешиваться в ход расследования, написал прокурору: так, мол, и так, обратите внимание, что он больной и заслуженный. Нельзя ли обойтись без заключения под стражу — чтобы не переусердствовали, в камеру к уголовникам не посадили?..

Жаль, что раньше этого проходимца не раскусил — доверился тем, кто мне его рекомендовал. Столько времени потерял — и все впустую: записи ведь у него остались. Единственное, что я могу, — запретить ему их публиковать. Сразу предупредил: «Если ты, негодяй, еще хоть главу выпустишь, я на тебя в суд подам». У меня же с ним официальный договор на издание книги подписан, а он мало того, что его нарушает, так еще и в историю вляпался, на шантаже попался.

Не везет мне, увы, с журналистами! Я уж привык: кто бы ни брал у меня интервью, обязательно мои мысли перевирает. Из того, что наговорю, хорошее вырезают, а оставляют одно дерьмо, обрывки какие-то (из-за этого я просто ненавижу себя на экране).

Не возражаю: спрашивайте, что хотите, но зачем же разговорную речь переносить на бумагу дословно — со всеми, так сказать, междометиями? Я категорически против того, чтобы усекать мысль, сглаживать остроту, но переводить ее в письменный формат, редактируя сказанное, необходимо.

Если честно, раньше я был уверен, что среди журналистов непорядочных людей не так много, однако из-за очень частых смысловых несоответствий между сказанным мною и опубликованным либо показанным по телевидению (обусловленных, в первую очередь, конъюнктурными соображениями) мое мнение о пишущей братии стало меняться в худшую сторону. Постепенно пришел к выводу, что абсолютное большинство журналистов, с которыми мне приходилось общаться, — идеологические проститутки, но Дмитрий Гордон, к счастью, к ним не относится. Он произвел на меня впечатление человека приличного, свободного от влияния на него идеологических и политических пристрастий власть предержащих, и именно благодаря ему мой голос был в Украине услышан, мои слова не обкорнали, даже дубляжом не забили. (Кстати, попытки властей заставить все население перейти на мову — это, конечно, беда для страны, где существует реальное двуязычие. Я, например, уверен, что Украине нужны два государственных языка, но эту проблему никто за вас не решит).

Я по-прежнему внимательно за украинскими событиями слежу, получаю информацию о них по разным каналам, и все же от каких-либо советов и комментариев воздержусь. Конечно, нынешние ваши лидеры вызывают у меня неоднозначную оценку, но разве Кучма был идеальный? Я рассказал Дмитрию, как и почему его ставили, сколько нефти ради этого в Украину перегнали, как Сосковец лично все контролировал, — и что вышло? Дочурка Данилыча купила самый дорогой в мире дом!

Нет у вас комитета по коррупции, как в Южной Корее, чтобы привлечь Кучму к ответственности и возбудить дело, потому что дочь его так «заработала». Таня Дьяченко (теперь Юмашева), наша принцесса, тоже много нахапала, но бизнесом она в Австралии занимается. Тихонечко скупает там острова, землю, недвижимость, деньги туда перекидывает (в Европе-то слишком заметно и тесно), а ваша чувство меры совсем потеряла.

Впрочем, вам не до этого: драка идет пятьдесят на пятьдесят. Я не хочу гадать, кто у вас победит, но твердо знаю, что не народ, потому что когда паны дерутся, у холопов чубы трещат. В заключение хочу пожелать всем гражданам братской Украины избрания, наконец, мудрой власти, которая работала бы не на себя, а на свой народ.

Честь имею.

Борис Березовский

Коржаков предал всех, с кем имел серьезные отношения, и прежде всего, конечно, первого президента России, однако потребности в мщении я не испытываю, да и как личность он для меня не существует.

Борис Березовский

Издавать интервью, за которым минувшей осенью Дмитрий Гордон приезжал ко мне в Лондон, отдельной книжкой или не издавать, зависело не от меня — это его выбор, но я охотно пишу к ней предисловие, тем более, что с того времени произошло множество важных для Украины событий и в самой стране, и вне ее. Что для меня стало решающим аргументом «за»? Исхожу из того, что независимые знание и понимание происходящего для людей, которые относятся к политическим процессам критически или пытаются разобраться в их сути, необходимы.

Скажу честно: закрытие на Первом канале украинского телевидения авторской программы Дмитрия Гордона стало для меня неприятным известием. Согласитесь, когда руководство Первого Национального отказывается от передачи, имеющей самый высокий рейтинг у зрителей, это вызывает вопросы, и если верно предположение, что избыток русского языка в программах Гордона — только предлог, а в действительности Дмитрия «ушли» с «первой кнопки» из-за того, что он позволял себе приглашать в студию лиц с нежелательными для власти взглядами, и без того очень хрупкий уже бастион в моем позитивном отношении к сегодняшнему руководству Украины, и прежде всего к президенту, рушится.

Несмотря на претензии, которые я открыто высказывал гаранту, для меня такой шаг был совершенно непрогнозируемым, я был уверен (и в интервью Гордону эту свою уверенность подтвердил), что Ющенко, безусловно, политик глубоко демократического менталитета, но когда с государственного канала изгоняется человек, небезразличный к прошлому и будущему Украины, это не лезет ни в какие ворота и лишает меня последнего плацдарма в поддержке Виктора Ющенко как президента страны. Что ни говорите, но атака против независимых СМИ и независимых точек зрения, как бы они ни были главе государства (или его чиновникам!) неприятны,

больше к лицу путинской России, нежели демократической Украине.

…Время, прошедшее после нашего с Дмитрием интервью, выдалось для меня нелегким: я потерял близкого друга Бадри Патаркацишвили, которого даже не смог проводить в Тбилиси в последний путь. Теперь лишь его портрет висит в моем кабинете как напоминание об утрате, но я человек православный и поэтому мстить никому не собираюсь — это противоречит моей вере.

С Бадри мы были абсолютными единомышленниками в оценке политических процессов и в России, и в Грузии, и в Украине, и именно к нему Виктор Ющенко послал своего тогда друга господина Жванию, чтобы договориться о поддержке прогрессивных гражданских сил (потом уже, после моего разговора с Виктором Андреевичем, Давид Жвания приехал ко мне).

Естественно, в меру своих возможностей я пытаюсь поддерживать грузинскую оппозицию — продолжаю, так сказать, то, чем занимался Бадри. Раньше по его просьбе финансово помогал грузинскому телеканалу «Имеди» (по сути, участвовал в его создании и на идеологическом уровне, и инвестиционно), а сейчас объединились, увы, две бригады жуликов: с одной стороны — приехавшие из Америки (имею в виду так называемого лорда Джозефа Кея и его адвоката Эммануила Зельцера, который сидит нынче в тюрьме в Белоруссии), а с другой — Саакашвили с соратниками. Общими усилиями они украли у семьи Бадри и у меня то, что им не принадлежит, и, разумеется, я это так не оставлю. Отстаиваю свои права абсолютно легитимным способом — через судебные разбирательства, в том числе и на территории Грузии.

Надеюсь также довести до логического конца и процесс против господина Жвании, который, несмотря на мои настоятельные требования, не соизволил отчитаться, как были потрачены переданные ему на развитие демократии в Украине средства. При этом надо учесть, что английское правосудие (в отличие от российского и отчасти перенявшего его традиции украинского) несколько неспешное, но исключительно правовое, поэтому установление истины занимает время. К сожалению, Давид Жвания ведет себя как-то по-детски, всячески пытаясь избежать вручения повестки. С просьбой найти этого господина мои адвокаты письменно обратились к Виктору Ющенко, но, как я понимаю, для президента Украины это тоже проблема.

Как бы там ни было, процесс продолжается, однако, с другой стороны, я категорический противник методов, которые применяются к Жвании в ходе выяснения отношений между ним

и президентом. Интерес Генпрокуратуры к законности его украинского гражданства, как мне кажется, мотивирован исключительно политически, а значит — по сути своей лицемерен. Ни в коем случае не одобряю получение гражданства путем мошенничества, и, безусловно, этому необходимо дать правовую оценку, но, на мой взгляд, никто бы не вспомнил об этой проблеме, даже если она существует, если бы не нынешнее политическое противостояние Жвании президенту.

…Ощущения человека, которого, словно волка из песни Высоцкого, обложили флажками, мне хорошо понятны, и, разумеется, я не могу не задумываться о природе происходящих вокруг смертей. У меня, например, нет сомнений, что за гибелью Литвиненко стоит — безусловно! — бывший российский президент Путин, который на самом деле сохранил почти все рычаги влияния, а что касается Бадри… Он умер 12 февраля, но до сих пор официального заключения Скотланд-Ярда, то есть судебно-медицинской экспертизы по поводу его кончины, нет. Конечно же, это наводит на размышления, по крайней мере, версия о том, что смерть Бадри была не случайной, не опровергнута. Не расцениваю это как атаку непосредственно на меня, но считаю очередным наступлением на убеждения, на либерально-демократическую идеологию, которую пытаюсь отстоять, со стороны тех, кто исповедует другую идеологию — насильственную.

Ощущаю ли я, что кольцо вокруг меня сжимается, что снаряды падают все ближе? Это, на мой взгляд, достаточно абстрактный вопрос. Здесь, в Лондоне, я не чувствую, что свободы мои как-то сузились, считаю себя защищенным всей мощью британской правоохранительной системы и сбавлять критику российской власти не собираюсь. Тем более что она сегодня находится на переходном этапе.

То, что говорит в последнее время Медведев, не вдохновляет меня абсолютно, но выбор у него небогат: либо, покрывая преступления, которые совершил лично Путин и его режим, он станет их соучастником, либо от них отмежуется. В конечном счете, я думаю, возобладает-таки здравый смысл: не просто прагматичные соображения, а желание выжить, и в победе Медведева над всей той структурой, которую Путин искусственно вокруг него создал, чтобы подчинить президента России своим эгоистическим интересам, не сомневаюсь. Я за Медведева спокоен: как человек разумный, он сделает правильный выбор.

Вернемся, однако, к нашему с Дмитрием интервью: после его публикации с большим удивлением я узнал, что некоторые читатели усмотрели в моих высказываниях заочную полемику с

бывшим руководителем службы охраны Ельцина Коржаковым, а особенно поразило, что он сам воспринял это таким образом. Поверьте, я не пытался бросить ему перчатку и вообще не знал ничего о том, что его интервью тоже готовится.

Повторяю: я никак не хочу комментировать слова Коржакова, который предал всех, с кем когда-либо имел серьезные отношения, и прежде всего, конечно, первого президента России. Он, безусловно, вправе высказывать свои суждения или предположения, однако мне его мнение безразлично, я не испытываю ни потребности в мщении (в общепринятом понимании), ни чувства соперничества, да и сам Коржаков как личность для меня не существует.

Меня совершенно не задевает, что он в четвертый раз избран в Госдуму, тогда как мне перед самым уходом оттуда Путин сделал «подарок» в виде шести лет заключения. Напомню: в 2000 году я добровольно сдал мандат депутата, и, насколько известно, впервые в новейшей российской истории этот шаг не был вызван переходом на другую работу. Это был открытый демарш, предпринятый в знак протеста против того, что Дума превратилась в кремлевский придаток, в орган или отдел, который штампует решения, принимаемые в Кремле, поэтому сравнение мотивов, движущих мною, с процессами, происходящими в душе и в уме Коржакова, кажется мне неуместным.

Также в своем интервью Гордону я утверждал, что от власти Путин полностью не отойдет, и время, как видите, мою правоту подтвердило. Не считаю, заметьте, свое мнение истиной в последней инстанции, поскольку мои выводы основываются не на колдовстве, не на каком-то сверхъестественном даре, на который претендует астролог Глоба, а исключительно на ощущении состояния общества и на знании исторических закономерностей. Тем не менее, будущее Украины вижу ясно: она навсегда распростилась с рабством, это свободная отныне страна. Большинство граждан сделали абсолютно сознательный выбор, и не только тем, за кого отдали на президентских выборах-2004 свой голос, — сотни тысяч людей, стоявших на Майдане в снег и мороз, определили будущее всей нации.

В самом начале этих событий я написал статью, которая называлась «Судьба России решается в Украине», и именно Украина показала, каким путем должна продвигаться Россия, чтобы стать эффективной страной и занять подобающее ей место в цивилизованном мире.

Кстати, рассуждать о борьбе цивилизаций совершенно неправильно — сегодня идет борьба цивилизации против

варварства, и Украина, по существу, с варварством, слава богу, порвала. Особенно показательны в этом плане результаты недавних выборов киевских мэра и горсовета, поскольку противостояние шло уже не между оранжевыми и бело-синими, а скорее, внутри демократических сил и теми, кто позиционировал себя нейтрально. Куцые четыре процента, полученные Партией регионов, — яркое свидетельство вектора, который выбрала Украина, поэтому поводов для беспокойства, мне кажется, нет. Вопрос только в скорости процесса, а она в значительной степени зависит от личностей и их чувства ответственности.

Несмотря на все претензии к Ющенко, у меня нет ни малейших сомнений в его добрых намерениях и уж, тем более, в абсолютно однозначной позиции Юлии Тимошенко — вызывает лишь сожаление, что раскол оранжевого лагеря подменяет важнейшие аспекты демократического продвижения Украины вперед и, как следствие, этот процесс тормозит.

В заключение еще пару слов о постыдном закрытии на Первом Национальном программы «В гостях у Дмитрия Гордона». Давать Дмитрию советы как «старший товарищ» я не берусь (не считаю себя даже равным, поскольку моя профессия — не журналистика), но, если исходить из гражданской позиции, у журналистов, в моем понимании, может быть только одна задача: правдиво доносить информацию, которой они располагают, до общества, чтобы оно могло само принимать решения. В этом широком смысле то, что делает Дмитрий Гордон, абсолютно указанному критерию соответствует.

Я передаю Дмитрию привет и ни в коем случае не соболезнования: он сильный человек и в состоянии самостоятельно определить, что делать дальше. Не сомневаюсь: из сложившейся ситуации ему удастся найти выход.

Виталий Коротич

Интервью Дмитрия Гордона бесценны — это летопись, без которой лицо эпохи выглядело бы иначе.

Виталий Коротич

Известный писатель-историк Юрий Тынянов говорил, что он начинает там, где заканчиваются документы, и таких возможностей было, к сожалению, слишком много, потому что диктаторы, узурпаторы и просто бандиты прежде всего уничтожают свидетелей. Более того, они уже не раз нанимали так называемых мастеров пера, которые ваяли толстые книги, не только оправдывающие любой поток преступлений, но и объясняющие их важность для нации, передергивающие в связи с этим факты и по заказу вгоняющие их в казенную логику.

История, увы, пишется под присмотром, создается вычеркиваниями, и вопреки известным словам Михаила Булгакова рукописи все же горят. Древние завоеватели в охотку сжигали книгохранилища захваченных народов, но и немногие сохранившиеся тексты подробностью не грешат, оставляя простор для домыслов. В большинстве уцелевших летописей страницы подчищены или вырваны (я уж не стану напоминать, что и совсем недавно, в XX веке, костры из книг пылали в гитлеровской Германии, в Советском Союзе, в Китае, Камбодже)…

Так повелось: мы привыкли жить в океане лжи. История, излагавшаяся в советских учебниках, сочинялась вначале для императорского Дома Романовых, а затем подтасовывалась для партийной большевистской потребы, подгоняя события под ответы, нужные власти.

Одним из достоинств цивилизованного народа является умение соединить опыт истории с собственным опытом. Для этого нужны свидетельские показания, и именно поэтому тома интервью, взятых Дмитрием Гордоном, бесценны. Ничего подобного им нет ни в одной из послесоветских стран, и мне кажется, что политические деятели и историки пока не очень хорошо понимают смысл подвижничества выдающегося журналиста, создающего эту летопись без всякой государственной поддержки, своими силами и за свои деньги.

Я убежден: без бесед Дмитрия Ильича с наиболее яркими представителями нашего времени лицо эпохи выглядело бы

иначе. Сейчас вы держите в руках плоды общения Гордона с персонами, влияние которых на судьбу России (и Украины) бесспорно, — это те самые «невидимки», приводившие к власти удобных людей и формировавшие их взгляды на жизнь и страну. Что ж, степень допуска к начальственным ушам определяла место в обществе с древних времен, а президенты — люди занятые. Им некогда читать, слушать радио и смотреть теленовости — главную информацию они получают в пережеванном виде от помощников и приближенных и перед ними же вынуждены бывать самими собой.

Вслед за этими предисловиями вы прочтете откровения деятелей, у которых Борис Ельцин кушал с ладошки, как дрессированный попугай (следующего российского президента герои Гордона тоже отлично знают). Кстати, еще одна деталь для понимания этой книги важна: разжалованные слуги безжалостны — больше, пожалуй, никто не мог бы рассказать о российской власти так, как Александр Коржаков. Он ведь не только поднимал обмочившегося пьяного президента с пола или лез с ним в ледяную воду: по службе присутствовал при решении судеб целых народов — когда распадался Советский Союз или разгоралась чеченская война.

Он, безусловно, слуга — циничный, но приблизившийся к самому верху вплотную, а все подробности о картонных ящиках с долларами — часть общей повести о беспределе и не подверженной общественному контролю власти. Сотрудничавший на заре перестройки с «Огоньком» журналист Костиков стал позже пресс-секретарем Ельцина и, в дополнение Коржакову, рассказывал мне, как однажды, в присутствии своей свиты, Борис Николаевич велел выбросить его с прогулочного теплохода в Волгу, а затем вознаградил за унижение участком драгоценной земли в элитном районе Подмосковья. Барство партийного вождя, ставшего «демократом», было до ужаса безнаказанным, и тот же Борис Березовский доказательно формулирует тезис о глубочайшем презрении постсоветских правителей к своему, так сказать, электорату.

Одновременно возникает еще одна важная тема — о нас с вами, о механизме и скорости трансформации раба в свободного человека. Березовский обрадован тем, насколько успешнее движется в этом направлении Украина, и делает вывод, что украинцы идут к свободе даже с опережением инициаторов «оранжевой революции». Коржаков о таких сложностях почти не говорит, но вспоминает о кучминско-ельцинских застольях как воплощении стиля руководства, который вроде бы очень медленно, но уходит.

Иногда собеседники Гордона противоречат друг другу, однако от этого количество грязи, плывущей по фарватерам власти, не убывает. Оба они отрицают свое интриганство, но постоянно твердят о предательстве, столь свойственном первым лицам (тема убийства как вполне допустимого метода в достижении властной цели звучит не однажды, и она особенно страшна своей обыденностью).

И Коржаков, и Березовский сегодня отстранены от кормила, но их нынешние места по-прежнему важны и заметны — они даже стали бесстрашными, объявляя и комментируя факты, в которые порою с трудом верится.

…Когда вы дочитаете эту книгу, давайте еще раз подумаем о щедрых порциях правды, которыми потчует нас Дмитрий Гордон, и от души его за это поблагодарим. Вдумчиво, обогащаясь бесценными свидетельствами из первых уст, мы можем взглянуть не только на недавних и нынешних вершителей судеб, но и на себя самих, по-новому можем увидеть то, чего раньше не замечали, и понять многое из того, чего не понимали, — это и есть современная журналистика, материалы «с передовой». Гоголь писал: «Передовыми людьми можно назвать только тех, кто видят все то, что видят другие (все другие, а не некоторые) и, опершись на сумму всего, видят то, чего другие не видят». Я, например, уверен, что беседы Гордона будут интересны и через десять, и через сто лет, но мы читаем их первыми, и у нас есть все основания этим гордиться.

Борис Березовский

Когда на даче у Путина я завел разговор, не подумать ли ему о президентстве, Володя ко мне наклонился и произнес: «Послушай, знаешь, чего я больше всего на свете хочу? Быть Березовским… Дайте, пожалуйста, мне «Газпром»!»

Борис Березовский

Когда несколько лет назад кто-то из журналистов поинтересовался у президента России Путина, что он думает о Березовском, тот сделал удивленные глаза: «А кто это?» Однако тем из российскоподданных, кто политической амнезией не страдает, забыть опального олигарха в обозримом будущем вряд ли удастся.

Вплоть до начала XXI века Борис Абрамович Березовский (он же Береза, Платон Еленин и БАБ) был в коридорах власти едва ли не самой заметной фигурой — его системный подход к проблемам, тренированный ум, а также щедро приправленное азартом и авантюризмом неуемное честолюбие пришлись в Кремле ко двору.

В 2001 году журнал «Форбс» назвал Березовского одним из самых богатых людей России и оценил его состояние в три миллиарда долларов. Помимо телекомпаний ОРТ, ТВ-6 и издательского дома «Коммерсант», Борис Абрамович владел активами «Сибнефти», КрАЗа, Ачинского глиноземного комбината, Братского и Новокузнецкого алюминиевых заводов и многим-многим другим, ну а еще он любил цитировать академика Сахарова, который на вопрос: «В чем смысл жизни?» — ответил: «В экспансии»…

Сам Березовский делит свою жизнь на три этапа. В советское время он был частью системы, «плотью от плоти граждан усталых» со всеми положенными атрибутами: партбилетом (который, кстати, никогда не сжигал и не рвал), общественными нагрузками, записью «русский» в соответствующей графе паспорта, машиной (одной на двоих с приятелем) и голубой мечтой о Нобелевской премии.

Когда в восемьдесят девятом году в его академическом институте перестали платить зарплату, он принял нетривиальное решение уйти из науки и занялся бизнесом — тогда по привычке

это называли еще «спекуляцией». Сперва, по его словам, мечтал заработать миллион, потом — десять, и так, пока не спохватился, что идеи и капитал надобно защищать…

Вскоре Березовский пошел во власть, для затравки профинансировав издание книги Ельцина, — так начался в его жизни второй этап. Позднее Борис Абрамович занимал внушительные должности заместителя секретаря Совета безопасности России и председателя Исполнительного секретариата СНГ, вместе с Ельциным сдерживал натиск Лужкова и Примакова…

2000 год — точка отсчета этапа третьего: с тех пор Березовский противостоит власти, ныне он для нее — демон в человечьем обличье, злой гений современной России. Действующему президенту он говорит то, что больше никто не смеет сказать, и после каждого выпада Кремль наносит ответный удар. ОРТ показало Путина, катающегося на водных лыжах в то время, как затонул «Курск», — против Березовского возобновляют старое уголовное дело; неугомонный олигарх инициирует собственное расследование взрывов жилых домов на Каширском шоссе — появляется еще одно дело. Когда новоявленный оппозиционер заинтересовался трагедией на Дубровке, в Англию, где ему предоставили политическое убежище, был направлен запрос об экстрадиции, а рядовым гражданам карманные СМИ объяснили: если Березовский критикует Путина, все дело в нем, вражине, да и вообще, ежели кто-то против, — это продажный агент империализма, и разговор с ним короткий…

Между прочим, превращение из влиятельного миллиардера в борца с режимом и пламенного революционера дорого Борису Абрамовичу обошлось, и не только в том смысле, что в теперешней России отвращение к его фамилии и имени-отчеству стало символом патриотизма, — по мнению экспертов, за эти годы состояние Березовского уменьшилось в несколько раз. Лондонскому изгнаннику бы угомониться, ведь капиталы любят тишину и спокойствие, а он создает Фонд гражданских свобод, финансирует российскую оппозицию… Вот и накликал, как говорится, на свою голову…

Аккурат к очередным выборам в Госдуму российский суд продемонстрировал, что строг, но справедлив: рассмотрев дело о хищении двухсот пятнадцати миллионов рублей у «Аэрофлота», он заочно приговорил Березовского к шести годам общего режима. Гуманное наказание, особенно если учесть, что прокурор требовал девять лет (столько же получил Ходорковский)… Впрочем, у Фемиды еще будет возможность удовлетворить прокурорские аппетиты — в ее загашнике против всесильного

некогда БАБа множество обвинений.

Кто-то по этому поводу недоумевает, кто-то над одержимостью Бориса Абрамовича иронизирует, но он прекращать вендетту против Путина не собирается. Видимо, понимает: раз уж использует власть мощную государственную машину, чтобы задвинуть оппонента подальше, значит, уверенно себя не чувствует…

— Добрый вечер, Борис Абрамович: поскольку добраться до вас очень непросто, я, если честно, рад, что мне это удалось и мы беседуем с вами здесь, в вашем лондонском офисе. Скажите, вы ощущаете себя сегодня изгнанником?

— (*Задумчиво.*) В Англии, точнее в Лондоне, я уже прожил семь лет… Не знаю, то ли на атмосферу этого города так повлияло многовековое присутствие различных диссидентов, вынужденных уезжать из своих стран и оставаться в нем ненадолго или же навсегда, то ли причина все-таки в менталитете англичан, шотландцев, ирландцев — людей свободных, независимых, самодостаточных, но ощущать себя тут изгнанником сложно.

Безусловно, у любого оторванного от Родины человека возникает масса проблем, и далеко не все они решаются с помощью денег — часто и миллионы бессильны. Я, например, как ни странно это, может быть, прозвучит, самый большой дискомфорт испытываю из-за того, что в Лондоне нет снега. Вся моя жизнь прошла в Москве, в Подмосковье, регулярная смена поры у меня, так сказать, в крови, а здесь и весна есть, и лето, и осень, но вот зимы как-то не наблюдаю…

— …и это вас тяготит?

— К сожалению. Такое выпадение четверти года из календаря, по-видимому, сказывается на моем восприятии происходящего, причем влияет ничуть не меньше, чем политические баталии, перипетии и схватки с российской верхушкой, которая пытается меня бесконечно преследовать… Тем не менее, по прошествии семи лет скажу: если бы сегодня мне пришлось преднамеренно какую-то страну выбирать (а задержался я здесь достаточно неожиданно), это все равно была бы Великобритания.

— Когда в Советском Союзе началась перестройка, на ее гребне вынесло множество случайных, никчемных, не имеющих базового образования и не прошедших определенное количество ступеней, которые прежде считались обязательными, людей. В отличие от доморощенных нуворишей, в бизнесе и большой политике вы, на мой взгляд, преуспели закономерно. За плечами два высших образования (в том числе мехмат МГУ), аспирантура,

Институт проблем управления Академии наук СССР. В тридцать семь лет с «неблагонадежной» фамилией Березовский вы стали доктором физико-математических наук, опубликовали более ста научных работ и монографий, удостоены даже премии Ленинского комсомола — и все это в советское время, когда подобные регалии не покупались.

От тех, кто вас хорошо знает, я наслышан, что вы очень талантливый человек, до мозга костей математик, который просчитывает в уме множество комбинаций одновременно, и зачастую окружающие просто не могут за вами угнаться. Это, интересно, помогает вам или, наоборот, мешает?

— Ну, сперва, с вашего позволения, несколько замечаний по краткой биографической справке. Вынужден вас разочаровать: несмотря на то, что двадцать пять лет день и ночь занимался математикой и, по советским меркам, в общем-то преуспел, я совсем, конечно, не математик, и уж тем более — до мозга костей.

— Хотите сказать, что вы лирик?

— Что ж, действительно, я и докторскую защитил, и был избран в Российскую академию наук (на весь Союз тогда насчитывалось всего лишь восемьсот академиков и членов-корреспондентов), но далось это мне колоссальным трудом, я не находил в себе никакого таланта, который бы выгодно отличал от коллег. Да, я профессионал, но не более: всего достигал усилием воли и огромным — без преувеличения! — интересом. Любил (и сейчас люблю) математику, до сих пор с удовольствием решаю задачи…

— …и при этом математиком себя не считаете?

— В суперсмысле этого слова — нет, к тому же я занимался прикладной математикой, а это немножко другая наука. Никогда бы, во всяком случае, не стал представляться: Березовский — математик, я — ученый.

Еще вы сказали, что у меня два образования… По этому поводу мне на всю жизнь запомнилась реплика генерального директора «АвтоВАЗа» Владимира Васильевича Каданникова. Однажды, когда мы беседовали, пришел его зам и похвастался: «Можете поздравить — я получил второе высшее образование». Каданников на меня посмотрел и улыбнулся: «Боря, о чем это он говорит? Это профессия может быть второй, третьей, а образование — оно либо есть, либо его нет».

Кстати, в Советском Союзе была совершенно потрясающая система образования — в школах, в техникумах, в университетах, ну а я окончил сначала лесотехнический институт по специальности «вычислительная техника» — это была профессия

будущего.

— Еще бы — ее считали модной, престижной…

— Она тогда только в Союзе возникла, и открывал наш факультет академик Сергей Королев — тот самый, который создал в СССР первые спутники и вообще космические науку и технологию. Просто наш вуз по случайности располагался недалеко от космического центра, в подмосковных Подлипках, и поэтому был признан базовым для этой совершенно новой отрасли знаний.

— Пусть вы и не считаете себя математиком, но человек, тем не менее (надеюсь, хоть этого не станете отрицать), незаурядный. Что же в вас все-таки преобладает: талант или высокая организованность?

— Давать оценки себе я не могу — по-моему, это неправильно, а ежели говорить о том, где мне интереснее всего… Конечно же, не в аналитике, а в сфере чувств, но, поскольку я четверть века упорно себя насиловал, это, безусловно, привело в порядок мозги. Профессиональный навык, полученный в дополнение к бушующим внутри страстям, помогает лучше их понимать и по возможности упорядочивать. Многим, я знаю, требуется на это куда больше времени, поэтому естественно, что и образование, и работа в достаточно сложной и постоянно требующей умственных усилий сфере помогают сегодня значительно.

— По словам вашей мамы, будущий олигарх и политик Боря Березовский рос ужасным проказником и драчуном. В частности, она рассказывала, что в школе вы сняли с классной стены портрет Дзержинского, продырявили в нем глаза и воткнули туда лампочки — чтобы у пламенного чекиста горел взор. В детстве вы слыли беспокойным мальчиком, хулиганом?

— На самом деле к тому, драчуном я был или нет, портрет Дзержинского никакого отношения не имеет. Первые годы жизни я провел в Подмосковье: отец работал главным инженером на кирпичном заводе в Новом Иерусалиме, а вся наша семья жила неподалеку — в Истре. Время было послевоенное, тяжелое, мальчишки дрались и играли в опасные игры, тем не менее ничего такого, из-за чего моя мама могла бы назвать меня отъявленным забиякой, точно не было. Ну, дрался, конечно, — как все: до сих пор на лице шрамы заметны, но для нас, сорванцов, это было нормально.

Дальше пошли драки совсем другого порядка, и успех в этих баталиях (уже политических) определялся не физической силой, а прежде всего силой воли… Она, я считаю, — главное, первостепенное условие победы для всех, кто занимается

серьезной политикой (не путать с политиканством), и лишь на втором месте по значимости интеллект… Вообще, в свое время я для себя сформулировал, что же такое воля, — это убежденность, превращенная в действие. Наличия одного компонента для достижения политической цели недостаточно — к победе ведет только действие, основанное на убежденности, и это как раз самый эффективный путь!

— Лет десять назад журнал «Форбс» назвал вас «крестным отцом Кремля» — что он имел в виду?

— В конце этой фразы американские журналисты поставили, как вы помните, знак вопроса, тем не менее я все же подал на журнал в суд, и это был тот редкий случай, когда фактически — подчеркиваю слово «фактически»! — редакция судебный процесс проиграла.

— Вам разве не лестно было удостоиться от «Форбса» такого определения?

— Дело все в том, что выражение «крестный отец», как вы знаете, в русском языке имеет два смысла. В первоначальном, естественном так сказать, значении — это человек, который по существу является для ребенка вторым отцом, в переносном — так величают предводителя мафии, ну а поскольку в данном случае было употреблено не имя, а слово «Кремль», конечно, имелся в виду второй смысл. Поверьте, когда тебя именуют, грубо говоря, крестным отцом кремлевской мафии, это нисколько не лестно, поэтому я обратился в суд, и, в общем, мои оппоненты вынуждены были признать, что информация, содержавшаяся в статье покойного уже журналиста Пола Хлебникова, была ложной.

— Между тем существует расхожее мнение, что с середины и до конца девяностых всеми интригами и политическим курсом Кремля руководил именно Борис Березовский. Вы с этим согласны?

— Нет, никогда я интриги не плел, а занимался (хотя на это есть масса возражений со стороны моих недоброжелателей или врагов) большой политикой. Именно эта последовательная позиция на протяжении без малого пятнадцати лет вызывала с их стороны раздражение и даже бешенство, тем более что в стратегических оценках развития событий и в России, и на постсоветском пространстве в основном я оказывался прав — прогнозы мои реализовывались. Да, совершал ошибки, но они другого порядка: я очень плохо разбираюсь в людях. Сейчас, может, получше, чем раньше, и все равно скверно…

— В людях, которые восседали тогда в Кремле?

— И в них тоже, хотя предавали не только они, но и,

например, партнеры по бизнесу. Правда, среди предававших никогда не было женщин — вот такая особенность.

— Это вам плюс!

— Хорошо (*улыбается*), хоть на кого-то можно еще положиться… Хочу повторить: именно моя последовательная и принципиальная позиция порождала яростные на меня атаки, а, не находя реальных аргументов, оппоненты уходили в область конспирологии: дескать, это интриги, закулисные какие-то решения…

— Зачастую непонятные комбинации воспринимаются как интриги — правда?

— В том числе…

— Когда вы пришли в большую политику и огляделись, кто же, собственно, рядом, вас не расстроил интеллектуальный, моральный и нравственный уровень людей, вершивших ее в России?

— Чтобы ответить на этот вопрос, предлагаю вернуться в год девяносто четвертый. В то время, распахнув двери свободы, Ельцин дал россиянам возможность проявить инициативу, самореализоваться, и, несмотря на огромные промахи, которые допустили и Гайдар, и Чубайс, и многие другие, это все-таки был высокий интеллектуальный уровень, несравнимый с сегодняшним…

— Сейчас он намного серее?

— Как говорят в России, ниже плинтуса, хотя об этом даже судить сложно, поскольку гражданам не позволено говорить то, что они думают, и поступать, как считают нужным. При Ельцине же такая возможность существовала, а значит, была реальная конкуренция, да и особенно-то дураков на поверхности политической я не видел, поэтому не могу сказать, что меня шокировали те, с кем работал. Даже позднее, когда на смену первой команде, первой волне демократов пришли такие аппаратчики, как, скажем, Волошин, все равно это был достойный интеллектуальный уровень…

— О нравственном помолчим?

— На самом деле, если говорить о том же Волошине, мне, безусловно, есть в чем его упрекнуть — вплоть до предательства.

— Вы о его требовании отдать ОРТ?

— Не только — имею в виду то, что, по сути, он и такие, как он, помогли Путину создать базу для его сегодняшнего авторитарного режима. Поэтому, конечно, к их морали претензии колоссальные, но по части интеллекта там все вполне нормально. Более того, сегодня я уже могу сравнивать в этом отношении Россию и Запад и должен сказать, что во времена Ельцина

уровень российской политической элиты даже превосходил, например, тот, который видим сейчас в Соединенных Штатах Америки.

— В девяносто шестом году перед очередными президентскими выборами рейтинг Ельцина составлял примерно четыре процента, и мало кто верил, что Борис Николаевич сможет на своем посту удержаться. Существуют три точки зрения относительно того, благодаря кому все-таки он был переизбран на второй срок. Первый вариант — усилиями Коржакова, Барсукова и Сосковца, второй — Чубайса и, наконец, третий — стараниями Березовского…

— Считаю, что неверна ни одна из этих оценок, — Ельцин вновь стал президентом благодаря исключительно самому себе (утверждаю это, поскольку в то время встречался с ним многократно и мы как раз подолгу обсуждали вопрос, связанный с выборами). Борис Николаевич был сполна наделен тем самым главным качеством политика, о котором я говорил вначале, — он обладал огромной политической волей, к тому же не знаю, как это могло произойти, но Ельцин был убежденным демократом…

— Несмотря на царские замашки?

— Несмотря на его коммунистическое прошлое — прежде всего, а насчет царских замашек можем поговорить отдельно. Повторяю: он был убежденным демократом, хотя слово «убежденный» неверно — у него было не понимание даже, а чувство…

— …интуиция?..

— …со всеми вытекающими очень сложными последствиями. Он понимал: чтобы эту централизованную машину сломать, необходима конкуренция — политическая, экономическая, пускай даже щепки летят…

— …и не стеснялся подтягивать молодых?

— Ну, это вообще не было мерилом: молодой, пожилой… Критерий у него был один: состоятельность — как идеологическая, так и интеллектуальная.

— Можешь или не можешь?

— Абсолютно верно, именно это, поэтому главным творцом победы в девяносто шестом был сам Ельцин. Да, безусловно, ему помогли люди, которых он отбирал, на которых и сделал ставку. Обычно ведь как говорят: «Короля играет свита», — но при этом почему-то забывают, что свиту выбирает король, это от его воли зависит, какая она…

Ельцин собрал команду, где было много талантливых людей (я уже о них говорил, называл даже фамилии), и вместе с ними на демократических — я это подчеркиваю! — выборах победил

Зюганова. Да, с массой оговорок относительно того, насколько они были демократические, но самое главное, против чего не может возразить никто: не танки решали вопрос о том, кто станет президентом, не прокурорские запросы и не политические убийства — все-таки это была борьба двух противоположных идей, которую общество обсуждало абсолютно открыто.

— Что вы почувствовали в ту минуту, когда узнали, что Ельцин скончался?

— Прежде всего — сожаление, что не могу его проводить, — это вот то, с чего мы начали с вами сегодняшний разговор. Естественно, возникают в здешней жизни моменты, когда… (*Пауза.*) Это была первая реакция, а когда уже пошли комментарии, что, мол, эпоха Ельцина завершилась, у меня возникло совершенно другое ощущение — я осознал, что только сейчас эта эпоха предстает в истинном свете, поскольку при жизни человека крайне сложно оценивать то, что он совершил.

— Должна быть дистанция…

— Да, и вы, очевидно, заметили, как быстро изменилось отношение огромной части российского общества к Ельцину после его смерти…

Конечно, мне вспомнились многие часы, проведенные с Борисом Николаевичем наедине. У меня (*задумчиво*) было всего несколько учителей (так называю людей, которые помогли мне сформироваться). От одного я узнал, что такое предательство, другой научил творчеству — просто объяснил, как нужно себя настраивать, чтобы сделать то, что до тебя не удавалось другим…

— Чтобы некий канал открылся?

— Можно и так сказать, и хотя, если честно, я очень мало во все это верю, кажется, сама жизнь убеждает в обратном, поскольку совпадения, которые в ней случались, феноменальны и никакой теорией вероятности не описываются. Ельцин тоже был одним из моих учителей: он научил политике. Опять-таки: не интриге, не политиканству, а политике как таковой — тому, что я больше всего на свете люблю.

— 7 июля девяносто четвертого года вы были ранены в собственном «Мерседесе» в результате взрыва радиоуправляемой мины. Что чувствует человек, осознающий, что секунду назад на него совершено покушение?

— Естественно, к такому сценарию я не готовился (несмотря на то, что знал: в Россию пришел дикий капитализм). Вокруг один за другим погибали люди, покушались на многих, но всегда почему-то кажется, что тебя беда не коснется… (*Волнуется.*) Очень хорошо этот день помню… Кстати, о мистическом совпадении: за три месяца до того, даже меньше — в апреле, я

принял православие и ехал как раз на встречу к митрополиту Пимену…

…Звук взрыва я не услышал, но почувствовал огромную тепловую волну, потому что рванула противотанковая кумулятивная граната. Реакция была мгновенной: я сообразил, что, если останусь в машине, просто сгорю, а если выйду, возможно, попаду под обстрел.

— Мысль все же сработала?

— Вот просто в одну секунду, и я отчетливо понял, что есть только один вариант — рискнуть и выскочить из автомобиля. Рывок наружу и… Слава богу, никто не стрелял… Первое, что я спросил: как остальные? Сказали, что с водителем очень плохо (от меня тогда скрыли, что ему оторвало голову и он погиб на месте).

— Состояние испуга, шока — что испытали?

— Трудно ответить… (*Пауза*.) Наверное, был шок. Возможно, испуг тоже, но после того, как выбрался из машины и не угодил под пули, он быстро прошел. Потом была мутная медицинская история в Первой городской больнице. Хотели везти в ЦКБ, но я-то знал, что лучшие врачи не в «кремлевке», а там, где каждый день имеют приличную практику. Позже, когда пришло понимание того, что же случилось, я, как любой в такой ситуации человек, оказался перед банальным выбором: что делать дальше?

— Продолжать начатое или…

— …или забиться в угол и изменить свою жизнь, или принять спасение как подарок судьбы и следовать прежним курсом — просто жить, жить… В общем, я сделал выбор и нисколько о нем не жалею (несмотря на то, что и после этого уже много чего произошло)…

— Сколько всего на вас совершено покушений?

— Вообще-то я не считал, хотя… Серьезных — пять, а сколько раз мог потерять жизнь по собственной глупости или случайности!.. Например, в феврале девяносто восьмого, когда по пьяному делу уселся на снегоход и ночью на огромной скорости помчался по водохранилищу. Даже не помню (вы представляете?), как разбился, потому что был в шлеме и, видимо, винные пары в замкнутом пространстве опьянение усугубили. Очнулся от того, что лежал на снегу с дикой болью в позвоночнике. Это действительно было на грани жизни и смерти, а если суммировать все ситуации, когда рисковал отправиться на тот свет из-за собственного идиотизма, — их было куда больше…

— В Лондоне вы чувствуете себя в безопасности? Не боитесь очередных покушений?

— Здесь я не в меньшей безопасности, чем когда-то в Москве.

— То есть в любой момент может что-то произойти?

— Оно и происходит на самом-то деле. Недавно мы отмечали годовщину со дня гибели Саши Литвиненко… Я — живой свидетель трагедии, более того, был хорошо знаком с предполагаемым убийцей Андреем Луговым и за день до отравления Саши встречался с ним в этом офисе (мы даже распили вместе бутылку вина). Если бы его товарищи определили в жертвы не Литвиненко, а меня, мы бы сейчас с вами тут не беседовали, но повторяю: это свободный выбор. Одно дело — бояться покушений и уж совсем другое — жить в вечном страхе. Я же не говорю, что совсем за себя не беспокоюсь.

— Вы фаталист?

— Не думаю. Если бы жил, предположим, не в Англии, а в Италии, у меня была бы другая система защиты, а здесь, безусловно, во многом я полагаюсь на государство.

— Ну, хорошо, вот смотрите… Когда я к вам шел, был уверен, что меня обязательно обыщут, причем с головы до ног, но ничего подобного — без даже поверхностного досмотра незамедлительно провели к вам… Слушайте, а если бы у меня, не дай бог, были бы какие-то дурные намерения?..

— (*Невозмутимо.*) Я вам уже сказал, что во многом полагаюсь на государство — то есть на Великобританию…

— …иными словами, уверены, что ее спецслужбы уберегут?

— Разумеется, это не значит, что сам ничего для собственной безопасности не предпринимаю: есть у меня и охрана, и много чего еще, но все это было бы тщетно, если бы британские правоохранительные органы не понимали, в какой ситуации я нахожусь, и не помогали бы мне уцелеть… Чтобы вы знали, уже после убийства Саши Литвиненко сюда приезжали люди с совершенно конкретной целью меня убить, но я был проинформирован местной полицией, и она приняла необходимые меры.

— Вам даже было известно, как собирался предполагаемый киллер действовать?

— Да, я был в курсе. Месяца за четыре до времени «Ч» один человек из Москвы рассказал мне, что организаторы ликвидации Литвиненко планируют теперь устранить меня, причем все обставят иначе: не будет никакого яда, никакого нападения из-за угла… Сюда приедет один господин, мой знакомый, и попросит о встрече, в ходе которой абсолютно открыто меня убьет. После этого он не станет скрываться, а сдастся полиции и на суде заявит, что это чистая бизнес-разборка, — дескать, у нас давние счеты и таким образом он выяснял со мной отношения. Учитывая чистосердечное признание, по английским законам ему дадут

двадцать лет, а затем, отсидев половину срока, убийца выйдет на свободу, станет Героем России, обеспечит семью…

Рассказ москвича я слушал почти как сказку, но, поскольку после смерти Литвиненко обо всем подозрительном докладывал Скотланд-Ярду, передал им и эту достаточно странную информацию (серьезно к ней не отнесся, хотя она, согласитесь, логична). Каково же было мое удивление, когда в середине июня сотрудники полиции поставили меня в известность, что в Лондоне действительно находится человек…

— …которого вы хорошо знаете?

— Не хорошо, но знаю, и даже встречался с ним, в том числе в Англии. Прибыл он, как оказалось, с конкретным заданием, более того, для правдоподобности прихватил ребенка… Меня попросили временно покинуть страну, а его через некоторое время арестовали и депортировали в Россию — видимо, по каким-то политическим соображениям решили вокруг дела Литвиненко не затевать новый виток.

— Вы рассказали о сценарии, который довольно необычным способом планировалось осуществить, и у меня тут же возникла историческая параллель. Фактически для российской власти вы сегодня такой же раздражитель, каким некогда был для сталинского режима в СССР Лев Троцкий. Он находился за океаном, но его достали и там: агент НКВД Рамон Меркадер был заслан в Мексику, где вошел ко Льву Давидовичу в доверие и в результате убил его ледорубом… Вам не кажется, что история повторяется?

— Честно говоря, я себя с Троцким не сравниваю, но, безусловно, менталитет огромной нации за исторически короткий промежуток времени измениться не может, и, разумеется, он проявляется прежде всего в ее лидерах. С точки зрения тех, кто сегодня управляет Россией, а именно обладателей гэбэшного менталитета, то, что делал со своими врагами Сталин, абсолютно нормально. Поэтому методы, которые использует в борьбе с оппонентами нынешняя власть, ничем не отличаются от применявшихся в 1940 году, только вот технологии появились другие. Тогда вместо полония, который теперь идет в ход…

— …был ледоруб…

— Вот и все, пожалуй, отличие, а способы как были преступными — такими же и остались, и все так же им наплевать на весь остальной мир… В этом смысле никакой разницы между тем и этим режимами нет.

— Бывший начальник охраны первого президента России Ельцина Александр Коржаков совершенно на голубом глазу сказал мне, что вы уговаривали его убить Кобзона, Гусинского и

Лужкова…

— (*С улыбкой.*) Всех вместе…

— …и сразу!

— На самом деле Коржаков это рассказывает уже давно — с того момента, когда под давлением людей, принимавших участие в ельцинской кампании девяносто шестого года, в том числе меня и Чубайса, был отправлен Борисом Николаевичем в отставку. С тех пор он и пытается по-своему мстить, понимаете? Таким образом Коржаков реагирует на мои пассажи о нем, а я ведь публично, причем с фактами и аргументами, говорил, для чего он нанимал убийц, в каких спецоперациях участвовал… Это не может не вызывать у него раздражения, поэтому разжалованный генерал и придумывает разные байки…

— Иосиф Кобзон, которому я об этом поведал, отреагировал с юмором: мол, надо у Коржакова спросить, почему Березовский, если и приходил с такой просьбой, то именно к нему…

— Первая мысль: если ты знал об этом, почему тогда не сообщил куда следует, почему тут же у себя в кабинете не арестовал? Преимущество этих людей — я имею в виду и Коржакова, и Путина — в том, что они понимают: к сожалению, наш народ на два шага вперед не считает и память у него очень короткая. Такую игру они ведут прежде всего потому, что очень низкого о собственных гражданах мнения, и, увы, их расчет часто оправдывается.

— Опять-таки о Коржакове: он мне сказал — абсолютно осознанно и уверенно, — что убийство Листьева заказали Березовский и Лисовский. Что вы на это ответите, ведь не секрет, что и правоохранительные органы отрабатывали версию о вашей причастности к громкому преступлению?

— Могу только обстоятельно изложить, как представляю себе то, что произошло с Листьевым, и почему это случилось. История, правда, длинная, но постараюсь, насколько это возможно, быть кратким…

Вы знаете, что в декабре девяносто четвертого года Ельцин подписал указ о преобразовании ЦТ (Центрального телевидения) в акционерное общество. Отмечу, что Коржаков активно помогал нам убедить президента в необходимости такого шага и в том, что в конечном счете Борис Николаевич этот указ издал, его заслуга огромна. Правда, как вскоре выяснилось, Александр Васильевич рассчитывал получить в свое распоряжение достаточно интеллектуальную команду, которая не только сможет работать на Ельцина, но и лично ему, Коржакову, будет полностью подконтрольной.

Чтобы сделать следующий шаг, он организовал в Кремле

совещание, на которое пригласил меня, Бадри Патаркацишвили, который в то время был заместителем гендиректора ОРТ, и нашего теннисиста Шамиля Тарпищева. Шамиль пришел не один, а с какими-то ребятами…

— Тоже теннисистами?

— Да нет — с солнцевскими, и Коржаков, по сути, потребовал, чтобы часть эфирного времени мы передали Тарпищеву вроде бы для освещения спортивных событий, причем задумывалось это как отдельное акционерное общество внутри нашего…

— Потребовал в какой форме?

— В достаточно интеллигентной: мол, вы должны это сделать… Нет, он не стучал кулаком по столу, но хотя всем было понятно: по существу, это приказ, мы отвергли его предложение прямо там же, в Кремле. Сидя за столом, Бадри прямо в глаза сказал Коржакову при Тарпищеве и этих ребятах: «Я вообще не понимаю, Александр Васильевич, почему вы решили устроить здесь бандитскую разборку».

После его слов Коржаков мне заявил: «Чтобы этого грузина я никогда больше не видел» (и таки больше его не увидел)… Стало совершенно очевидно, что он посылает мессидж: я хозяин, а вы делайте, что вам скажут, — ну а результатом того, что ему не удалось навязать нам свою волю, стали некоторые действия, среди которых убийство Листьева. О многочисленных фактах, которые это подтверждают, мы можем говорить отдельно, но я убежден, что стоит за этим преступлением именно Коржаков.

Все россказни, дескать, у Влада были какие-то обязательства перед рекламодателями, абсолютно от лукавого: по этой версии, Листьев якобы поплатился жизнью за то, что решил на три месяца отменить на ОРТ рекламу, но идея эта была моя.

Тогда на ОРТ, поскольку оно было государственным, никто особенно не заботился, как собирать рекламные деньги, — по сути, все отдали на откуп мелким акционерным компаниям. В результате, хотя доля ОРТ в телевещании была огромной, оно получало мизер (достаточно сказать, что НТВ, имевшее вполовину меньше долю, зарабатывало в два раза больше). Поэтому я и решил это сломать — мы вообще отказались от рекламы на три месяца, а потом запрет на нее продлили еще на месяц. Разрушили рынок полностью, после чего собрали его по новой и получили уже ту долю, которая реально нам полагалась, — порядка сорока пяти-пятидесяти процентов.

Что интересно, Влад Листьев категорически против столь радикального метода возражал, но потом принял мои аргументы и согласился. Уверен: к бизнес-разборкам его убийство никакого

отношения не имело. Скажу честно: поначалу я тоже грешил на Лисовского, но под давлением фактов мнение изменил, а последовавшие за этим преступлением события — попытка арестовать меня и то, что Коржаков на два дня совершенно исчез, — убедили: без него тут не обошлось.

Что же касается моей вовлеченности в это дело, то, действительно, на вопросы Генеральной прокуратуры я дал ответы, и там их сочли исчерпывающими. Я не скрываю, что прямо указал на Коржакова как на одного из организаторов страшного злодеяния, более того, писал об этом в ФСБ (посылал туда даже соответствующие документы), но, естественно, как тогда никакой реакции не было, так и поныне ее нет…

— После убийства Листьева в «Останкино», где собрались известные журналисты и видные общественные деятели, приехал черный от горя Ельцин — виновных он пообещал найти и наказать… Как вы думаете, к концу жизни Борис Николаевич понял, кто именно за устранением популярнейшего телеведущего стоял?

— Об этом мне ничего не известно. Не думаю, что президент занимался данным вопросом лично, хотя изначально близко к сердцу все принял и даже отправился на панихиду. В последние годы, мне кажется, он все-таки больше думал о тех ошибках, в результате которых в Кремле оказался Путин. Я знаю мнение людей, близких к Ельцину на закате его жизни, тех, кому он доверял, и все они абсолютно единодушны в том, что Борис Николаевич глубоко переживал, когда увидел своего преемника в деле.

— Когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Владимиром Путиным?

— Точно не помню, конец это был девяностого или начало девяносто первого года… В Россию прибыла группа американских бизнесменов, с которой я ездил по стране — они выразили желание побывать в Питере, а у меня, честно говоря, никаких специальных знакомств, связей там не было. Обратился к Петру Авену — в то время еще моему другу, причем давнему (это позже так получилось, что мы совершенно с ним разошлись), и он сказал, что поможет организовать встречу с Собчаком, который тогда был мэром Санкт-Петербурга, — мол, у него есть хороший знакомый Володя Путин, который и посодействует… Собственно, так все и произошло.

Это была первая встреча с Путиным — в то время мы развивали автомобильный бизнес и хотели открыть в Питере представительство компании «Мерседес-бенц», а он был заместителем мэра по внешнеэкономическим связям. Я с ним

переговорил, тогда же познакомился с Сечиным… В общем, достаточно быстро у нас установились действительно дружеские отношения.

— Какое первое впечатление он на вас произвел?

— Да, в общем-то, никакое — он не был ни отрицательным персонажем, ни положительным.

— Бесцветный?

— Пожалуй. Даже нынешний зам главы администрации и помощник президента Игорь Сечин, и тогда состоявший при нем, впечатлил больше, потому что слишком низко сгибался, неся Путину портфель. Меня эти прямо-таки театральные мизансцены удивили…

— Может, портфель был тяжелый?

— Да нет, тоненький, тем не менее, он все время ходил за Путиным, сгорбившись, и это бросалось в глаза, а вот сам Путин — ничем, никак… Хотя, повторяю, неприятного впечатления он не производил.

— Потом возникла симпатия?

— Со временем да, потому что, когда я к нему обращался с какими-то деловыми вопросами по бизнесу, он их, во-первых, решал, а во-вторых, не только не намекал на необходимость заплатить за услуги, но и, наоборот, мои попытки предложить ему что-то взамен (их было две или три) встречали очень мягкий — опять-таки, никакой не жесткий! — отказ. Случай в моей практике исключительный, в то время единственный, и как раз это крайне меня тогда удивило.

— Вы были на «ты»?

— С первой минуты.

— Все, кто знают Путина и общаются с ним, утверждают, что он обладает неким обволакивающим воздействием на собеседника. Вам тоже так показалось?

— Как раз напротив — считаю, что ничего подобного нет. У нас сложились очень добрые отношения, хотя по-человечески мы были друг другу абсолютно не интересны: ни он мне, ни я ему. Подтверждением этого является то, что, когда Путин уже переехал в Москву, мы встречались достаточно часто, но никогда в непринужденной, неформальной обстановке. Не было такого: «Давай, Володя, в ресторан сходим» или: «Приезжай, Боря, ко мне — посидим!», но в то же время на рабочем уровне пересекались мы часто. Мало того, едва только познакомились, я пригласил его с собой в Швейцарию.

— И он поехал?

— Поехал…

— Хорошо провели время?

— Мы были совсем коротко — несколько дней, тем не менее, я представил его жене… Путина снова сопровождал Сечин.

— С портфелем?

— В тот раз (*улыбается*) без, правда, на лыжах мы не катались…

На самом деле, весь мой личный опыт (личный, я это подчеркиваю!) общения с Путиным был только со знаком плюс: в частности, он поддержал меня, когда я был в серьезном конфликте с Примаковым — в то время премьер-министром.

…Ой, никогда не забуду, как с Леной, моей женой, пришел на премьеру фильма «Сибирский цирюльник» в Кремлевский дворец. Где-то минут за десять до начала (холл был уже полон людей) мы входим, и перед нами все веером рассыпаются, рассыпаются… Только один какой-то чиновник подошел, пожал руку. «Борис Абрамович, — произнес, — вот видите, а я не боюсь»…

— …и тут же умер от страха…

— Нет-нет, даже сейчас, по-моему, с ним все в порядке.

Повторяю: мы не были с Володей настолько близки, чтобы дружить домами, и именно поэтому ни я его никогда на семейные торжества не звал, ни он меня, и вот в феврале девяносто четвертого, в самый что ни на есть напряженный период, у моей жены день рождения. Я специально не приглашал никого, особенно представителей власти, чтобы не создавать для них никаких неудобств, а вот Володя приехал сам, без приглашения (за десять минут до этого меня предупредила охрана: сейчас подъедет). Увидев его с букетом цветов, я спросил: «Зачем тебе это нужно?» — и услышал в ответ: «Да плевать мне на Примакова!».

— Какой пост в то время он занимал?

— Директора ФСБ.

— В одном из своих интервью вы сказали, что сыграли решающую роль в назначении Путина на должность президента России — вы подтверждаете эти слова?

— Прежде всего, я подтверждаю, что никогда такого не говорил. Решающей роли я не сыграл, хотя был одним из тех, кто участвовал в подготовке этого решения для Ельцина. Действительно, тогда я считал, что выбор между Примаковым и Путиным — это выбор между плохим…

— …и очень плохим…

— Нет, плохим и хорошим, а теперь понимаю, что да — между плохим и очень плохим. Тем не менее, несмотря на то, что произошло, — и со мной в том числе, но прежде всего, конечно, с Россией, — я и сегодня бы предпочел Путина, а не Примакова.

— Третьего разве дано не было?

— На самом деле это, конечно, не единственная была альтернатива, но к тому времени уже возник цейтнот, связанный, если вы помните, с…

— …президентской болезнью?

— Нет, с кадровой чехардой. Вы вот совершенно верно сказали, что, несмотря на интуитивное понимание правильного пути для России (а может, именно в силу своей ответственности за этот выбор), Ельцин чувствовал себя царем и, конечно, глубоко в душе не понимал, что должен уйти.

— Видимо, ему об этом не говорили…

— Да нет, семья — Татьяна, Наина Иосифовна, — все время твердила ему, что пора уходить, и все мы, кого он выслушивал, тоже мягко и ненавязчиво подводили его к такой мысли… Лично я много раз касался с ним этой темы, и он никогда не ставил под сомнение то, что уйдет, то есть подсознательно Ельцин себе этого не представлял, но принимал как разумный необходимый шаг. Думаю, он просто считал, что, передав власть добровольно, — впервые в российской истории! — должен показать пример, и от этого будет зависеть главная оценка (со знаком плюс или со знаком минус) того, что он сделал…

— Но вы же умный человек: неужели не понимали, что выходец из Комитета государственной безопасности не должен быть президентом, что это для России чревато?

— (*Вздыхает.*) Об этом еще в то время многие предупреждали, но я отвечу на ваш вопрос прямо: «Нет, не понимал». Я действительно не считал, что это какие-то особенные, сделанные из другой материи люди, да и весь личный опыт общения с Путиным был исключительно положительный.

— Как сегодня считаете: ошиблись тогда или нет?

— Трудно ответить определенно, но в условиях, повторяю, цейтнота… Вспомните: Черномырдин уже устарел, Кириенко вообще ничего не мог, сменивший его Примаков как раз очень много чего мог, даже развернуть страну назад, и именно поэтому был абсолютно опасен. Потом появился Степашин, который оказался почти как Кириенко… Когда он стал премьером, а по существу претендентом на президентское кресло, тут же начал ко всем бегать, всем хотел угодить, быть хорошим и перед коммунистами, и перед Лужковым, и перед Чубайсом, со мной старался дружить…

— И нашим, и вашим…

— Понимаете, не было определенности, которая в то время была нужна, потому что борьба предстояла серьезная, и лишь Путин в полной мере этому критерию удовлетворял. Ни к кому не бегал советоваться, ни перед кем не заискивал: один раз принял

решение — все! Опять же он говорил, что не хочет идти в президенты… Я уж не знаю конспирологии, согласно которой у КГБ был якобы план привести к власти своего человека…

— Кстати, вы в это верите?

— Исключить не могу, но считаю такую вероятность низкой. Это же действительно я ездил по заданию Ельцина к Путину — по-моему, в июле девяносто девятого…

— На дачу?

— Нет, в то время Володя отдыхал на севере Франции, в Биаррице.

— Там вы и поставили его в известность, что президентом России будет именно он?

— Немножко не так — эту тему мы обсуждали и раньше, но в тот раз Ельцин попросил встретиться с ним и спросить: в принципе, готов он принять предложение? Я полетел, отыскал его с женой и дочерьми в очень скромной гостинице… В общем-то, он сказал, что готов этот вопрос обсуждать, но, естественно, только если Борис Николаевич будет говорить с ним на эту тему сам.

— Представляю, что должен чувствовать человек, когда ему сообщают: есть мнение, что именно ты станешь преемником. Как в эти минуты Путин себя вел?

— Ну, поскольку услышал это не в первый раз…

— …внутренне был готов?

— Предварительные разговоры начались еще в начале девяносто девятого года, зимой. Возможно, на этот раз Володя воспринял все слишком серьезно, тем не менее, новость не стала для него супернеожиданной, и отнесся он к ней вполне нормально: опять никакого энтузиазма не выразил, но не так уже и открещивался.

— Что за загадочная история произошла с вами и директором ФСБ Путиным, когда вы застряли в лифте, и не где-нибудь, а на Лубянке?

— Вовсе не в лифте, а на так называемой лифтовой площадке, но история и вправду забавная. Когда я к нему пришел…

— …на Лубянку?

— Да, в тот самый небезызвестный кабинет, в котором сидели все главные чекисты СССР…

— Призраки хоть не беспокоили?

— Нет, да и был там уже не впервые… В общем, Володя мне предложил: «Пойдем чего-нибудь поедим». Мы перешли в другую комнату, а потом он замялся: «Ты знаешь, я не уверен, что здесь…» (*Смеется.*) Короче, показал пальцем вверх: дескать, не исключена прослушка. Это меня поразило, а мы же как раз

обсуждали напряженную ситуацию с Примаковым (он противостоял в то время и Путину, потому что на место директора ФСБ хотел посадить своего человека).

— Своего человека — это кого?

— Варианты там были разные, в том числе обсуждалась кандидатура Кобаладзе. Для меня, между прочим, это было еще одним подтверждением того, что у чекистов тоже не все едино, то есть не только я с Примаковым конфликтовал… Одним словом, вышли мы и направились в третью комнату… Она совершенно была нерабочей — обычная площадка перед лифтом, который на этом этаже не останавливался, отгороженная от коридора стеной, но Володя сказал: «Вот тут можем поговорить». Мы пообщались, а когда решили вернуться назад, оказалось, что дверь, ведущая на эту площадку, захлопнулась. Путин постучал в стену, отделявшую нас от коридора…

— Она, как известно, имела уши…

— (*Смеется.*) Слава богу, кто-то там проходил…

— Это правда, что Владимир Владимирович называл вас братом?

— Несколько раз… Однажды он мне признался: «Ни у тебя, ни у меня ни сестры нет, ни брата, поэтому можешь поверить — ты для меня даже больше, чем брат». Это произошло, когда мы выиграли парламентские выборы девяносто девятого, а ведь никто не верил, что можно создать блок «Единство», сформировать команду, подвигнуть губернаторов отказаться от клятвы Лужкову и Примакову и работать на новую власть… (Может, вы плохо помните, но Примаков с Лужковым уже проводили по стране перекличку — так, как это в советское время делалось.)

Никогда не забуду, как за четыре недели до выборов в Думу (именно на них решался вопрос о президентстве!) один из заместителей Лужкова явился ко мне. Накануне наши соперники сняли программу Доренко в Башкортостане, и начал он жестко: «Борис, ну ты понял, что ОРТ закроем по всей стране? Что ты делаешь? Мы уже белую лошадь победителям приготовили, и портфели министерские поделили — все равно у вас шансов нет. В общем, у меня к тебе просьба: сделай так, чтобы до выборов Доренко в эфир не выходил».

Ответил я просто: «Если вы так уверены, что выигрываете, почему же настаиваете на отлучении Доренко от телеэфира?». Тот пояснил: «Чтобы не осложнять ситуацию». — «Чтобы не осложнять, пусть все идет, как идет. Хотите закрывать регионы? Пожалуйста — не думаю, что у вас хватит на это сил». Это я к тому, насколько сильным было тогда противостояние, и когда мы

победили, Володин звонок перехватил меня по дороге на дачу: «Ты не можешь вернуться?». Я приехал, и Путин сказал, что страшно благодарит: мол, сам до конца не верил в успех. Тогда мы и побратались…

Зимой девяносто девятого, когда начались разговоры о том, не подумать ли ему о президентстве, я был у него на даче, и, едва на эту тему завел разговор, Володя ко мне наклонился и произнес: «Послушай, знаешь, чего я больше всего на свете хочу?». Я плечами пожал: «Нет». — «Быть Березовским». Потом сделал паузу и попросил: «Дайте, пожалуйста, мне “Газпром”!..». Теперь-то мы видим (*улыбается*): Путин «Газпром» контролирует…

— …но Березовским так и не стал…

— Увы, если честно, у меня тогда не было времени, чтобы хорошо Володю узнать…

— Хотя надо было…

— Это уже другой вопрос, но история сослагательного наклонения не имеет. Меня как раз покоробило, когда он сказал, что хочет мной быть (я серьезно к этому отношусь, потому что хорошо помню, как Чубайс вспоминал, что хотел быть Собчаком). Вообще, я считаю, что, когда человек хочет быть кем-то, какой-то глубинный порок внутри он имеет.

— Проблемы уже есть…

— …поэтому я даже Бадри после этого разговора с Володей все рассказал, причем в контексте: что-то у него не так.

— Когда же вы с Путиным почувствовали взаимное охлаждение?

— Ну, я скажу, никакой горячей любви и не было — просто нормальные, добрые, дружеские отношения, а разрыв, думаю, наметился в декабре девяносто девятого, практически сразу после парламентских выборов, когда наши войска в Чечне подошли к Тереку. Не утверждаю, что я ох какой эксперт, но поскольку, будучи заместителем секретаря Совета безопасности, полтора года провел в Чечне…

— …ситуацией владеете хорошо…

— И не только поэтому. Первое мое путешествие из Москвы состоялось в шесть лет — я отправился с бабушкой в Очамчиру, на берег Черного моря.

— Это же Грузия…

— Да, столица Мегрелии. С тех пор на протяжении тридцати лет ездил на Кавказ каждый год и поэтому действительно неплохо знал населявших его людей, их проблемы, особенности. Задолго до погружения в политику я четко понимал отличия менталитета чеченского от грузинского, грузинского от

абхазского, а уж Чечня все это отполировала.

Имея опыт действительно уникальный, я сказал Путину: «Володя, проблема в том, что победа — не флаг над Грозным, главное, чтобы чеченцы считали, что проиграли, а мы считали, что победили. Вы хотели реванша за поражение в первой чеченской войне (а я категорически выступал против второй — еще в июле, когда был премьером Степашин, беседовал с ним на эту тему)? Такой результат достигнут — не нужно теперь штурмовать Грозный».

Здесь вот мы с ним разошлись… Это еще не было конфликтом, я бы не сказал даже, что пробежал холодок, но что-то такое появилось, обозначились разногласия… С тех пор я практически не принимал никакого участия в президентской гонке, считая, что, как следствие победы парламентской, вопрос, безусловно, решен. Более того, на достаточно долгое время покинул Россию и вернулся перед самыми выборами, а после того, как в марте 2000-го Путин стал президентом, мы встречались уже не так часто. Приблизительно раз в две недели общались и проговаривали основные идеи, как делали это и раньше.

Теперь попытаюсь расставить все точки над «i», дабы развеять сомнения, потому что бытует множество домыслов, будто я хотел президентом манипулировать и так далее… Поймите, у меня была с ним конкретная договоренность, что я имею возможность высказать свое мнение по любому кажущемуся мне важным вопросу…

— …а его дело — услышать это или же нет…

— Его дело — выслушать, но решение принимает лишь он, потому что ответственность за последствия ложится на него, а не на меня. Фактически я выступал в качестве неформального консультанта: к нему можно прислушаться, но можно его и послать…

Не скажу, что именно тогда наступил переломный момент в отношениях, но стало ясно: есть какие-то принципиальные вещи, по которым наши мнения кардинально расходятся. Мы, в частности, договорились, что я вправе поднимать любую тему, аргументируя свое понимание… Если моя идея не принимается, это абсолютно нормально, но недостаточно просто отмахнуться: «Ерунда!» или «Ты не понимаешь!» — с другой стороны тоже должна быть аргументация.

— Думаю, это раздражало его и тяготило…

— По крайней мере, при обсуждении второй чеченской кампании ничего подобного я не заметил. Просто почувствовал, что есть какие-то соображения (и это естественно), которые

составляют суть государственной политики, а поскольку она является конфиденциальной, я не получил аргументированного ответа, почему, собственно, войскам нужно идти дальше. В воздухе как бы витало, что есть какие-то доводы, которые он не хочет пока озвучивать, тем не менее, отношения оставались нормальными, рабочими…

Дальше возникла история уже другого характера — то есть там не было никакой государственной тайны, никаких предполагаемых скрытых моментов, не рассчитанных на публичность, и связана она с изданием указа о создании семи федеральных округов и появлением четырех законов, которые существенно ограничивали роль Совета Федерации (и не только его). Грубо говоря, это был первый серьезный шаг к централизации власти.

В то время я был депутатом Госдумы от Карачаево-Черкесии и, когда узнал (так же, как остальные коллеги), что подготовлены такие законы и соответствующий указ вышел, очень удивился.

Собственно, у меня было два принципиальных возражения. Первое: создается параллельная структура, не прописанная в Конституции (мало того, что она централизирует власть, — одновременно еще и размывает ее, потому что появляются органы с параллельными функциями), и второе: этими законами Путин присваивал себе право снимать губернаторов, которые в то время еще избирались. Да, снимать через некоторые процедуры (а именно после предъявления обвинения или возбуждения прокуратурой уголовного дела), но это противоречило духу Конституции, поскольку человек, вина которого в суде не доказана, еще не преступник. Ну и, наконец, самое главное: губернатора, если он избран, а не назначен, лишать поста можно только через некую процедуру импичмента.

Первым, к кому я обратился, был глава администрации президента Волошин. Я сформулировал ему все свои соображения, по существу он не смог ничего возразить, и тогда я встретился с Путиным и то же самое изложил ему. В ответ услышал, что Россия разваливается, что губернаторы сошли с ума и погрязли в коррупции, — в общем, избитую фразеологию. Между тем к этому моменту стало очевидно, что первый шок, вызванный революционным преобразованием страны, прошел. В 2000 году губернаторы уже хорошо понимали, что единая Россия лучше, чем отдельные княжества, и поскольку этот переворот в менталитете свершился, приведенные поверхностные аргументы, с моей точки зрения, не выдерживали никакой критики, а кроме них, не было ничего.

В общем, я пообещал Володе, что напишу ему письмо и

изложу на бумаге, почему предложенные им новшества считаю ошибкой. Так и сделал, а когда мы увиделись в следующий раз, попросил написанное мною прокомментировать. Он отказался. «Тогда, — сказал я, — предлагаю другой вариант: пускай эта полемика будет публичной, то есть письмо личное я трансформирую в открытое и опубликую»…

— Да вы просто на рожон полезли!

— С позиции его менталитета, наверное, так все и выглядело, но я-то исходил из того, что накануне мы говорили о строительстве нормального демократического государства…

Кстати, до этого был еще один эпизод, когда я, в его понимании, полез, как вы выразились, на рожон. Когда Путин стал президентом, я сказал ему, что, по-моему, практически вся база для поступательного движения вперед построена и не хватает лишь одного — оппозиции. Так получилось, что в результате парламентских выборов мы ее, по существу, уничтожили, а поскольку Примаков и Лужков, противостоявшие нам, на идейных борцов не тянут, оппозиции на поляне и вовсе не оказалось. Нам, считал я, реально нужен аналог партийной системы, а если вы помните, «Единство» на выборы шло вообще без всякой политической программы, и это тоже была моя идея, потому как был убежден, что в течение избирательной кампании никто многостраничный документ не прочитает. Голосуют не за программу, а за человека…

— …на постсоветском пространстве уж точно…

— Короче, пришло время формирования и идеологии, и программы, поэтому Володе я предложил: «Решай — левый ты или правый, а я займу противоположную сторону». При этом уточнил, что, конечно, мне предпочтительнее, чтобы он был левым, потому что правая идеология созвучна моим убеждениям. Не могу сказать, что обсуждали мы это серьезно, тем не менее, Путин все выслушал, а потом… появился указ…

В результате я, как и обещал, опубликовал 31 мая 2000 года в «Коммерсанте» открытое письмо, и дальше началась довольно серьезная, тем не менее демократическая борьба. Со стороны президента — за то, чтобы предложенные им законы были приняты, а с моей стороны — чтобы они не прошли. Параллельно, добавлю, происходило много разных, вполне недемократических движений — в частности, я узнал, что ежемесячно каждому депутату от «Единства» выплачивают зарплату в пять тысяч долларов, чтобы голосовал по указке Кремля. «Ну, раз вопрос в деньгах, — сказал, — то я буду платить по семь тысяч». Естественно, никто этого не скрывал (собственно, как и Кремль, финансировавший народных избранников в

открытую), и вот тут уже Путин меня пригласил и был очень зол.

— Очень зол — это как? Употреблял крепкие выражения?

— Выражения были нормальные, но он спросил: «Какое ты право имеешь таким вот образом…» Я не остался в долгу: «А ты какое имеешь право..?»

— По-моему, вы зарвались…

— Позвольте, но я действительно воспринимал тогда Путина как человека, который слышит, — иначе зачем меня приглашать?

— То есть он еще слышал?

— Безусловно, хотя аргументация основывалась, как я потом понял, на его менталитете. Он, например, абсолютно искренне убежден, что централизованное управление Россией, централизованная политическая система лучше, чем самоорганизующаяся, саморазвивающаяся…

— …и что она единственно правильная?

— Может, и так, но суть — в его непоколебимой уверенности, что только такая система для России эффективна.

— Это правда, что Путин хотел отнять у вас ОРТ?

— Да, это стало очевидно приблизительно за месяц до трагедии с подводной лодкой «Курск», затонувшей, как вы помните, в августе 2000 года, правда, не сам Володя — Волошин сказал мне, что функция ОРТ как движителя революционного процесса подошла к концу. Мы, дескать, добились всего, чего хотели: есть преемник, который будет продолжать ельцинские реформы, есть преемственность власти, поэтому сейчас очень важно, чтобы ОРТ опять управлялось государством. Это был прозрачный намек…

Замечу: хотя президентская попытка централизовать власть наши отношения обострила, в то время можно было еще публично против этого выступать, и я даже ездил на Совет Федерации убеждать его членов, что уступка Путину для них самоубийственна, что они просто уничтожают сами себя (это в итоге и произошло). Я также доказывал, что следующий такой шаг будет предпринят по отношению к Думе, и вскоре почувствовал, что Кремль действительно начинает ее контролировать, — он выпускал законы, а Дума на глазах превращалась в юридический отдел при нем.

Перемены я ощутил в том числе и потому, что должен был решать достаточно сложные вопросы в Карачаево-Черкесии, от которой избирался депутатом. В конечном счете, это и подвигло меня на необычное решение…

— …уйти…

— Да, я решил сдать свой депутатский мандат, что в результате и сделал. После этого у меня тоже состоялся

непростой разговор с Путиным — он был недоволен, что я настроен против него, против власти. Пришлось объяснить, что я же не кукла, чтобы сидеть в Думе и выполнять указания администрации президента. «Я бы, — сказал, — даже твои указания не стал выполнять, если бы был с ними не согласен».

— Вы помните свой последний разговор с Путиным?

— Объемный? Конечно — он касался гибели «Курска» и того, что за этим последовало…

— …когда президент России не появился на месте трагедии?

— Да, и, собственно, это и было началом конца. В то время я был во Франции, а он — в Сочи…

— …отдыхал…

— Я отдыхал тоже, тем не менее, в первый же день прилетел в Москву. Пытался ему дозвониться из-за границы — не удалось, хотя всегда была нормальная связь, поэтому позднее связался с ним через Волошина. Когда Путин вернулся в Москву, мы условились встретиться, но предварительно состоялся разговор с Волошиным, который вдруг заявил: «Ты должен отдать ОРТ» — и тут же пригрозил: «Если не отдашь, пойдешь вслед за Гусинским».

— Конкретнее некуда!..

— Таким образом (*грустно*) я потерял еще и Волошина. «Саша, — сказал, — у меня к тебе последняя просьба: как мы и договаривались, организуй завтра встречу с Володей».

На следующий день собрались втроем: я, Волошин и Путин. Володя пришел с папочкой, открыл ее и зачитал, какой процент населения ОРТ покрывает, и какие страшные финансовые нарушения там существуют. Когда читка закончилась, я спросил: «Володя, под этой справкой случайно не подпись Евгения Максимовича Примакова стоит?».

— Пошутили?

— (*Невесело улыбается.*)

— Руки хоть напоследок друг другу пожали?

— Нет. Он встал и сказал (впервые!): «До свидания, Борис Абрамович!», я ответил: «Прощай, Володя!», и мы остались вдвоем с Волошиным. Несмотря на то, что наши отношения были предельно ясны, я спросил: «Ну что, Саша, привели на свою голову черных полковников?». Он почесал в затылке и буркнул: «Я так не думаю», — хотя сомнение в его голосе я почувствовал. Уже уходя, попросил его о последней услуге: «Сейчас я поеду в свой офис, напишу Володе письмо, а ты ему передай, пожалуйста».

Суть моего короткого послания была очень проста — я привел цитату одного американского журналиста, который утверждал: «Каждая проблема имеет простое решение, и всегда

ошибочное». Собственно, я повторил мысль, изложенную в письме 31 мая, — написал, что Россия тяжело больна, что есть масса проблем и ни одна из них не имеет простого решения. Закончил словами: «Если сочтешь, что могу быть полезен, всегда готов. В общем, прощай, Володя!».

— Однажды вы назвали Путина кагэбистской отрыжкой коммунизма — и сейчас так считаете?

— Я, если честно, другое употребил выражение — кагэбистский отзвук коммунизма, а прозвучало оно, по-моему, в поздравлении Ельцину (тогда еще живому) с днем рождения.

— Вы говорили Борису Николаевичу, что он, видимо, ошибся, назначив своим преемником выходца из КГБ?

— После того как Путин стал президентом, у меня не было с Ельциным никаких встреч. Только однажды, лет пять назад, я написал ему письмо о том, что революционер не имеет права на пенсию (оно тоже опубликовано — кажется, в «Независимой газете»), и так получилось, что через некоторые свои замечания Путину Борис Николаевич даже косвенно на него ответил.

— Существовала ли между Путиным и Ельциным договоренность о том, что о курсе преемника Борис Николаевич нигде не высказывается и вообще его не критикует: сидит тихо на даче, никому не дает интервью, а ВВП, в свою очередь, не трогает дедушку и Семью?

— Мне о подобной договоренности ничего не известно — более того, зная Ельцина, я сомневаюсь, что она была. Скорее, Борис Николаевич именно так понимал роль экс-президента: вот он ушел, бразды правления передал, и теперь, дескать, это твое дело. Лично я считаю такой подход неверным. Будучи президентом-революционером, Ельцин, по сути, взял на себя ответственность за судьбы миллионов людей, поэтому, даже освободив высокое кресло, не должен был уходить на покой. Эту мысль в интервью, а иногда через общих знакомых я и пытался до него донести.

Не знаю, в силу каких соображений Борис Николаевич спрятался, но он абсолютно был не публичен. С другой стороны, как я уже говорил, мне точно известно, что Ельцин был глубочайшим образом разочарован тем, что в путинской России происходило.

— От весьма осведомленных людей я слышал, что за взрывами жилых домов на Каширском шоссе в Москве просматривается тень Путина. Что вам об этом известно?

— Осенью девяносто девятого года, когда прогремели эти жуткие взрывы, я находился в центре политических событий (предвыборная кампания была в самом разгаре), но в то время не

считал, что это спецоперация. Может, потому, что глаза были зашорены, и абсолютно верил: мы можем выиграть парламентские выборы исключительно демократическим путем.

— Ну а потом все же пришли к выводу, что это спецоперация?

— Безусловно! Более того, собрал огромное количество фактических материалов, которые это подтверждают.

— Иными словами, вы утверждаете, что дома на Каширском шоссе взорвали не террористы — свои?

— Давайте говорить конкретно: не терминами гипноза, а опираясь на факты, и я предлагаю рассмотреть один-единственный случай, который ярче других показывает, что же происходило, — имею в виду неудавшуюся попытку взрыва многоквартирного дома в Рязани. История абсолютно кристальная, потому что вся она — в официальных информационных сообщениях, в документах, фотографиях, видеозаписях…

После взрывов на Каширском шоссе и в Волгодонске, когда вся страна панически боялась мало кому известного до тех пор гексогена, в Рязани простой водитель автомобиля заметил двух людей, выгружавших около подъезда какие-то мешки. Это показалось ему подозрительным, и он сообщил об увиденном в органы — не знаю, в милицию или в ФСБ. Согласно самой первой информации, когда народ известили о том, что в Рязани предотвращен террористический акт, в подвале большого дома была найдена взрывчатка и взрывное устройство (его фотографию позднее опубликовали в местных газетах и разместили на интернетовских сайтах), а один из прибывших на место силовиков четко сказал, что в мешках обнаружен-таки гексоген.

Вскоре были задержаны и оба злоумышленника, которых объявили террористами, но затем появилось вдруг сообщение, что это сотрудники ФСБ: мол, работали они в центральной организации, а арестовывали их коллеги из регионального подразделения. Получается, значит, рязанских эфэсбэшников об этой спецоперации центр в известность не поставил?

Буквально через день или два в Кремле состоялось совещание (по-моему, силовых структур — сейчас уже точно не помню), где с промежутком в полчаса министр внутренних дел Рушайло и директор ФСБ Патрушев сделали два противоречащих друг другу заявления: Рушайло отрапортовал о предотвращении теракта, а Патрушев доложил, что это были учения и бдительные российские граждане схватили «террористов» за руку…

— Хм, а гексоген?

— Дальше Патрушев уточнил, что это был не гексоген, а сахар. «Более того, — подвел он итог, — мы вывезли содержимое

мешков на полигон и проверили: это действительно сахар». Извините, ребята, но если идут учения, которые вы сами же и устроили, зачем же нужна проверка? Такие нестыковки буквально по каждому пункту!

По словам Патрушева, вместо взрывных устройств в каждый мешок был помещен муляж, однако я провел здесь независимое расследование, нанял английских и французских экспертов… По опубликованным фотографиям взрывного устройства они изучили монтаж проводов и определили, что на самом деле эта штука работающая — то есть схема абсолютно нормальная. Ну а теперь сами подумайте: если это и впрямь муляж, зачем такая правдоподобность? Вряд ли его изготовители рассчитывали, что среди прохожих или жильцов окажется специалист, которого требуется убедить…

— То есть вы стопроцентно уверены, что этот рязанский дом спецслужбы реально хотели взорвать?

— Уверен ли я? Безусловно.

— Ну, хорошо, допустим, если даже и так, — зачем это им понадобилось?

— Как я понимаю сегодня, параллельно штабу, который работал на имидж Путина, на легитимные выборы и так далее, существовал другой, параллельный, созданный руками спецслужб, не сознававших, что выигрывать можно и честно. Кстати, здесь полная аналогия с тем, что происходило в девяносто шестом. Выборы президента были назначены на июнь, а в марте Коржаков, Барсуков и Сосковец уговорили Ельцина подписать три указа: один — о переносе выборов на два года, второй — о запрете компартии и, наконец, третий — о разгоне парламента. Налицо абсолютное, дремучее непонимание того, как устроена новая жизнь: эти хомо советикус не верили, что с помощью «ящика» можно добиться большего, чем посредством пушек и пушечного мяса.

К сожалению, этот менталитет сохранился, и те люди, которые планировали взрывы в девяносто девятом, с одной стороны, были убеждены, что так, как наметили мы, не победить, а с другой стороны, не исключаю, хотели взять под контроль Путина как будущего президента страны.

Опять же это предположение, но факты — упрямая вещь… Только что я рассказал вам один эпизод, однако очень значителен и другой. За три дня до волгодонских событий спикер Госдумы Российской Федерации Селезнев на заседании (не общем, а какого-то рабочего органа) объявил о готовящейся провокации — взрыве жилого дома в Волгодонске. Правда, он немного ошибся — сначала взлетел дом на улице Гурьянова в Москве, а уже через

три дня — в Волгодонске. Есть даже видеокадры, где Жириновский кричит: «Как же так — три дня назад вы сообщили нам о предстоящем теракте, а теперь все подтвердилось?».

— Есть версия, что, прежде чем назначить Путина преемником, его ознакомили с собранным на него компроматом и сказали: «Давай, парень, работай, но знай свое место»…

— Об этом мне ничего не известно, ничего подобного я лично не слышал и глубоко сомневаюсь, что такой компромат существует.

— Вы до сих пор утверждаете, что убийство Литвиненко на совести Путина?

— Да, утверждаю, причем не просто потому, что могу многое предъявить Путину и его режиму. Я, например, считаю, что Беслан и «Норд-Ост» — из другого разряда истории, нежели взрывы домов в Москве, тем не менее, ответственность за то, что там произошло, за ставку на силовое решение тяжелейшего конфликта, лежит на Кремле и на Путине лично. Он, кстати, это очень хорошо понимает — не зря же прибыл в Беслан тайно, ночью…

— Чтобы не встретиться с матерями погибших детей?

— Конечно, чтобы не смотреть им в глаза, а еще раньше он точно так же испугался встречи с родными и близкими моряков, когда затонула подводная лодка «Курск». Тогда это была открытая тема, о ней говорило еще все-таки независимое ОРТ, которое как раз после этого и задушили… Помните, как ему сложно было объяснять, почему погибли сто восемнадцать подводников, почему он не прервал свой отпуск в Сочи и почему не приехал в Видяево? В Беслане история повторилась — в этом смысле он совершенно не изменился.

— Согласны ли вы с тем, что семьдесят-восемьдесят процентов населения России от Путина без ума?

— Я бы не употреблял оборот «без ума», но, в общем, согласен, что процентов семьдесят российского населения, безусловно, выражают ему свою поддержку.

— Цитата из Бориса Березовского: «Что ж, такой он — русский народ, такой рабский русский народ, да… Любит, когда его бьют палкой». Берете свои слова обратно?

— Нет, я их полностью подтверждаю, правда, хочу сделать ремарку: именно в силу этого трансформация раба в свободного человека — в условиях, когда основная часть общества рабы! — зависит от лидера. Ельцин взял на себя эту ответственность и, как вы знаете, собственный рейтинг, который был выше, чем путинский, разменял на реформы. Он, образно говоря, грудью бросился на амбразуру, а Путин, наоборот, разменял реформы на

рейтинг. Сейчас ведь страна не прогрессирует, хотя при этом я утверждаю, что Россия путинская сильно отличается от России коммунистической.

— В лучшую сторону?

— В лучшую, разумеется, но благодаря Ельцину. По моей классификации, путь к свободе лежит через два этапа, и первый — это осознание самим человеком того, что быть независимым и самодостаточным намного комфортнее, чем подчиненным, от кого-то зависящим.

Мы с вами учились практически в одной школе — советской, и вы, конечно же, помните, как трактовали на уроках истории освобождение от крепостного права: дескать, народ боролся за свою свободу… На самом же деле, мы знали, что чушь это собачья: были крестьянские бунты, которые требовали возвращения помещика, барина, потому что ни единой проблемы сами крестьяне решить не могли…

— «Вот приедет барин — барин нас рассудит…».

— Да, и когда они этого лишились, до смерти испугались… Абсолютно та же история повторилась в последнем десятилетии прошлого века, когда Ельцин взял на себя ответственность за превращение послушного большинства в людей. Надо ведь понимать, что демократия — это не механизм, а ментальные изменения, и хотя россияне сделали колоссальный прорыв вперед, это лишь первый шаг, который называется: нам понравилось быть свободными. Действительно, замечательно ни на кого не оглядываться, говорить, что угодно, спокойно летать на Канарские острова, но, чтобы это состоялось как политическая система, как стабильное общество, нужно сделать второй шаг: каждый день за эту свободу бороться. Как там у Гёте: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день…

— …идет за них на бой»…

— Вот, — каждый день! — потому что, на самом деле, любая власть, даже демократическая, в силу своей природы всегда авторитарна. Я даже больше скажу: если сегодня в Англии идеально продвинутое британское общество перестанет контролировать свою власть, завтра та без суда и следствия станет прослушивать граждан и произойдет почти то же, что и после терактов в Америке. Именно общество, менталитет свободных людей не позволяют королеве или премьер-министру узурпировать новые и новые функции…

К сожалению, во втором шаге русский народ оказался несостоятельным и поэтому так легко откатил назад. Когда пришел барин и пообещал: «Теперь я о вас позабочусь», граждане это с удовольствием проглотили, успокоились…

— …и славят барина…

— …хотя это спокойствие, безусловно, ошибочное.

— Обманчивое!

— Да-да, обманчивое — видите (*улыбается*), уже родной язык забывать начал… В россиянах просто осталась память о том, что этой свободы вдохнули, а самое главное — перекрыть кислород, отсечь от информации, запретить, как это было во времена Союза, выезжать за границу уже невозможно…

— Теоретически, по-моему, возможно все, что угодно, даже тридцать седьмой год…

— Я так не думаю, потому что все-таки истреблять миллионы сегодня в России немыслимо. Путинский режим не смог бы держаться, если бы действительно устроил массовые репрессии (именно поэтому власть не переходит последней черты), а вот институт запугивания воссоздан по полной программе.

В этом смысле опять-таки очень важно отделять роль личности от исторических закономерностей, например, после того как посадили Ходорковского, я сказал: сто процентов — Путин пойдет на третий срок. У него просто нет выбора, и в конечном счете он это поймет.

— По этому поводу Задорнов сострил: «Если Путин пойдет на третий срок, Ходорковский пойдет на второй»…

— Горькая шутка, ведь то, что произошло с Ходорковским, — огромная трагедия: он не имеет ни малейшего шанса выйти из тюрьмы, пока Путин будет у власти.

— Вы сказали, что добровольно Владимир Владимирович никогда не уйдет — в каком качестве, на ваш взгляд, он останется?

— Прежде всего, к нему все-таки пришло понимание, что он не имеет шанса уйти, и уже после этого стали реализовываться различные технологии… Ну действительно, как это сделать? Начали с того, что попытались создать новое союзное государство с Белоруссией, но Путин плохо знал батьку — Лукашенко не согласится быть вторым даже во всемирном правительстве. Есть и объективные обстоятельства, не связанные с личностью Александра Григорьевича, по которым такой союз невозможен, — он стал бы буквально «раздирать» Россию, поскольку Татарстан и Башкортостан совершенно справедливо спросили бы: а что, мы хуже, чем Беларусь? Идея поэтому провалилась, и в поисках других вариантов стали думать о преобразовании страны из президентской республики в парламентскую.

— Какой вариант, по-вашему, оптимальный?

— Планы постоянно менялись, и по мере того, как оставалось все меньше и меньше времени, мысли все больше и больше

продвигались в сторону самого незамысловатого. Проще всего ведь сказать: «Ребята, вот!»…

— …и пожалуйста — на трибуне, как на приснопамятных съездах КПСС, до боли знакомая ткачиха с до боли знакомой речью…

— Что они только ни делали: рейтинг, как вы сказали, восемьдесят процентов, «Родина в опасности!», «Другого такого нет!»… Они сейчас к этому варианту почти подошли: выяснилось, что, оказывается, все-таки существует в Конституции, в законодательстве дырка, и если до президентских выборов Путин уйдет в депутаты как лидер «Единой России», то в марте 2008-го без проблем может вернуться. Фактически ему нужно будет отправиться в отпуск в Госдуму на каких-то два-три месяца.

Это последняя модерновая идея, выдвинутая идеологами путинизма, и, думаю, что-то очень близкое к этому они и реализуют. С одним, правда, «но»: уходить Володе опасно даже на день… Во-первых, кто бы ни занял его место, он должен подписаться под всем тем, что сделал Путин, — не возбудив расследования, такой сменщик становится главным соучастником, потому что у него была сила раскрыть преступления, но он этого не сделал. Во-вторых, я абсолютно согласен с Сережей Доренко, сказавшим: «Любой человек, который садится в кресло правителя России, убежден, что это от Бога, что он мессия».

Вспомнил сейчас прелюбопытнейший эпизод: однажды мы с Путиным были в церкви, и какая-то старушка, стоявшая неподалеку, воскликнула, показав на Володю: «Смотрите, смотрите, молодой царевич!..» Когда через некоторое время мы снова с ним встретились, он спросил: «А ты помнишь, что в церкви было?», то есть настолько к этому серьезно отнесся… Так что не важно, будет ли президентом Зубков, Медведев…

— …Иванов, Петров, Сидоров…

— Ну, по крайней мере, проект «Иванов — президент» закончился (имеется в виду Сергей, хотя Ивановых в России много, поэтому может быть и какой-то другой). Короче, хочу подчеркнуть: любой, кто усядется на президентский трон, даже с договоренностью, что только на три месяца, больной, хромой, глупый (а уж тем более умный!), вообразит, что это от Бога…

— …почувствует себя царевичем…

— …и мессией. Думаю, Путин это хорошо понимает, поэтому, повторяю, уходить ему нельзя даже на день, и до этого он дозреет. Тем самым замечу, Россия завершит абсолютно логичный виток, который уже не потребовал семьдесят или восемьдесят пять лет, потому что время сейчас сжато,

информационные возможности другие… Оставаясь на третий срок, Путин превратится не в полу-, а в полноценного диктатора со всеми вытекающими последствиями и для него лично…

— …и для страны, и в какой-то степени для остального мира…

— Безусловно. Собственно, мы знаем судьбу диктаторов XX — начала XXI века — финал у всех одинаковый. Такой же ожидает и его режим, и его самого.

— На кого же сегодня опирается Путин? Кто, иными словами, за ним стоит?

— Разумеется, можно перечислять его соратников пофамильно, но я это плохо умею делать. Кроме того, давно с ними не контактировал непосредственно, а питаться слухами не хочу…

— И все-таки что это за люди?

— На мой взгляд, Путин имеет естественную опору в обществе, которая называется элитой, а если точнее — коррумпированной элитой. Это и прикормленный бизнес, действующий в интересах Кремля (не забывающий, разумеется, о себе), и журналисты, обслуживающие власть, и так называемые политики, которые поднимают руки, как им велят сверху… В свое время я даже классифицировал элиту России, разделив ее на семь разновидностей, но поскольку ко мне было множество претензий (почему, дескать, ты называешь этих идиотов элитой?), можно считать это группой влияния (или потенциальной группой влияния).

Если представить коррумпированные элиты в виде айсберга, их вершины и есть реальная опора Путина, причем между ними заключен некий негласный контракт, что они ему — власть и благополучие (включая материальное), а он им — легализацию бизнеса (как в России, так и на Западе).

Проблема для Путина в том, что с некоторых пор на Западе для них он не крыша (последней каплей стало отравление Литвиненко полонием), и сегодня Володя уже не может попросить своего друга Буша помочь тому или иному российскому бизнесмену, потому что на вопрос “Who is Mr. Putin?” сам дал исчерпывающий ответ. Мистер Путин — не друг демократии, мистер Путин превратился почти в ее… не хочу сказать врага, но противника — это точно, поэтому и потерял очень важную для русского капитала функцию.

Такая вот незадача, а ведь, как вы знаете, несмотря на патриотизм, крупные русские предприниматели (так же, как почти все кремлевские и прочие деятели) деньги свои почему-то…

— …держат на Западе…

— …и это главное свидетельство зыбкости и нестабильности. Если бы они считали иначе, свои активы размещали бы дома.

— Правда ли, что сегодня практически каждый представитель правящей российской верхушки, кроме счетов за границей, имеет паспорт с шенгенской или американской визой и в любой момент в течение двух-трех часов готов покинуть пределы любимой Родины…

— Я не могу сказать, насколько это верно или неверно, но за те семь лет, что я здесь, приток российского капитала сюда в сотни раз вырос, а количество людей, которые считают Англию, по крайней мере, вторым местом жительства, возросло минимум десятикратно. Нет никакого сомнения, что все это — результат неуверенности…

— …в завтрашнем дне…

— …а точнее, уверенности, что будет еще хуже.

— Россия заочно вас осудила, по-прежнему требует вашей выдачи. Не опасаетесь стать разменной картой в отношениях Лондона и Москвы?

— На самом деле, британская власть приняла решение в пользу России, поэтому, когда я попросил здесь политического убежища, прежде чем отказать мне на основании, что получен запрос о моей экстрадиции, англичане полтора года тянули — ждали этого запроса. Не знаю, по договоренности с Кремлем или нет, но высшие чиновники, безусловно, российской верхушке подыгрывали. Может, и нехотя, но подыгрывали…

— Вы, очевидно, переживали?

— Не переживал абсолютно, потому что Великобритания — это страна, где закон выше власти: в прямом смысле. Я знал, что все будет решаться не в Министерстве внутренних дел, а в суде, а в нем сомнений у меня не было, потому что имел опыт. Здесь, в Лондоне, я подал иск против журнала «Форбс», и поскольку его владелец несколько раз пытался баллотироваться на пост президента Соединенных Штатов, в силу своего абсолютно советского менталитета думал, что он найдет какие-то ходы в суд, подстрахуется…

— Не нашел?

— Более того, сегодня я совершенно уверен, что и не искал, потому что любая попытка как-то на суд повлиять, является тягчайшим преступлением. Конечно, Путин был глубоко убежден, что Тони Блэр (в то время премьер-министр) может что-то там подкрутить, поднажать, подсказать, и напрочь не понимал, что попытка в этот процесс вмешаться означала бы для действующего премьера крах его политической карьеры. Не потому, что это дело

Березовского — кого бы то ни было, — поэтому, уверяю вас, я спал хорошо, не беспокоился…

— В России вас посадить могли?

— При пересечении границы за решетку упекли бы немедленно, поскольку независимый суд отсутствует. В этом как раз вся проблема: если бы я считал, что в России он существует, никогда бы не уезжал.

— То есть, скорее всего, вы разделили бы судьбу Ходорковского, а поскольку знаете очень много, с вами могли сделать что-то похлеще, дабы заставить, наконец, замолчать…

— Мне это видится немножко иначе: я покидал Москву во времена далеко не такие, как 2003–2004 годы, когда учинили расправу над Ходорковским. Все-таки в 2000-м Путин еще был надеждой для Запада, для многих сознательных граждан на Родине, а три года спустя его имидж как демократа оказался сильно здесь поколеблен, да и в России произошло реальное разделение общества на тех, кто точно знает, что он автократ, и на тех, кто готов его целовать в любую часть тела (имею в виду не только женщин, но и мужчин). Если бы это случилось раньше, последствия для меня были бы, на мой взгляд, значительно тяжелее…

— Ходорковский — приличный, по-вашему, человек, вам его жаль?

— Жаль бесконечно, но это не весь ответ, ведь жалость в данном случае — наша реакция на страдания, да? Я хорошо понимаю, что для любого, кто оказывается за решеткой, эта ситуация мучительна, но по-разному воспринимаю, скажем, страдания в сталинских лагерях Мандельштама и страдания более-менее обычного человека, не столь тонкого… Нисколько, поймите правильно, не хочу разделять людей на белых и черных, просто говорю, что у одних кожа толстая, а у других — сверхчувствительная.

Ходорковского я знаю как человека очень тонкого, ранимого, интеллигентного, образованного, и делал он все абсолютно искренне. Давайте признаем: он построил лучшую, самую эффективную в стране частную компанию, да к тому же еще наиболее крупную — и это факт.

— На свою беду, он захотел обустроить Россию…

— В общем, это действительно так. Ходорковский прошел путь от студента, кооператора (пусть и научно-технического кооператива) до крупного бизнесмена, потом захотел в политику — а что в этом плохого, почему нельзя?

— Извините, но я не могу не задать нелицеприятный, даже провокационный вопрос… Один очень серьезный человек из

Кремля как-то сказал мне: «В России евреи вообще охренели. Смотри: Березовский, Гусинский, Смоленский, Фридман, Вексельберг, Абрамович… Ходорковский — так тот вообще пошел к Путину и начал ему рассказывать, как дальше жить. Стал в довершение ко всему путешествовать по областям, встречаться с губернаторами, закупать оптом места в Госдуме… Конечно, ну кто такое потерпит?». Что вы об этом думаете?

— Не знаю (*задумчиво*), кто это с вами так откровенничал… Безусловно, в России, да и не только в ней, еврейский вопрос существует — он, если уж на то пошло, имеет место почти во всех странах. Не думаю, правда, что в российских пределах он серьезнее, чем, например, во Франции, что антисемиты в Америке менее агрессивны…

Вообще же, такой подход: дескать, мне чего-то нельзя, потому что еврей, — это, на мой взгляд, удел слабого человека, и расхожее мнение, что в России еврей не может быть президентом и лидером, считаю глубоко ошибочным. Я вам уже сказал, и, по-моему, кивая мне, вы согласились: во Франции антисемитизма ничуть не меньше, чем в той же России, тем не менее, Саркози, будучи, как известно, минимум наполовину евреем, да к тому же сыном эмигрантов (то есть реальным французом в первом поколении), победил на выборах конкурента, в чьих жилах текла абсолютно голубая кровь, и стал президентом Франции.

Подчеркиваю: вопрос не в антисемитизме российском, который нисколько не омерзительнее французского или какого-то другого, а в политической воле (при этом то, что сей фактор присутствует и его нужно учитывать, я не отрицаю).

— Ходорковский, на ваш взгляд, из тюрьмы выйдет или закончит свои дни там?

— Выйдет, когда падет режим Путина, а поскольку я не устаю верить и пытаюсь еще убеждать других, что долго он не продержится, освобождение Михаила не за горами.

— Переходим теперь к Абрамовичу: правда ли, что именно он является президентским кошельком и деньги, приписываемые ему, на самом деле принадлежат Путину со товарищи?

— Ничего, что связано с Абрамовичем, комментировать не хочу по главной причине: здесь я возбудил к нему гражданский иск (пока это не уголовное дело) и добился того, что официальная бумага с соответствующим уведомлением ответчику была вручена. В Британии это очень сложная процедура: документ действительно нужно вручить, а поскольку человек может бегать по всему миру, сделать это не так уж легко.

— Британская пресса взахлеб описывала, как, совершая в центре Лондона шопинг, вы заметили в магазине Hermes

Абрамовича и тут же отправили своего телохранителя за лежавшими в лимузине бумагами. В общем, пока охрана чукотского губернатора пыталась оттеснить ваших секьюрити, беспрепятственно приблизились к бывшему партнеру и со словами: «У меня для тебя подарочек», — протянули ему повестку. Побледневший Роман Аркадьевич спрятал руки за спину, и документы упали на пол, но уже через двадцать минут ваши адвокаты изъяли сделанную камерой наблюдения бутика видеозапись, дабы представить в качестве доказательств в суде…

— Да (*улыбается*), это была сцена в духе «Крестного отца»…

…Давайте так: когда завершится судебное разбирательство — тогда об Абрамовиче и поговорим, просто оказалось, что у нас совершенно разные ценности, цели и моральные обязательства перед самими собой. Вот главная причина, по которой мы с ним разошлись.

— Словом, симпатии Роман Аркадьевич у вас не вызывает?

— Сегодня, безусловно, нет, а раньше вызывал, и глубокие…

— Олигарх ли вы сейчас или уже нет, и много ли денег потеряли за годы вынужденного пребывания в Англии?

— Ну, поскольку олигарх — понятие не устоявшееся, в это слово люди вкладывают совершенно различные смыслы. Если имеется в виду прежде всего богатство, то я точно не хочу отвечать, сколько у меня есть, сколько потратил и прочее, а если, называя меня олигархом, подразумевают, как трактует классическое определение, сочетание денег и власти, то в некотором смысле это лицемерие: все богатые люди во всех странах влияют на власть.

Как-то я даже сформулировал, что капитал (не в примитивном смысле денег, а интеллект, труд, станки) — это концентрированный потенциал нации и его влияние на власть абсолютно естественно. Именно поэтому заключенный с приходом Путина договор, что бизнесмены не вмешиваются во власть, а та, со своей стороны, не препятствует им, — абсолютная глупость: это попросту не работает, потому что невозможно. То, что нынче мы наблюдаем безусловно огромное влияние капитала на принятие важнейших государственных решений, на самом деле отрадно, и когда вице-премьер России отстаивает интересы русского капитала в Америке или в Европе — это естественно.

Кстати, расскажу вам смешную историю: когда у нас стали поносить Сороса, среди выдвинутых обвинений было и то, что он, дескать, агент ЦРУ. Я, помню, спросил: «Вы понимаете, что это ЦРУ агент Сороса, а не наоборот?». Россиянину, согласитесь, очень сложно представить, что спецслужбы существуют для обслуживания не только простых граждан, но и, конечно, крупных

капиталистов, которые приносят своим странам деньги, создают рабочие места и так далее…

— Возможна ли, на ваш взгляд, в России революция типа «оранжевой» в Украине, возможен ли на Красной площади подобный Майдан?

— Безусловно.

— И вы всерьез в это верите?

— Ну, я не утверждаю, что прямо завтра в России соберется Майдан, но абсолютно этого не исключаю, и вероятность этих событий высока. Чтобы пояснить, почему так считаю, задам вам вопрос: а вы представляли, что «оранжевая» революция — такая, как произошла в Украине, — возможна?

— Разумеется, не представлял, но я хорошо понимаю, в чем разница между русскими и украинцами…

— Я понимаю тоже, причем такие же различия есть между украинцами и поляками, между поляками и немцами… Чем дальше на Запад, тем заметнее, так вот, нам остался всего один шаг, потому что братская Украина, от которой вы ничего подобного не ожидали, его уже совершила (замечу, что именно в России настаивают на том, что мы братские народы по менталитету).

Вне всякого сомнения, московский Майдан возможен, и даже более того, я убежден, что он состоится, другое дело, сегодня нельзя сказать, что для этого созданы предпосылки. Скорее, наоборот — кажется, есть предпосылки для революции сверху, а не снизу, но в последние десять-пятнадцать лет мы столько раз видели, как происходит то, что казалось категорически невозможным… Самый яркий пример — распад Советского Союза: я, например, в восемьдесят девятом году, хотя уже очень интересовался политикой, вообразить такого не мог.

В общем, в связи с тем, что исторические закономерности никто не отменял, да и сжатие по времени к искажению самих процессов не привело, я уверен: Россия все равно ментально к этому прорыву движется, и он, конечно же, не за горами.

— Неоднократно вы утверждали, что финансировали «оранжевую» революцию, — зачем?

— Извините, но я никогда этого не утверждал — говорил лишь, что финансировал в канун революции институты гражданского общества, и делать это начал за год до Майдана. Цель совершенно простая…

— Укрепление демократии?

— Более того, я считал, что прорыв в Украине абсолютно значим для России, и даже статью написал, которая называлась «Судьба России решается в Украине». До сих пор убежден, что за

все эти годы самый мощный удар по путинскому режиму нанесли не какие-то политические процессы внутри России, не оппонирующие партии и отдельные несогласные — именно украинская «оранжевая» революция послала его в нокдаун.

— В каком объеме вы спонсировали упомянутые демократические институты?

— Это совершенно открытая информация — выделил приблизительно сорок пять миллионов долларов, и, несмотря на то…

— …что кое-что по назначению не дошло…

— Этого я не знаю и пытаюсь как раз выяснить… Так вот, несмотря на то, что мое участие преднамеренно искажалось (что особенно обидно, именно теми людьми, которые и просили о помощи), могу совершенно ответственно заявить: это мой самый удачный проект — наиболее эффективный, если исходить из соотношения «цена — качество». Для меня огромная честь, что именно ко мне обратились в критический момент, когда не на что было содержать некоторые структуры, я рад, что много людей в Украине, даже мне не знакомых, заметили это и оценили, но главное все же не это, а то, что я самореализовался. Поэтому и считаю, что в конечном итоге все удалось.

— Что вы думаете о президенте Украины Викторе Ющенко?

— Он, на мой взгляд, сложный и наверняка неоднозначный политик, но при этом есть главный критерий, о котором мы уже говорили, когда обсуждали Путина и Ельцина: автократ он или демократ? Виктор Андреевич, безусловно, демократ, я бы даже больше сказал — либерал. Что интересно, он, как мне кажется, человек слабый…

— …но силен этой слабостью…

— Ну, если вам так хочется… Очень важно, как я вижу отсюда, что украинцы идут впереди власти, и, несмотря на слабость Ющенко как лидера нации, последние парламентские выборы подтвердили именно демократический вектор развития Украины. Не полномочия, акцентирую, Ющенко, а демократический вектор, за который он выступает и на который опирался, когда был избран на свой пост. Уточню: даже не поспевая за своим народом, президент все равно играет колоссальную роль в закреплении его успехов — он эдакий тыл, последний рубеж с конца, подпирающий все время народный импульс движения к свободе.

— Вы утверждали, что знаете, кто отравил Ющенко. Кто?

— Никогда так не утверждал — я заявил, что уверен: за его отравлением стоят российские спецслужбы.

— ???

— Почерк везде один (возьмите отравление Литвиненко — технология немножко другая, но в остальном…), а, как написал я в письме Путину, попытка простыми путями решать сложные проблемы — это типичный гэбэшный почерк. Ющенко, кстати, и сам сказал, что те, кто организовывал и осуществлял его отравление, находятся в России, — это цитата из выступления вашего президента.

…Повторяю: я в людях не разбираюсь. Один мой знакомый воскликнул недоуменно: «Как можешь ты заниматься большой политикой, если в таком признаешься, — это тебе огромный моральный минус. Пытаясь как-то влиять на серьезные политические процессы и чувствуя в себе эту слабость, ты берешь на себя большую ответственность, ведь расплачиваешься в результате не только ты». Что ж, претензия действительно справедливая.

В общем, с одной стороны, в людях я разбираюсь плохо, а с другой — чекистские повадки почему-то с далекого детства чувствую. Не знаю, в силу чего, но это лицемерие, это наперсточничество пахнет за сотни и тысячи миль от Москвы, и все время понятно, who is who, кто на какой стороне и во что играет, — это висит постоянно в воздухе, как опознавательный знак.

— Нравится ли вам как женщина Юлия Тимошенко и правда ли, что у вас был с ней роман?

— Насчет последнего (*смеется*) можете не сомневаться: если внимательно почитаете прессу, убедитесь — мне приписывают совершенно другую возрастную категорию. Тем не менее, у меня Тимошенко (несмотря на то, что считаю ее гораздо меньшим демократом, чем Ющенко) вызывает колоссальное уважение.

— Как женщина, как политик или как человек?

— Безусловно, как политик, поскольку она — реальное проявление воли. Я внимательно слежу за ее трансформацией и вижу: Юлия Владимировна очень растет. Недавно, месяца три-четыре назад, я читал в журнале Foreign Affairs ее статью, где она призывает противостоять России, и был удивлен и глубиной анализа, и его смелостью, точностью.

Считаю, что в Украине нет ни одного политика, сравнимого с ней (не то что лучше, а вообще сравнимого!), и убежден: если бы не она, одного Ющенко было бы совершенно для «оранжевой» революции недостаточно. Ровно так же, как было бы недостаточно одной Тимошенко, — в этом смысле они потрясающим образом до сих пор дополняют друг друга, несмотря на…

— …взаимную друг от друга усталость…

— …и мощнейшее столкновение характеров. То, что украинский президент кажется слабым, в какой-то мере является и его, как вы заметили (готов согласиться), силой, а что касается Юлии Тимошенко, то она в Украине, безусловно, надолго.

— В одном из интервью вы назвали Виктора Януковича бандитом — почему?

— В данном случае — в строгом соответствии с украинским законодательством. Дело в том, что в многочисленных исследованиях о Януковиче я читал, что он дважды был осужден (один раз за грабеж, а второй — за изнасилование) и четырежды привлекался к ответственности, при этом написанное им не опровергалось. Я, например, не слышал, чтобы Янукович подал в суд против издания, которое посчитало, что он бандит, и не понимаю, как от таких публикаций он мог отмахнуться.

Против меня тоже выдвигалась масса обвинений: и формальных, и неформальных, и голословных, — но я мог внимания на них не обращать. Все-таки я частное лицо и вправе реагировать или не реагировать по своему усмотрению, а Янукович занимал высший государственный пост и, несомненно, должен был развеять сомнения…

— …или же подтвердить…

— Нет, развеять, потому что, если бы все подтвердилось, он не имел бы на этот пост права. Поэтому, собственно, я и повторил то, что неоднократно читал в средствах массовой информации. Более того, попытался сам изучить этот вопрос и пришел именно к такому выводу.

— Несколько лет назад вы занимались пленками майора Мельниченко, даже, насколько я знаю с его слов, хотели купить у него архив. Как вы считаете, эти записи подлинные? Не монтаж?

— Что ж, в свое время именно Мельниченко обратился ко мне с просьбой помочь их расшифровать. Поверив его утверждениям, что Кучма и люди вокруг него совершали преступления (особенно много фактов было якобы по поводу убийства Гонгадзе), я финансировал все, что связано с расшифровкой пленок и их экспертизой в Соединенных Штатах. Заключение ведущих институтов США подтвердило: эти записи подлинные.

— В них было нечто, что даже вас, искушенного, опытного человека, заставило содрогнуться?

— Я в стенограммы не вчитывался (этим занималась отдельная группа в Америке) и со всеми материалами, которые у Мельниченко были, не знаком, но не могу сказать, чтобы какие-то вещи сильно там удивили. Нет!

— Смотрю вот на вас — вы замечательно выглядите. Судя по всему, за собой следите, занимаетесь спортом и ведете здоровый

образ жизни, показывая пример своим пяти детям…

— Во-первых, у меня их шестеро…

— …поздравляю!..

— …и шестеро внуков, а во-вторых, я, конечно, не женщина, чтобы мне делали комплименты, но приятно, не скрою. На самом деле, я, с одной стороны, к здоровью отношусь безобразно, а с другой — импульсивно иногда вздрагиваю и начинаю им заниматься. Стараюсь по возможности регулярно, то есть каждый день, делать пробежки (хотя их так назвать сложно — скорее, это быстрая ходьба) и плаваю два раза в неделю по часу.

— Незадолго до первого на вас покушения вы приняли православие — почему?

— Точный ответ дать тут, пожалуй, нельзя, поскольку в огромной степени акт этот нерациональный. Хотя, как вы знаете, православие разрешает объяснение веры, в том числе и причины, почему ты веруешь и во что…

Мой путь к храму был очень долгим: крестился в девяносто четвертом году, в апреле, но много думал об этом и раньше. Возможно, в том числе и благодаря родителям… Мой покойный отец — еврей, а мать (она, слава Богу, жива) — наполовину русская, наполовину еврейка. Они были абсолютными космополитами и не воспитывали меня в следовании какой-то вере, тем не менее чем настойчивее я пытался понять себя, тем больше задумывался о Боге.

…Совсем недавно я прочитал потрясающую книгу Людмилы Улицкой, которая называется «Даниэль Штайн, переводчик». Построена она на документах — письмах людей, живших во время Второй мировой войны и после нее, вплоть до наших дней, и там главный герой (тоже еврей, который крестился, — правда, в католическую веру) задает потрясающий вопрос. «Я понимаю, — говорит, — что Он проповедовал, но хочу понять, во что наш Учитель веровал. Сам во что веровал?».

Уже приняв христианство, я продолжал этот свой шаг обдумывать, пытался его осознать и выделил две проблемы. Первая — философская: в чем состоит отличие иудаизма от христианства? — и я нашел (для себя, по крайней мере) ответ. Когда Моисей получил от Бога скрижали с десятью заповедями, он призвал людей все это выучить и своих детей научить самоограничениям, которые, грубо говоря, и есть элементы веры, а Христос сказал, что, напротив, мы не должны ничему в данном смысле учиться, поскольку с этим рождаемся. Понимание добра и зла заложено в нас на генетическом уровне, и вопрос как раз в том, чтобы прожить жизнь земную так, чтобы через это не переступить, а оттого и страдать… Вот тогда я и понял, почему

стал именно христианином.

Вторая проблема: что в вере главное? В этом я попытался разобраться и пришел, в общем-то, к выводу, что Христос не ведет речь ни о чем, кроме свободы и любви. Помимо двух этих главных смыслов жизни, в Библии ничего больше нет, и тогда, естественно, передо мной встал вопрос: а что все-таки приоритетно?

— Свобода?

— Видимо, как человек, прозанимавшийся много лет математикой, долгое время я думал ровно, как вы, но сейчас уверен, что ошибался. Конечно, любовь (разумеется, в широком смысле этого слова), потому что только через нее можно познать свободу как таковую.

Приведу пример совсем из другой эпохи, из другого, так скажем, жанра. В «Священной книге оборотня» (второе ее название — «А Хули», что в переводе с китайского означает «Лиса») очень серьезный русский писатель Виктор Пелевин дал совершенно замечательное не определение даже, а как бы описание любви: «Любовь не имеет смысла, но придает смысл всему остальному». От себя добавлю: в том числе и свободе.

— После «оранжевой» революции вы неоднократно заявляли, что хотите посетить Украину, но до сих пор так у нас не побывали. Когда можно вас ожидать?

— Действительно, я хотел, да и сейчас хочу приехать в вашу страну, но, к сожалению, решение этого вопроса зависит не от меня.

— Кто-то должен вас пригласить, впустить?

— В силу существующей огромной неопределенности во властных полномочиях, должны быть гарантии со стороны президента и, самое главное, его желание, чтобы я вообще приезжал. Не виню его в слабости и понимаю причины, по которым Ющенко боится моего появления в Украине, — в этом смысле никаких личных претензий у меня нет. Вызывает недоумение другое: почему он придает такое значение тому, как на это посмотрит Путин, почему озабочен тем, что скажет Кремль на то, на другое, на пятое, на десятое? По-моему, Украина нужна России не меньше, чем Россия Украине, и поэтому расцениваю это как слабость украинской демократии, продемонстрированную столь явно.

…Вы вот задавали мне вопросы о Януковиче, Ющенко… Недавние события — имею в виду гибель донецких шахтеров — не только концентрированно отразили сложившуюся у вас сейчас ситуацию, но в чем-то и проявили позиции этих людей.

Наверное, немногие помнят, но еще в бытность премьер-

министром Ющенко поставил вопрос о необходимости закрытия многих шахт, мотивируя это огромной степенью опасности, риска. В Украине же до сих пор никто не оценивает потери от того, что гибнут люди, и хотя человеческая жизнь стоит в том числе огромных денег, считают только стоимость угля. Теперь, после трагедии на шахте Засядько, стала яснее и позиция Януковича (он приостановил работы в выработках глубиной более километра. — *Д. Г.*). Кстати, в самом конце октября Независимый профсоюз горняков Украины обратился к нему с требованием вновь провести проверку безопасности шахт — будто предчувствовали, что произойдет…

Недавно я поднял материалы и обнаружил ужасную статистику. Некогда наш великий вождь Иосиф Виссарионович говорил, что смерть одного человека — это трагедия, а смерть миллионов — статистика, но в отличие от него мы понимаем, что за цифрами со многими нулями — помноженное на миллион горе, слезы и боль, которые никогда, по сути, не забываются: это шрамы на всю жизнь… Видя, что происходит в Украине, я решил посмотреть, а какова ситуация в других странах, которые добывают уголь.

— В той же Польше, Франции…

— …Соединенных Штатах, России… Я обнаружил, что шахтеры гибнут, к сожалению, во всем мире, и в США тоже, но когда сравнил эти страны по количеству погибших при производстве ста миллионов тонн угля (меня этот черствый язык — как раз в духе нашего прежнего вождя — коробит, однако…), был потрясен. В Соединенных Штатах этот показатель составляет полчеловека, в Польше — тридцать два, а в Украине — около трехсот, то есть каждые сто миллионов тонн угля оплачены жизнью трехсот украинцев. Конечно же, демократическая власть не имеет права этого не замечать.

Вторая сторона проблемы — кому выгодно сотнями смертей за этот уголь платить? Как ни странно, есть такие и у вас, и за рубежом. Выясняются удивительные вещи: Россию это устраивает, потому что позволяет удерживать Украину в зависимости, Рината Ахметова — потому что развитие новых технологий (необходимых и для того, чтобы свести к минимуму зависимость Украины от других стран, включая Россию) приведет к падению цены на уголь, а именно угольными шахтами он владеет… (В данном случае я не только о Ринате веду речь — о других ваших бизнесменах тоже).

Сама же энергетическая зависимость Украины — следствие имперского прошлого. Никогда бы страна не создавала такие энергоемкие производства, если бы не считала себя

неотъемлемой частью империи. Поэтому, конечно, Россия несет и моральную, и материальную ответственность за то, что было в прошлом, однако вместо того, чтобы это осознать и дать время на кардинальную реконструкцию экономикам и Украины, и Белоруссии, и других бывших советских республик, пытается использовать исторически возникший фактор, чтобы продавливать свои интересы.

Такое давление через цены на энергоносители я считаю проявлением совершенно варварского имперского менталитета. Конечно, никакая это не рыночная конкуренция, более того, сегодня цена на энергоносители в мире не рыночная, а исключительно политическая. Ответ на эту монополию может быть только один — монополия на землю, по которой транспортируются энергоресурсы… Все очень просто: у вас есть ресурс, который в земле, а у нас ресурс — на земле, но, опять-таки, не хватает понимания, есть (Раздраженно) какие-то Соединенные Штаты, которые ни черта не смыслят, что в этом регионе происходит, но пытаются то и дело подсказывать… Ну и так далее, и так далее…

— Что же, Борис Абрамович, я благодарен вам за беседу и уверен, что читателям она не менее интересна, чем мне. Серьезный у нас разговор получился, но закончить его предлагаю все-таки на веселой ноте. В свое время Михаил Задорнов сказал мне, что, заболев гепатитом, вы созвали пресс-конференцию и всем журналистам, которые плохо о вас писали, пожали руки, а тех, кто особенно досаждал, поцеловали… На прощание я хочу от всей души пожать вам руку, сказать спасибо…

— …и поцеловать. Нет (*смеется*), не так? А поцеловать?..

2007

Александр Коржаков

Березовский уговаривал меня убить Кобзона, Гусинского и Лужкова — это он и Лисовский Листьева заказали.

Александр Коржаков

Москва, Кремль… — целые поколения атеистов, в чьих сердцах веру в рай вытеснила мечта о коммунизме, возносили свои пылкие молитвы по этому адресу. Десятилетиями гражданам огромной страны внушали, что за седыми зубчатыми стенами сидят небожители — люди особой породы, которые неусыпно пекутся о благе, безопасности и будущем соотечественников.

Едва ли не первым этот миф попытался развеять бывший главный телохранитель Ельцина Александр Коржаков. В девяносто седьмом, ровно через год после своего увольнения, он издал скандальную книгу «Борис Ельцин: от рассвета до заката», которая разошлась в России астрономическим двухмиллионным тиражом, была переведена в пятнадцати странах мира и принесла автору гонорар в миллион долларов. Впрочем, тогда Коржаков избегал еще прямых выпадов против президента Российской Федерации, ограничившись обличениями его окружения, именуемого в народе олигафрендами, и Семьи. Этот перекос Александр Васильевич исправил через три года, выпустив новую версию книги под названием «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

…Будущего первого президента России и будущего бытописателя кремлевских нравов жизнь свела в восемьдесят пятом, когда тридцатипятилетний Коржаков был майором и о большем вряд ли мечтал. Отлучили его от высочайшего тела через одиннадцать лет уже в звании генерал-лейтенанта… Не исключено, что он и до маршала дослужился бы, если бы не скандал, вспыхнувший в разгар очередной президентской кампании и закончившийся его громкой отставкой.

Говорят, еще долго, просыпаясь, Ельцин недоуменно спрашивал: «А где Коржаков?», ведь все эти годы Александр Васильевич был ему ближайшим помощником, наперсником, мамкой и нянькой — только, по словам генерала, горшки не выносил. Созданная им Служба охраны президента (по оценке Никсона, одна из самых сильных спецслужб в мире, даже хваленый КГБ превосходившая в профессионализме) не только

оберегала первое лицо от чьих бы то ни было посягательств, но и вела оперативно-розыскную работу: выслеживала потенциально опасных граждан, практиковала съемку скрытой камерой, прослушивала телефонные разговоры. Коржакова считали всесильным и всемогущим — он, например, мог направить письмо с рекомендациями премьер-министру, вызвать на ковер зятя Ельцина и многое, многое другое…

Наверняка в девяносто шестом опальный генерал надеялся, что связанный с ним крепкой мужской дружбой и сентиментальными воспоминаниями президент одумается и позовет, как это не раз раньше случалось. Раздираемый противоречиями, он написал Борису Николаевичу письмо, но не получил ответа, хлопотал о личной встрече, но в последний момент та была отменена. Вместо этого через четыре месяца Ельцин распорядился уволить его с воинской службы с убийственной формулировкой: «После освобождения Указом президента Российской Федерации от занимаемой должности генерал-лейтенант Коржаков выступил с рядом клеветнических заявлений в адрес президента и его семьи, а также допустил разглашение сведений конфиденциального характера, ставших ему известными в связи с выполнением служебных обязанностей».

Экс-телохранитель пытался оспорить это решение в Верховном Суде, и хотя процесс против Ельцина проиграл, категорически не приемлет обвинений в клевете и предательстве. «За рубежом людей, имевших доступ к такой информации, берут не под белы ручки, а под особую опеку, — укорял он своего бывшего патрона, — а в обмен на обязательство молчать дают щедрой рукой дачу и хороший оклад. Меня же выгнали без пенсии, без всего… После отставки, даже будучи депутатом Госдумы, я несколько лет не получал зарплаты — ничего не платили, пока не принесу из Кремля справку. В общем, Ельцин нарвался сам…»

…Когда-то нелюбезная пресса окрестила Коржакова паркетным генералом и пугалом российской демократии, но за последние годы от хлестких и несправедливых ярлыков ему удалось отмыться. Журналисты даже переименовали его в Тульский коржик, поскольку Александр Васильевич трижды проходил в Госдуму по Тульскому округу. Сегодня он не только известный политик, но и писатель, киноактер (сыграл в фильме Абдулова «Бременские музыканты» начальника королевской охраны).

Кстати, на подходе сейчас новая книга — теперь уже о самом Коржакове — под названием «Стреноженный генерал». Ее герой — человек, который знает о коррупции все, но противостоять ей,

увы, не может, поскольку на это нет политической воли первого лица. Знакомая до боли история…

— Добрый день, Александр Васильевич, очень приятно оказаться у вас в гостях, на подмосковной даче…

— Ну, не совсем так: это не дача, а мой дом — единственное место, где я прописан и постоянно живу.

— В любом случае спасибо за приглашение — давно мечтал с вами поговорить, поскольку вопросов накопилось немало. Скажите, в последний путь вы Ельцина проводили?

— Как раз в тот день уехал в командировку. Конечно, ее можно было и отложить, но все равно на похороны не пошел бы.

— Что вы почувствовали, когда узнали, что Ельцина больше нет?

— Как это ни удивительно — ничего. Настолько он умер во мне за одиннадцать лет, минувших после нашего расставания, что физический его уход ничуть меня не всколыхнул.

— У вас, как я понимаю, накопилось по отношению к нему немало обид. Не было желания чисто по-человечески, по-христиански его простить?

— Вообще-то об этом не думал, но, знаете, я его уже давно простил… Какие счеты могут быть к человеку, когда тот не в своем уме, а ведь после шестидесяти пяти себе Борис Николаевич практически не принадлежал и даже своим мыслям, кажется, не отдавал отчет.

Когда Ельцин был первым секретарем Московского горкома КПСС, частенько, приходя с Политбюро, он очень сильно ругал старейшин: Громыко, Соломенцева, — и иногда у нас возникали по этому поводу дискуссии. Я говорил: «Есть точка зрения, что после семидесяти люди только приобретают мудрость. В Китае, например, тех, кто этого возраста не достиг, вообще в Политбюро не включали — считалось, что лишь доживший до преклонных лет может думать о стране и народе. Ему уже не нужны ни женщины, ни вино, поэтому мыслит он более широко, масштабно». Ельцин придерживался противоположного мнения: «Нет, это не так. В семьдесят лет все превращаются в маразматиков, которых совершенно нельзя допускать к руководству державой».

Такие споры происходили у нас неоднократно, и я всякий раз спрашивал: «Какой же, по-вашему, предельный для политика возраст?». Ельцин всегда отвечал одинаково: «Шестьдесят пять лет», и настолько себе эту мысль внушил… Как бы там ни было, встретив Бориса Николаевича утром 2 февраля девяносто шестого, на следующий день после шестидесятипятилетия, я его не узнал. Передо мной был страшно постаревший и подурневший

человек с явными признаками если не маразма, то какого-то дебилизма. Спустя время он смог постепенно встряхнуться, но, видимо, это было только частичное восстановление. Впоследствии Борис Николаевич был лишь марионеткой в руках Семьи, Чубайса, Юмашева, Березовского и кого хотите еще, но сам уже ситуацией не владел.

— Вы написали книгу, которая стала бестселлером и разошлась фантастическим тиражом, если не возражаете, позволю себе на нее ссылаться и приводить оттуда цитаты. Ну вот, для начала: «На службу охраннику было положено выходить подготовленным — со свободным кишечником, пустым мочевым пузырем… Я мог днями не есть, — пишете вы, — часами стоять на ногах и целый день не пользоваться туалетом». Как человеческий организм выдерживал столь изощренное издевательство?

— Помогал тренинг.

— Вы принимали какие-то специальные препараты, лекарства?

— Нет, что вы — просто был молодой, крепкий… Сейчас такие нагрузки мне уже не под силу.

— А если в неподходящий момент требовалось отправить, простите, естественные надобности?

— Для этого существуют кафе, рестораны… В крайнем случае можно было вызвать начальника смены, чтобы он подменил.

— Длительная работа в охране первых лиц не отразилась на вашем здоровье, не сделала вас инвалидом?

— В советском государстве, когда год службы засчитывали за полтора, два или три, последствия определяли и с медицинской точки зрения, так вот, имея такую выслугу, люди и жили так же: год за полтора, два, три. К сожалению, я уже потерял многих своих ровесников (немало ушло и тех, кто моложе). Что интересно, когда пацаном я пришел в органы, сорокалетние старшие товарищи казались мне глубокими стариками.

— В книге вы утверждаете, что Борис Николаевич спал по четыре-пять часов в сутки и вы волей-неволей тоже — не могли себе больше позволить. Неужели этого времени хватало ему, чтобы отдохнуть и восстановиться?

— Так было в первые месяцы его пребывания на посту первого секретаря Московского горкома, когда своим, так сказать, примером он решил показать окружающим, как надо руководить. Москвичам с их столичным форсом Ельцин хотел утереть нос: мол, хоть и приехал с периферии, но умнее, работоспособнее и это докажет. Действительно, доказывал, но дорогой ценой. Какое-то время он еще мог в подобном режиме пахать, а потом по

месяцу и больше лежал в больнице, поскольку сам таких запредельных нагрузок уже не выдерживал. Поначалу с ним постоянно был врач, затем — целая бригада медиков. Организм можно безнаказанно эксплуатировать на полную катушку лет до пятидесяти пяти, но дальше — простите. Есть просто физические резервы, а есть предел…

— Вам, Александр Васильевич, и до Ельцина доводилось охранять VIP-персон, вплоть до лидеров государства, — этот период ярко, грубо и зримо описан в ваших воспоминаниях, причем некоторые подробности меня, признаюсь, шокировали…

— В КГБ нам внушали, что охраняемые лица идеальны, но оказалось, такие же люди, как все, а некоторые даже хуже. Помню, брели мы однажды с одним уважаемым многолетним членом Политбюро по дорожкам, и вдруг он стал звучно испускать газы, будто я для него пустое место. Ужас, я был готов провалиться сквозь землю…

— Речь, уточните, о ком?

— Ну, если не указал его фамилию в книге, сейчас тем более не назову — этого деятеля уже нет в живых.

— Любопытно, а как вообще относились партийные вожди к собственным телохранителям?

— Если честно, не все наверху были такие, не все! Юрий Владимирович Андропов, например, был носителем высочайшей культуры: не то что грубого слова ни разу не произнес — голос ни на кого не повысил.

— Сегодня в России идет некая переоценка личности Андропова, и все чаще ему дают положительные характеристики. Говорят, в частности, что это был прогрессивный реформатор и, если бы не его преждевременная смерть, страна могла пойти по совершенно иному пути…

— Согласен, ведь если Китаю это удалось, то чем мы хуже? Видимо, государству нужно было повернуться к человеку, как у нас говорили (но не делали!), лицом.

— Вы испытывали к Андропову уважение?

— Безмерное. Одно всегда вызывало у меня тревогу: он чересчур доверял своим людям, и многие беззастенчиво этим пользовались. Яркий пример — доктор Архипов, который был специалистом нижайшей квалификации, но Юрий Владимирович вверил себя в его руки, и тот был с ним до конца, до последних минут. Ну, хорошо, Андропов скончался, и где оказался Архипов? Его, личного врача Генерального секретаря, никто на работу не взял, даже не предложил трудоустроить. По идее, он должен был получить хорошую должность в Четвертом управлении Минздрава (так было заведено), но его тихо убрали и тут же

забыли…

— Как же так получилось, что врач столь невысокого, по вашим словам, уровня стал лейб-медиком руководителя огромной страны?

— Когда-то Андропов с ним просто сдружился, а к людям Юрий Владимирович очень привязывался — таким уж он был. Начальнику Службы охраны КГБ СССР Плеханову, скажем, доверял безоговорочно, его шефу Крючкову — тоже, хотя тот же Плеханов Андропова сдал — по-другому его поступок назвать не могу.

— Это правда, что умирал Андропов на ваших глазах и фактически вы присутствовали при агонии?

— В принципе, было ясно, что это конец, но смерть не при мне наступила — позже. Агония могла продолжаться несколько месяцев — на эвтаназию права никто не имел, но приехали Черненко с Плехановым…

— …при вас?

— При мне… Виктору Иванову, начальнику подразделения охраны Андропова, они приказали сдать ключи от сейфа и все, что положено, а ведь больной был хоть и без сознания, но еще живой. Увы, его выдвиженец Плеханов, обязанный сохранять и охранять Юрия Владимировича до последнего вздоха, оказался одним из тех, кто тут же решил выслужиться перед Черненко.

— Мне приходилось слышать, что Андропов не своей смертью умер, дескать, его кончину приблизили — это так?

— Ситуация несколько странная… У Юрия Владимировича, когда он лежал в ЦКБ, постоянно дежурили три реаниматора, но если два из них настоящие профессионалы, выбрали эту специализацию еще в мединституте и с первых лекций готовились вытаскивать больных с того света, то третий был терапевт (может, и неплохой), который всего лишь соответствующие курсы закончил. Именно в его дежурство Андропов скончался, причем сменщики в один голос твердили, что, если бы там находились, не дали бы ему умереть…

— Если уж речь зашла о последних минутах генеральных секретарей, спрошу: это правда, что Брежнев умер во сне и, если бы рядом была, как обычно, его супруга (в те дни отсутствовавшая), «верного ленинца» можно было спасти?

— Так говорили ребята, которые с ним работали. С их слов, Леониду Ильичу не хватило сил, чтобы дотянуться до звонка и вызвать дежурного…

— Вы же, я знаю, и Брежнева охраняли…

— Да, много раз: брали практически во все длительные командировки — на подмогу. Начальник его личной охраны

Александр Яковлевич Рябенко отлично ко мне относился и очень хотел взять к себе, но мое руководство было категорически против. Будучи хорошим спортсменом, я выступал (и, как правило, удачно!) в нескольких видах, поэтому из моего подразделения отпускать не хотели.

— Какое впечатление производил на вас Брежнев?

— Самое замечательное — из всей той верхушки он был наиболее человечным. К людям, которые его окружали, независимо от того, офицер это, сотрудник, который стоит на посту у ворот, парикмахер, повар или официантка, Леонид Ильич относился душевно, всегда был удивительно дружелюбным.

Вспоминаю, как однажды я поставил на место его парикмахера Толю. В недавно показанном российским Первым каналом сериале «Брежнев» этого персонажа сыграл покойный Краско, но совершенно неправильно (хотя что-то от прототипа там все-таки было — тот тоже всегда себя вел нахально). Это был маленький тщедушный человечек, с утра до вечера пьяный, но, брея Леонида Ильича опасной бритвой, Толя, со своими дрожащими руками, умудрился ни разу его не порезать.

— Как же такого пьянчугу к высочайшему лицу допустили?

— А он только утром работал — остальное время искал, где бы хлебнуть. Однажды в Ливадии вечером я отправился собирать опаздывающих после увольнения ребят. Еду, гляжу по сторонам и вижу: Толик — естественно, в доску пьяный. Усадил я его к себе и покатил дальше — за остальными, а он распалился: мол, обойдутся другие, главное — скорее его довезти. «Успокойся, — сказал я ему, — ты не один», а брадобрей давай меня оскорблять. Ну, остановил я машину, вышел и выкинул его на обочину.

Все были уверены, что завтра же меня вызовут на ковер и уволят к чертовой матери, ведь он на всю Ялту орал, что сотрет Коржакова с лица земли, но на следующий день сам ко мне подошел и сразу: «Саня!» — будто мы с ним друзья закадычные. Понял, что получил по заслугам, тем более при свидетелях…

— В фильме «Брежнев» главного героя блистательно, на мой взгляд, сыграл Шакуров, а в целом вам этот сериал понравился?

— Очень, а Шакуров особенно: я дал бы ему за эту роль Ленинскую премию.

— Вы, честно говоря, не производите впечатления дряхлого пенсионера, тем не менее, жали руку самому Микояну, хоронили маршала Ворошилова… Как умудрились, когда успели?

— Служил в Кремлевском полку рядовым, поэтому приходилось участвовать в разных мероприятиях, а люди сталинской закалки не брезговали пообщаться с солдатом. Такое уважение было приятно, а что касается Ворошилова, то ему

пришлось даже рыть могилу и нести потом гроб с его телом.

— Вернемся, однако, к Ельцину. В своей книге вы написали, что Борис Николаевич вел себя как настоящий партийный деспот — в чем это выражалось?

— Если ради показухи или в назидание другим нужно было кого-то унизить, или, как у нас сейчас на блатной манер говорят, «опустить», он никого не щадил, несмотря на то, что иногда разнос был несправедливым. Ельцин спокойненько мог через человека переступить и не поинтересоваться его дальнейшей судьбой, а ведь многие в результате попадали в больницу с инфарктами, даже заканчивали жизнь самоубийством — был и такой случай. Увы, все это было ему безразлично — дескать, отработанный материал, и если снимал с должности, то раз и навсегда. За одиннадцать лет нашей совместной работы было только два случая, когда Ельцин беседовал с сотрудником после того, как принял решение о его увольнении.

— Вы о себе?

— Нет, я в число этих счастливчиков не попал — во-первых, речь о Баранникове, бывшем министре безопасности. Все-таки Борис Николаевич очень ему симпатизировал и с сожалением его отстранил, когда тот был уличен в злостной коррупции. Я фактически слушал последний их разговор — вынужден был, потому что Баранников мог заявиться с оружием и неправильно себя повести.

— Застрелиться?

— Нет, застрелить!

— Ельцина?

— А почему бы и нет? Он страшно не хотел покидать пост министра, который придумал, создал «под себя», и вдруг так вляпался на каком-то проходимце Бирштейне…

— «Сиабеко»?

— Да-да, «Сиабеко», Бирштейн, Якубовский — одна шайка-лейка… Это дело мы раскрутили, Ельцин ткнул Баранникова физиономией, а тот уже ничего не мог сделать. На прощание Борис Николаевич решил побеседовать с ним по душам, но экс-министр не смог убедить президента в своей невиновности (я это знаю, потому что, повторяю, все слышал — стоял за приоткрытой на всякий случай дверью).

— Вы были с оружием?

— Тогда с ним не расставался.

Это была одна такая прощальная встреча, а вторая состоялась с Николаем Дмитриевичем Егоровым — главой ельцинской администрации. Кстати, во многом за счет его энергии и здоровья Борис Николаевич победил на выборах в девяносто шестом. Не

благодаря Чубайсу (не верьте его россказням!) — просто СМИ были у этих ребят в руках: вот они себе все заслуги и приписали. На самом деле избирательную кампанию выиграла администрация президента совместно со службой его безопасности — первая организовала выборы, а вторая чемоданами деньги возила.

— Хм, а я слышал, что коробками из-под ксерокса…

— Это Чубайс доллары себе в них таскал, когда воровал бюджетные средства, а мы все, что вносили на предвыборную кампанию банкиры и предприниматели, доставляли по назначению, и потом уже штаб распределял, кому сколько…

Президентские выборы Ельцин-то выиграл, но у него не осталось ни грамма сил, чтобы руководить страной, — вот и решил главой Администрации назначить Чубайса. Егоров был, конечно же, поражен таким отношением: он положил здоровье, лишился легкого, заработал рак… Фактически на износ трудился: в задней комнате у него постоянно дежурили врач с медсестрой — делали внутривенные уколы в катетер. Сутками из кабинета не выходил, повсюду мотался…

Егоров очень много для Ельцина сделал, и тот это, естественно, понимал. Сообразив, что поступил нехорошо, несправедливо, он, находясь в Барвихе, вызвал туда Николая Дмитриевича и, заплакав, попросил у него прощения: мол, так получилось, но иначе я не могу, вынужден… В общем, показал свою полную немощь.

— Ельцин, простите, заплакал?

— Да, с ним это часто бывало. Это мне сам Егоров рассказывал — мы до последнего дня дружили (я посетил его буквально за три часа до смерти). «Борис Николаевич, — попросил Егоров, — раз так, отпустите по-доброму. Не надо мне помогать, что-то особенное для меня делать…». — «Нет уж, — ответил Ельцин, — просите любую должность, которую считаете для себя подходящей, кроме председателя правительства». Ну а Коля был у нас мужиком остроумным… «Хорошо, — кивнул, — назначайте министром обороны».

Президент, конечно же, на попятную, а Егоров ему опять: «Да не надо мне ничего, не хочу я в этой команде работать. Отпустите назад, в Краснодарский край — снова пойду на губернаторские выборы. Прошу об одном только: чтобы хоть не мешали». У Ельцина будто гора с плеч: «Нет проблем, дам Чубайсу команду, чтобы все вам там обеспечил». Слово свое он «сдержал»: Николая Дмитриевича задавили. Ярый антикоммунист Чубайс предпочел провести в губернаторы ортодоксального коммуниста, лишь бы не пустить на это место Егорова.

— Не секрет: Ельцина в Москву пригласили Горбачев с Лигачевым, и, судя по всему, Михаила Сергеевича на первых порах Борис Николаевич боготворил…

— Так на самом деле и было. К телефону прямой связи с Генеральным он летел со всех ног — бросал все, чем бы ни занимался… Ну, представьте: за столом идет совещание, мы где-то в сторонке сидим — и вдруг звонок. У него стул падал, так он вскакивал, чтобы бежать к аппарату, только и слышно было: «Михал Сергеич, Михал Сергеич, Михал Сергеич…» Он даже на «вы» к нему не обращался — исключительно по имени-отчеству. Как заладит через каждое слово…

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Горбачев предложил Ельцину с семьей переехать на служебную дачу, с которой только что съехал сам, и шеф, не дожидаясь ремонта, сразу же перебрался. Такого еще за всю партийную историю не случалось: обычно хоть косметический ремонт, но полагалось сделать.

Уезжая, Горбачевы сняли со стен картины, и на обоях остались светлые пятна, торчали гвозди, виднелись пустые дырки. Спешка Ельцина объяснялась просто — он хотел показать, что ничем после Горбачева не брезгует. Думаю, никогда Борис Николаевич до столь высокого поста не дошел бы, если бы у него не было этого беспрекословного чинопочитания».

— Почему между ними пробежала черная кошка?

— Я не хочу строить догадки — исчерпывающий ответ мог дать только Ельцин, и в своих мемуарах он кое-где этой темы коснулся. Борис Николаевич хотел улучшения сегодня, сейчас, а поскольку такие вещи быстро не делаются, что-то из задуманного не получалось, и виноваты были, как водится, все вокруг. Вроде бы все хорошо, замечательно, но палки в колеса партийная номенклатура ему все же ставила, а он с этим смириться не мог. Ему же и с демократией надо было все и сразу… После провала путча Ельцин обещал людям: «Через год заживете прекрасно. И зарплата у вас будет хорошая, и еды вдоволь — у каждого полный холодильник». Увы, ни одно из его обещаний исполнено не было.

— Когда будущего «царя» Бориса с треском выгнали с поста первого секретаря Московского горкома партии, его личные охранники должны были, согласно инструкции, от него отмежеваться, занять позицию по другую сторону баррикад. Вы, тем не менее, поступили как настоящий мужик: остались с ним и возили его на своей «Ниве». Почему? Ощущали перспективу или просто сочувствовали опальному боссу?

— Вы, уж простите, немножко форсируете события. С должности первого секретаря Московского горкома его сняли в

ноябре восемьдесят седьмого, и лишь в феврале восемьдесят восьмого вывели из состава Политбюро. Черный от горя Ельцин лежал в больнице, а потом ему предложили стать первым заместителем председателя Госстроя СССР, оставив при этом членом ЦК.

— Почетная ссылка?

— Ну что-то вроде того, но, лишившись кресла в Политбюро, он, естественно, перестал быть охраняемым лицом, то есть формально мы расстались. К нам, помню, приехал Плеханов и приказал: «Сдайте оружие. Пока все по домам, а потом мы вас вызовем».

В этот период у нас остались чисто внеслужебные отношения: позвонить, в гости прийти… Никто еще никого не возил — я вернулся на службу, попросился дежурным. Меня очень устраивал график работы сутки через трое, потому что я обожал свое Простоквашино (деревня Молоково в девяноста километрах от Москвы, родина матери Коржакова, где он сейчас живет. — *Авт.*). Дома вообще мало бывал: на трое суток сбегал сюда и полностью отключался от дел. С Ельциным между тем мы продолжали общаться. Когда выходные у нас совпадали (а у меня при таком графике их хватало), он приезжал ко мне в гости или я бывал на его госдаче в Успенском…

1 февраля 1988 года у Ельцина был очередной день рождения — вот мы с напарником Виктором Суздалевым (несколько лет назад он погиб — разбился по дороге на дачу) и поехали его поздравить. Кроме подарков и цветов, взяли с собой вина, закуски… Все было душевно: помощник Бориса Николаевича Лева Суханов играл на гитаре, мы пели — и загуляли в Госстрое до утра. Естественно, кабинеты «бунтаря» прослушивали, а мы дифирамбы ему пели. Какие? Нет, мы не думали, что когда-нибудь он поднимется, — наоборот, говорили, чтобы держался и не переживал, потому как жизнь продолжается и не так уж все плохо. Его же не в лагерь отправили, не в лефортовскую тюрьму…

— Вас после этого вызвали?

— Через несколько дней спокойненько попросили.

— В смысле уволили?

— Ну разумеется! Конечно, для меня это стало трагедией: с шестьдесят восьмого в органах — двадцать лет! — и делать больше ничего не умел. К тому же я был всегда в числе первых — что называется, ходил в отличниках, и вдруг ни с того ни с сего… Мне и в голову не приходило, что за такое можно слететь с работы. Мы же не с врагом народа общались, и когда меня переубеждали, я говорил: «Ребята, он член ЦК…

— …на минуточку…

— …почему с ним нельзя посидеть по-мужски? Идите куда подальше, не буду вас слушать».

После увольнения стало проще — устроился в кооператив, и мы стали встречаться еще чаще. Так продолжалось до осени, когда его якобы с моста сбросили. Тогда-то и было принято решение о том, что надо Ельцина охранять, а раз так, то, естественно, и возить. Видите, сколько всего случилось…

— Я хорошо помню, как с трибуны Съезда народных депутатов СССР прозвучало, что враги совершили на Ельцина покушение, сбросив с моста, но годы спустя люди, тоже входившие в ЦК, уверяли меня, что на самом деле все обстояло не так. Ельцин, дескать, поехал к своей зазнобе, которая работала поварихой на одной из успенских госдач, бросил в окошко ей камешек, но вышла к нему не она, а мужчина, который как раз у нее был. Завязалась якобы драка, а в результате озверевший мужик кинул некстати объявившегося соперника в лужу, что Борис Николаевич и представил всем как падение с большой высоты. Что же произошло в действительности?

— К сожалению или к счастью, никто, кроме Ельцина, пролить на эту историю свет не мог. Что-то докладывал Бакатин, который был тогда министром внутренних дел Союза и занимался этим вопросом, но он тоже мямлил, мямлил… Ни одна версия фактами не подтверждалась. Да, костюм был мокрым и грязным, может, к нему прилипли и водоросли, но никто не исследовал, откуда они: из лужи или из реки.

На следующее утро я приехал на то место, где, по словам Ельцина, его сбросили в воду, и увидел: там уцелеть при падении вряд ли можно, потому что высота моста — метров шесть, а река мелкая — глубина максимум около метра.

— С его-то ростом и весом!..

— Да, причем он рассказывал, что чуть не утонул, пока мешок, в который злоумышленники его затолкали, с головы стягивал. До дна доставал ногами и выпрыгивал, пытался глотнуть воздуха… Так и скакал, как зайчик, до берега (помните, бег в мешках у нас раньше практиковали?) и только на суше эту дерюгу с себя снял. Попробуй теперь докопайся до истины… Думаю, или его не там сбросили, или все это сказки — плод больного, так сказать, воображения.

— Это правда, что в тот вечер вас разбудила встревоженная Наина Иосифовна: «Саша, мы места себе не находим — Борис Николаевич пропал!»?

— Не Наина, а дочка Таня — она несколько раз звонила. Естественно, я быстренько сел в свою «Ниву» и рванул в Успенское, где он к тому времени на посту ГАИ объявился.

— Какую картину вы там застали?

— Ну что — лежит человек в мокрых белых трусах… Милиционеры накрыли его бушлатом, поставили рядом обогреватель (он был уже весь синий). Меня увидел — заплакал: «Саша, посмотрите, что со мной сделали…» Я в него сразу стакан самогонки влил — он с удовольствием проглотил, закусил яблоком и снова застыл на лавке. Налил второй стакан, опять-таки самогонкой растер тело до красноты, надел свои носки из овечьей шерсти и толстенный афганский свитер. У меня бутылка была ноль восемь — вся на него ушла: что не на растирку, то внутрь. Три стакана Борис Николаевич махнул только так, поэтому согрелся, повеселел и, в общем-то, не простудился.

— Я не могу не спросить у вас о переломном в истории Советского Союза событии — так называемом августовском путче: мне приходилось не раз слышать, что заговор гэкачепистов был осуществлен с ведома и под руководством Горбачева…

— Михаил Сергеевич эту версию отрицает — говорит, ничего не знал и не предполагал, однако те генералы и высокопоставленные чиновники, которые накануне и после провала этой затеи к нему приезжали, утверждают обратное. Пускай остается на их совести, но, как показывают дальнейшие события, скорее всего, было именно так, как вы говорите.

— Все тогда думали, что Ельцина арестуют немедленно, чуть ли не первым, — вы это понимали?

— Конечно, хотя для нас все неожиданным оказалось. Многие потом недоумевали: «Как же так — почему вы со своей службой не предусмотрели это заранее, не просчитали?», но никто даже представить не мог, что службы как таковой не было — маленький отдел безопасности Председателя Верховного Совета Российской Федерации. В штате народу всего ничего — дай Бог личную охрану Ельцина организовать и того места, где он проживал, ведь мы противостояли всемогущему КГБ СССР.

— В ночь с 18 на 19 августа 1991 года Ельцин пребывал в Казахстане с официальным визитом…

— Да, в Алма-Ате. Возможно, Назарбаев или что-то наверняка знал, или о чем-то догадывался, потому что умышленно затягивал наш отъезд. Застолье, застолье… По расписанию пора улетать, воздушный коридор уже предоставлен — нет, давайте еще! Задержались на несколько часов, прибыли очень поздно, поэтому сразу легли спать, а в шесть утра меня разбудил дежурный по приемной: «Александр Васильевич, включайте телевизор — в стране переворот!». Щелкнул кнопкой, а там «Лебединое озеро»… Пока собрался, оделся — навел справки. Побежал к Ельциным, стал их будить…

Конечно, мы ждали, что людям расскажут, в чьих интересах переворот-то. Я же знал, как тяжело шли переговоры между республиками, как непросто тянулся новоогаревский процесс, но в конце концов компромисс был найден. Горбачев практически на все согласился, и через два дня должны были подписать новый Союзный договор.

Единственное смущает меня до сих пор: что-то не помню, чтобы к этому подписанию как-то готовились… Обычно пропагандистская шумиха заранее поднимается, газеты артподготовку ведут… Скоро, мол, документ будет торжественно завизирован, уже прибыл такой-то (Ниязов или кто-то еще — первым приезжает всегда самый дальний), а здесь тишина. Завтра вроде уже подписание, а в планах у нас не указано, где это произойдет: в Ново-Огарево, Кремле или, может, в Доме приемов на Ленинских горах. Никакого движения не было — именно это вызывает у меня сомнения и косвенно подтверждает, что Горбачев знал: церемония не состоится.

— Как человек опытный и искушенный в подковерных играх, что вы почувствовали, когда услыхали о путче? Не было страха?

— Некогда было об этом думать, потому что задача передо мной стояла одна: Ельцина уберечь. Решение охранять его приняли в восемьдесят восьмом, а это был девяносто первый, то есть я к тому времени три года уже при нем состоял. Сначала один был, а потом потихонечку-помаленечку… Когда Бориса Николаевича Председателем Верховного Совета России избрали, мы официально смогли набрать в свой отдел охраны людей, вооружить их и создать хоть какую-то видимость защищенности.

— Борис Николаевич испугался?

— Нет, вел себя абсолютно спокойно — складывалось впечатление, что просто еще не соображал, что к чему. Сперва Нурсултан Абишевич потчевал, потом в самолете добавили… Домой уже приехали никакие, а в полседьмого я его разбудил: «Подъем!». — «Какой подъем, какой путч — вы че здесь, ребята, придумали?»

— Видные в прошлом чекисты в беседах со мной утверждали, что и Горбачев, и Ельцин смертельно боялись силовых структур…

— Горбачев, наверное, да — смертельно, а Ельцин просто старался с ними дружить. Еще в Свердловске он всегда приближал к себе начальников УКГБ и УВД и прикармливал их: на любых пьянках, мероприятиях те были рядышком. Вместе с тем и Борис Николаевич, и Михаил Сергеевич не просто боялись органов — ни тот, ни другой методов их работы не представляли, и обоим постоянно казалось, что все там про них знают. Это ведь не секрет: мои коллеги любили (и сейчас любят!) показать, что

они всезнающие и вездесущие, а если у тебя рыло в пуху, если ты в чем-то замешан, конечно, будешь трястись, как осиновый лист, и оставаться зависимым. Они же — и один, и второй — не безгрешные были…

— До Ельцина в конце концов дошло, что его могут арестовать?

— А как же — да оно так и было! Потом подтвердилось, что группа «А» была рядышком, в лесу — ждала только команды…

— «А» — в смысле «Альфа»?

— Ну, «Альфой» ее журналисты потом окрестили, а официально она называлась группа «А» Седьмого управления КГБ СССР.

— Действительно ли представители американского посольства, которое располагалось неподалеку от Белого дома, предложили Борису Николаевичу укрыться на их территории?

— Я сам вел об этом переговоры: не с послом, но со вторым или третьим лицом неоднократно. У нас, в частности, была четкая договоренность, что на случай попытки захвата Белого дома задние ворота американцев круглосуточно будут открыты. Так продолжалось три дня — если что, можно было спокойно туда перебраться…

— Почему же Ельцин не воспользовался гостеприимством?

— Мы с ним условились: если начнется штурм, есть два пути. Первый — спуститься в подвал Белого дома, где находилось огромное современное бомбоубежище, способное защитить от любой бомбы. Там было вполне реально несколько недель просуществовать, но потом все равно надо было вылезать, выкуриваться. Второй вариант — территория американского посольства, где жить можно было хоть год и на весь мир вещать, что здесь творится (лично мне больше второй вариант импонировал). Ельцину я доложил: так, мол, и так — и услышал в ответ: «Сами решайте».

Когда началась пальба и погибли три парня, на пятом этаже Белого дома было все хорошо слышно. Впечатление, что везде, как на Новый год, взрывались петарды — оружия на руках было уже много. Руцкой хорошо сработал: то, что принадлежало Белому дому, раздали плюс еще и со стороны подвезли — непонятно откуда… В общем, палили кому не лень.

Ну вот, я Ельцина разбудил: «Давайте на выход». Он спал в одежде: набросил пиджак — и вперед! Полусонного в машину его посадил, открываем ворота, ребятам команду даю, чтобы разобрали на пути баррикады, и тут Борис встрепенулся: «Куда это мы едем?». — «Как куда? В посольство, к американцам». Он сразу очухался: «Никакого посольства!». — «Тогда в подвал?». —

«Идемте».

— Как вы думаете, сработала интуиция?

— Кто его знает… Просто не захотел ехать — и все, хотя у нас с послом Мэтлоком были прекрасные отношения.

— Ельцин тогда казался этаким мощным русским медведем, рыцарем без страха и упрека…

— Когда хорошо принимал, он и впрямь был бесстрашным.

— Интересно, а кто был идеологом путча? Председатель КГБ СССР Крючков?

— Да, безусловно. Он очень умный человек, очень сильный, другое дело, зачем было таким путем поворачивать историю вспять? Строй, который свое отжил, силой вернуть нельзя.

— Это правда, что за несколько дней до переворота Ельцин встречался с Крючковым у него на Лубянке и тот, протянув на прощание руку, сказал вам: «Александр Васильевич, очень прошу — берегите Бориса Николаевича»?

— Так и было… Накануне отъезда к Назарбаеву в Казахстан.

— Иезуитом был товарищ Крючков?

— Я не могу так сказать. Слышал, что уволили меня из КГБ якобы по его команде, но не думаю, что он подсматривал, как я с Ельциным выпиваю и как мы с ним в бане паримся. Это были нормальные мужские отношения — ничего особенного… Борис Николаевич ведь меня любил, братом своим называл. Я не спорил, говорил: «Ваше право — вы старше. Назначили братом — пожалуйста, назначили другом — готов». Я же на девятнадцать лет моложе…

Конечно, Крючков все эти вопросы отслеживал, но был еще один интересный момент. Я близко дружил с бывшим патроном по Афганистану Владимиром Степановичем Редкобородым, которого впоследствии, после ареста Плеханова, по моей протекции назначили начальником Девятого управления. С ним я был исключительно откровенным, потому что тех, с кем прошел Афган, считал братьями: там отношениям «начальник — подчиненный» места нет. Редкобородый же был очень близок с Крючковым, поэтому многие вещи до того, разумеется, доходили.

— Кадры хроники, где Ельцин обращается к москвичам, забравшись на танк, стали символом победы демократии над реакцией…

— Это потом их сделали символом, а на самом-то деле все прозаически было… Около одиннадцати дня (или чуть позже, может, в половине двенадцатого) кто-то, скорее всего Бурбулис, подбросил идею: мол, пойдемте с народом поговорим. «Пойдемте, пойдемте!» — тянет… Ну, пошли, а там танки стоят невдалеке. «Айда к танкистам!». Ну, подошли, а дальше-то что? Тут и

возникла мысль забраться на броню, только как? Я не танкист, Борис Николаевич вообще никогда рядом с этой техникой не стоял. Сообща как-то залезли…

— Когда в очередную годовщину ГКЧП по телевизору вы видите себя с Ельциным на танке, какие возникают мысли?

— Горько становится оттого, что люди, которые были вдали от событий, называют путч опереточным. Особенно неприятно слышать это от питерских, которые просто нас одолели. Захватили в стране власть, а кто они, собственно, такие? Ни в девяносто первом рядом их не было, ни в девяносто третьем — они выжидали. Как историки говорят: в то время, когда пролетариат проливал свою кровь на баррикадах, буржуазия медленно карабкалась к власти. Здесь прямые аналогии напрашиваются, потому что те, кто к этой борьбе отношения не имеют, сейчас главные демократы — ордена за заслуги друг другу вешают.

— Путч подтолкнул Советский Союз к развалу и фактически его развалил. Сегодня одни называют это трагедией, другие, наоборот, счастьем… Вы были непосредственным участником и свидетелем подписания Беловежского соглашения, венчавшего распад СССР, все происходило на ваших глазах… Рассказывая мне о тех исторических днях, Леонид Кравчук, Витольд Фокин, Геннадий Бурбулис и другие политики, находившиеся тогда в Беловежье, подчеркивали: изначально желания похоронить Союз ни у кого не было — это так?

— В общем-то, да. Все прикидывали: ну что ж, не получилось с одним договором — подпишем другой, и даже если возникнет новообразование (типа того, что впоследствии СНГ обозвали), все равно оборона совместная, а хозяйствовать каждая республика будет немножко по-своему. Украина, например, пусть производит сало и им торгует… Тогда же считалось, что Украина кормит Россию, и у вас думали: вот заживем без нахлебников! (Правда, потом, когда попробовали пожить врозь, выяснилось, что наоборот все). Впрочем, в то время никто еще, конечно, не думал, что дело дойдет до такой степени размежевания.

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…В Беловежскую пущу мы с Ельциным приехали вечером. Кравчук уже находился там, но поджидать нас не стал и отправился на охоту. (Он всегда стремился продемонстрировать «незалежное» поведение, выпятить собственную независимость). Зато Станислав Шушкевич на правах хозяина принимал гостей подчеркнуто доброжелательно.

Отдохнули с дороги, перекусили, и тут вернулся Леонид Макарович.

— Какие успехи? — поинтересовался Ельцин.

— Да кабана завалил, — похвастался он.

— Это хорошо, кабанов надо заваливать.

Милый, ничего не значащий разговор накануне разъединения целых народов…»

— Насколько я знаю, когда собрались лидеры трех республик, речи о распаде СССР не было, и вдруг Кравчук сказал Ельцину: «Борис Николаевич, вы считаете, Союзный договор нужен? Ну что ж, я возвращусь в Киев кем был — единоличным руководителем Украины, а вы?» Типа все равно будете вечно вторым… В ответ Ельцин рубанул якобы воздух рукой: «А что, действительно, пора с этим Горбатым кончать!»

— Да, я это подтверждаю. Так в целом и было, только Ельцин редко прибегал к грубым словам и сказал он: «…с Горбачевым кончать»… В «Горбатого» того, наверное, Леонид Макарович переименовал.

— Прежде чем судьбоносный документ подписать, выпили много?

— Трудно подсчитать сколько: это же вялотекущий процесс — он шел постоянно, с утра до вечера… Ельцину, Кравчуку и Шушкевичу приносили бумаги, они с ними знакомились, что-то там поправляли, вновь возвращались к прерванному разговору, им снова какие-то докладные записки несли…

— Кто конкретно инициировал договор о развале Союза?

— Такого договора — о развале! — не существует, окончательный текст выдержан в мягких нормальных тонах: дескать, мы собрались тут, и вот… Основными закоперщиками с нашей стороны были Сережа Шахрай, Бурбулис и Козырев.

— Лично вы понимали, что на ваших глазах вершится история и некогда великая страна, пугалообразный монстр, вдруг рассыпается, приказывает долго жить?

— Мы, если честно, не думали, что Союз распадется, — рассчитывали, что будет создано несколько иное государственное образование, с расширенными правами республик. Я часто присутствовал на переговорах в Ново-Огарево, и там все в один голос просили: «Дайте нам больше свободы, своим бюджетом мы должны управлять сами. Будем выделять средства на общие нужды: на оборону, правительство, содержание, скажем, Кремля, — а остальным распорядимся самостоятельно». Хотели на свое усмотрение торговать с иностранными государствами, открывать, если надо, таможни, но о собственных валютах не было даже мысли. Чтобы кто-то произнес слово «гривна» — да что вы!

— В результате, когда уже все решилось, Ельцин, Кравчук и

Шушкевич позвонили сперва Бушу, а затем Горбачеву и объявили им, что Советского Союза больше не существует…

— Не знаю, что они там говорили Бушу, и разговора с Горбачевым тоже не слышал — объяснение с ним потом состоялось, когда вернулись в Москву. Из Беловежья звонили лишь Назарбаеву — я его сам искал: договаривался с коллегами, чтобы он вышел на связь. Ельцин поручил мне найти казахского лидера с целью пригласить присоединиться к большой тройке, но дозвониться до Назарбаева удалось только через несколько часов, когда Нурсултан Абишевич прилетел во Внуково и направлялся уже к Горбачеву.

— Назарбаев от беловежских посиделок хотел уклониться?

— Нет… Ельцин с ним переговорил, пригласил в эту компанию четвертым, но тот, обиженный, что не позвали раньше, отказался. «Меня, — сказал, — сейчас Горбачев вызвал, и я еду к нему. Там и будем дальше беседовать — уже по-другому».

— Есть мнение, что Назарбаев проигнорировал Беловежье потому, что Горбачев пообещал ему пост председателя Совета министров Союза…

— Об этом, по-моему, сам Горбачев впоследствии рассказал. Не верить ему у меня нет причин, но я при их общении не присутствовал…

— Мне говорили, что во избежание непредвиденных инцидентов руководители трех республик приняли решение разъезжаться по одному и не лететь вместе, а для вящей предосторожности сотрудники служб их охраны даже обрезали в резиденции телефонные провода…

— Насчет обрезания проводов — чушь: мы полностью доверяли белорусам, потому что это фактически наши были ребята — филиал группы «А». Они, уж поверьте, выполнять указания союзных начальников (тех, кто сменил Карпухина и Крючкова) не собирались — подчинялись непосредственно своему первому лицу.

— Как вы считаете, СССР распался бы, если бы Ельцину предложили стать его президентом?

— Думаю, все равно закончилось бы одним, пусть и немножко позже, просто Горбачев с Раисой своей всем уже до смерти надоел. Это сейчас о ней так говорят, что скоро еще одна будет святая, а в то время все костерили. Она же была рядовой женой, но лезла во все, что ни попадя. С какого боку — никто ее не выбирал, не назначал… Почему жены Сталина, Хрущева, Брежнева, Андропова и Черненко никогда не совали в политику, в руководство страной нос, а эта так и норовила? Раиса же расставляла кадры, и поэтому, зная, какое огромное влияние

имеет она на Горбачева, все перед ней лебезили, боялись ее страшно.

— Это правда, что она, не стесняясь, хлестала мужа по щекам при охране?

— Да — однажды это случилось при мне (еще до работы с Ельциным), и наблюдать ее гнев было, мягко скажу, неприятно. Горбачев приехал домой, где-то выпил (чуть-чуть шел запашок), и она его маханула: разразился семейный скандал. Она постоянно следила, чтобы Михаил Сергеевич не выпивал… У Ельцина такого не было никогда, да он бы и не позволил. Если бы Наина вздумала его воспитывать, сразу получила бы в глаз, как иногда получала.

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Нескольких дней хватило, чтобы почувствовать: у Горбачевых свой, особый климат в семье. На госдаче, например, было два прогулочных кольца — малое и большое, и каждый вечер, в одно и то же время, в 19.00, Раиса Максимовна и Михаил Сергеевич выходили погулять по малому кольцу. Он в это время рассказывал ей обо всем, что случилось за день, — она в ответ говорила очень тихо.

Сначала для нас было неожиданностью, когда Раиса Максимовна вдруг спрашивала: “Сколько кругов мы прошли?” Не дай бог кто-нибудь ошибался и отвечал неправильно — она, оказывается, сама считала круги и проверяла наблюдательность офицера охраны. Если он сбивался со счета, такого человека убирали. Коллеги быстро усвоили урок и поступали так: втыкали в снег еловые веточки. Круг прошли — елку воткнули, и когда Раиса Максимовна их экзаменовала, подсчитывали ветки. Так было зимой, а уж как охрана летом выкручивалась, не знаю — не исключено, собирала шишки…»

«…Барсуков и Крапивин рассказывали мне, как Раиса Максимовна ходила по Большому Кремлевскому дворцу и пальцем указывала: это отремонтировать, это заменить, а в кабинете Горбачева руководитель охраны президента СССР престарелый генерал Плеханов передвигал по ее приказанию неподъемные бронзовые торшеры в присутствии подчиненных. Я когда про торшеры услышал, почему-то подумал: может, оттого и сдал Плеханов Михаила Сергеевича в Форосе? Издевательства редко прощаются…»

— По-вашему, Горбачев сильно любил жену?

— Не передать как.

— И от нее чрезвычайно зависел?

— Да, поэтому выход (*смеется*) один был: двигать Раису наверх. Надо было сделать ее депутатом, потом — председателем

президиума Верховного совета, а там и до президентского кресла рукой подать. Раз уж она умнее его…

— Когда развалился Советский Союз и Россия стала суверенным, независимым государством, вы приобрели огромное влияние и, говорят, руководили даже интригами в ближайшем окружении президента. В частности, бывший Генпрокурор России Алексей Казанник, который, как мы помним, уступил место опальному Ельцину в Верховном Совете СССР, в одном интервью разоткровенничался: «Коржаков в Кремле все решает, и, чтобы протащить сомнительное решение или подписать незаконный указ, надо идти к нему. Я видел, — утверждает Казанник, — как перед ним заискивают министры, советники и помощники президента». Сгустил прокурор краски или так все и было?

— Заискивал прежде всего сам Казанник, но о себе он почему-то молчит, хотя надо еще поискать того, кто бы так пресмыкался. Ну как можно такое говорить о министрах, если со всеми у меня были дружеские отношения? С Баранниковым мы даже поселились рядом, дружили семьями (у него и супруга очень приятная — с моей сошлась быстро). С Грачевым то же самое — жены сблизились, и мы часто встречались, с директором ФСБ Барсуковым в одном доме все время жили, вдобавок друзья — так кто заискивал-то?

— Разве в те годы не говорили, что, если хочешь что-то решить, нужно искать подход не к Ельцину, а к Коржакову?

— К Ельцину попробуй прорвись…

— Нет, причина в другом: Коржаков реально был самым влиятельным человеком в России…

— (*Пауза.*) Ну, говорили… С подачи журналистов, между прочим, — они любят присочинить. До сих пор не понимаю, почему эти ребята так меня невзлюбили, — я же для них был как отец родной! Если бы не мое заступничество, никто бы и близко их к Ельцину не подпустил…

Борис Николаевич еще в пору зарождения демократии не хотел, чтобы ему надоедали, а я, наоборот, убеждал: «Нет, надо быть на виду, выходите почаще к прессе». Помните, когда он рассказывал, что засевшую в селе группировку боевиков Радуева стерегут тридцать восемь снайперов — как тридцать восемь попугаев? Это же я на его общении с журналистами настоял. А когда Грачева назвал лучшим министром обороны всех времен и народов? Мне тогда из Москвы позвонили — сказали, что Паша в трансе и чуть ли не стреляться собрался, потому что мастера слова его грязью облили. Мы были в Питере на Пискаревском кладбище, и я Ельцина попросил: «Поддержите Пашу-то — его же совсем затрахали». Вот он и направился к пишущей братии.

Я только несколько примеров привел, когда просто пихал его к прессе, а сколько таких было в Кремле! Увы, кремлевский пул до сих пор меня «обожает». Когда одна из японских газет переврала мои слова (я выступал за перенос выборов, а они так подали, что получилось, будто за их отмену) — та же история. Журналисты к Ельцину рвутся, а их отсекли и держат на расстоянии. Они, бедные, в крик: «Пустите, пустите, Борис Николаевич, только один вопрос», — и давай упражняться на эту тему. Спросили о моем высказывании насчет отмены выборов, и он стал меня поливать. Честил в хвост и в гриву, а я улыбался. Чего суетиться, опровергать — потом договоримся.

Беда в том, что некоторые ваши коллеги, как вот с НТВ, влияли у нас на политику, и когда Киселев в каждой программе «Итоги» составлял рейтинги, это делалось с дальним прицелом. Помните? Начиналось нормально: на первом месте Ельцин, на втором — Черномырдин, на третьем — Бурбулис, Шахрай или еще кто-то и только на двадцатом — Коржаков, ну а потом потихонечку, постепенно в течение года меня вывели на второе место. Это они специально делали, а почему я в этом уверен? Потому что после того, как меня сняли, передача «Итоги» осталась, а рейтинг больше не определяли.

— Тем не менее, вы ощущали себя в Кремле человеком номер один?

— Да господи — не ощущал! Это Казанник сказал, а он клеветник: сам холуй и в других видит таких же. Кадры я не расставлял никогда, только если сам Ельцин просил — он просто знал, что дерьмо я не пропущу… Вот, например, Казанник — это Ельцин придумал поставить того генпрокурором, его мысль была, а Скуратова я предложил, когда Борис Николаевич не знал, что со своим ставленником делать. Казанник же его крупно подвел — из тюрьмы всех мятежников выпустил.

— Гэкачепистов?

— И их, и Руцкого — самое главное. Мы ж думали, тех, кто бунтовал народ в девяносто третьем, ждет показательный суд… Столько людей погибло, и никто не ответил — это же глупость была полнейшая, а Казанник ее вознес, представил как акт гуманизма.

Когда надо было искать этому горе-деятелю замену, Ельцин меня попросил: «Александр Васильевич, подберите, пожалуйста, кандидатуру». В администрации президента я взял характеристики примерно на прокуроров пятнадцать (в той обойме и нынешний Чайка был, и Устинов), а Скуратова выбрали потому, что человек никогда в местных органах не работал, связями не оброс. Он все время по ученой линии шел:

преподавал, возглавлял НИИ при Генпрокуратуре, то есть чисто теоретически прокурорскую работу знал от и до плюс из Свердловска — значит нейтральный, ни с кем не завязан…

Когда я с ним встретился первый раз, сказал одно: «Закон выше Илюшина — не нужно нам ни своих, ни чужих прокуроров». Понимал: если он из Свердловска, значит, волей-неволей я свожу его с первым помощником президента Илюшиным, который тоже оттуда. У нас с Виктором Васильевичем всегда были какие-то трения, ну а так, если и Илюшин его принимать будет, и я, — вариант то, что нужно. Илюшин с ним побеседовал и был счастлив, что свой, свердловский, — знакомых у них полно, — а в результате мы вдвоем подали кандидатуру Скуратова. Ельцин с ним побеседовал — ему претендент понравился. Если бы не история с проститутками, нормально бы, уверен, работал…

— Оказалось, что он любит девочек, причем сразу обеих…

— Подстава! Мы ж с этим делом не разбирались, а надо бы: Скуратова могли и опоить, и заманить в ловушку обманом — да что хотите. Чтобы человека обгадить, много ума не надо.

— Хотя, казалось бы, одновременно с двумя время проводит — молодец мужик!

— Это показательно сделали — ославили на весь мир. Видно, так их допек «Мабетексом» (швейцарская фирма, которая по поручению Управления делами президента вела работы по реконструкции Кремля. — *Д. Г.*), что готовы были что хошь засветить — вот вам телевидение независимое!

— Сейчас такого уже не покажут?

— За бабки? Да пожалуйста, только платите.

— Александр Васильевич, а это правда, что вас даже Черномырдин боялся?

— Ну, наверное, знал за собою грехи.

— У вас были с ним откровенные беседы?

— В моей книге, которую я вам подарю, опубликован наш разговор с Виктором Степановичем накануне президентских выборов, причем, если читать внимательно, я предстаю там не в лучшем свете… И все равно обнародовал стенограмму, чтобы показать: это правда, такие вот отношения были. Когда меня упрекают: «Ах, да вы всех записывали», я отвечаю: «Извините, ребята, но если разговор шел на моей территории, я был вправе фиксировать все, до последнего слова». Хотя мог бы схитрить, сказать: «Это у меня просто память хорошая».

— Как вы считаете, хотел Черномырдин стать президентом России вместо или после уставшего Ельцина?

— Очень хотел — более того, подписи за него были уже собраны в необходимом количестве.

— И он мог стать преемником?

— А почему нет? За бабки у нас в стране — легко.

— В связи с весенними событиями в Украине, когда не могли договориться президент и Верховная Рада, у нас часто вспоминали расстрел российского парламента в девяносто третьем году. Вы были свидетелем тех событий…

— Не свидетелем — активным участником.

— Да, ну конечно: тогда весь мир благодаря CNN увидел, как по Белому дому прямой наводкой бьют танки. Знаю, что в те грозовые дни отнюдь не Борис Николаевич руководил ситуацией и фактически пульт управления страной был в ваших руках…

— Вот видите, только что вы представили меня вторым человеком в стране, но, значит, я был и первым (*смеется*)…

— …и именно от вас зависело, как повернутся события в решающую ночь с 3 на 4 октября…

— Вы, журналисты, как и оппозиция, любите будоражить людей словами о расстреле Белого дома, но расстрел — это вторая часть действия, ответные меры на то, что произошло накануне. Сначала бесчинствующая толпа разгромила мэрию, в самом Белом доме смяла посты, побила милицию, а потом в телецентре «Останкино» устроила бойню. Там, между прочим, полтораста человек погибло, а при штурме Белого дома — всего десять, так что не стоит, как говорится, с больной головы валить на здоровую. Голосят, понимаешь: «Расстрел!», но это показательная акция — надо было припугнуть некоторых, чтобы не лезли. Зюганов ведь больше с тех пор не высовывался и даже притом, что его поражение на президентских выборах в девяносто шестом было очень сомнительным, не стал нигде возникать. Все это были уроки девяносто третьего года: по сусалам один раз получил и молчок — боялся даже рот разевать. Эту гидру важно было задавить сразу: чтобы избежать новых жертв, нельзя было больше ее выпускать…

— Действительно ли, когда все было особенно зыбко и надо было главнокомандующего поддержать, многие приближенные к Ельцину люди, в частности армейские генералы, попытались дать задний ход?

— Съездив по моему заданию в Минобороны узнать обстановку, мой зам Геннадий Иванович Захаров вернулся оттуда удрученный. «Там вообще, — сказал — штиль, никто ничего делать не собирается». О штурме Белого дома не было и речи…

— Боялись?

— Конечно. Это горбачевский синдром: когда в свое время генерал Родионов дал в Тбилиси команду успокоить толпу…

— …саперными лопатками?

— Ну, лопатками — не лопатками… А может, военных вынудили пустить их в ход — надо же было хоть чем-то защищаться от провокаторов?.. Настоящего следствия, между прочим, фактически не было: сообщали, что комиссия Съезда народных депутатов работала, но толком она свет на события не пролила. Так и не было выяснено, давал Горбачев приказ Родионову или нет, а он генерала попросту сдал. Дальше точно так же сдавали и группу «А»…

— …которая в Вильнюсе пошла на штурм телецентра?

— Да, и этот синдром остался — люди боялись брать на себя ответственность. В девяносто первом году, я уверен, если бы престарелый маршал Язов приказал захватить Белый дом, «альфовцы» бы не подчинились…

— Хм, а вы понимали, что, если бы не ваша решительность, в девяносто третьем все могло обернуться иначе?

— Понимал — поэтому и не пытался отсидеться в сторонке. Когда группа «А» не шла на штурм Белого дома, ничего не оставалось, как повести ее самому, и спецназовцы меня поддержали.

— Ельцин хоть был в тот момент в состоянии соображать, что происходит в стране?

— К этому времени он уже отбыл на дачу — мы все делали без него, а потом, когда Руцкого с Хасбулатовым в Лефортово привезли, Борис Николаевич вернулся в Кремль отмечать победу. Кстати, когда его днем, часов в двенадцать, доставили домой, и Наина Иосифовна увидела, что меня рядом нет, первое, что она сказала: «Коржаков струсил, он тебя бросил». Такой скандал закатила: «Мы здесь в лесу одни, нас захватят сейчас и убьют!» Успокоилась, только когда увидела по телевизору, чем на самом деле я занимаюсь.

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Около 18 часов 4 октября девяносто третьего, благополучно сдав мятежников с рук на руки, мы с Барсуковым прямо из Лефортово поехали в Кремль, на доклад. В кабинете президента не застали — он был в банкетном зале, и я с удивлением обнаружил, что торжество в честь победы началось задолго до самой победы и уже подходит к концу.

Мы с Михаилом Ивановичем умылись: вода была черная от копоти, ружейного масла и пыли. Вошли в зал со служебного входа, но нас тут же заметили. Барсуков принес исторический сувенир и хотел им обрадовать президента:

— Борис Николаевич, позвольте преподнести вам подарок на память. В кабинете Хасбулатова нашли его личную трубку — вот она.

Президент начал заинтересованно осматривать трофей.

— Борис Николаевич, да зачем вам эта гадость нужна, что вы ее трогаете? — встрял разгоряченный министр обороны Грачев.

Шеф тут же отреагировал:

— Да, что это я ее трогаю? — и швырнул трубку в угол с такой силой, что глиняная вещица разлетелась на мелкие кусочки.

После этого нам налили до краев по большому фужеру водки. Легко, как воду, залпом выпив, мы присоединились к общему веселью, но в душу закралась обида. Я взглянул на сияющего Грачева с рюмкой в руке и вспомнил, как он просил письменного приказа на штурм Белого дома. Посмотрел на раскрасневшуюся от водки и удовольствия физиономию Филатова, который две недели назад в моем кабинете бился в истерике, а теперь рыдал от счастья… Эти люди оказались за столом победителей главными, а тех, кто внес решающий вклад в общее дело и довел его до конца, даже забыли на торжество пригласить. Невольно пришли на память строки из ранних дворовых шлягеров Владимира Высоцкого: “А когда кончился наркоз, стало больно мне до слез — и для кого ж я своей жизнью рисковал?”

…Наркоз действительно закончился — в моем почти слепо преданном отношении к Ельцину появилась первая серьезная трещина».

— О чем, интересно, вы думали, когда фактически в одиночку руководили ходом событий в России? Была мысль, что вот я, простой парень Саша Коржаков…

— (*Перебивает.*) Извините, конечно, но я никогда не считал себя человеком ниже сортом, чем наши правители. Я с шестьдесят восьмого года в Кремле, и мимо меня проходили все: и президенты, и короли…

— То есть вы не простой парень?

— Вот именно. Так долго работая на самом верху, я понял, что это не какие-то боги, не уникальные личности, а простые, обычные люди, и хотя изображают из себя супервеликих, так же хотят и писать, и какать, и надираться, и трахаться… Взять хотя бы нашего бывшего президента… Нам, конечно, свойственно создавать себе кумиров и обожествлять их, но я был нормальным, земным и сознавал: все остальные — точно такие же.

— В девяносто четвертом году Россия развязала жуткую войну в Чечне. В чем состояла ошибка власти, что надо было сделать не так?

— Не следовало вообще боевые действия начинать! Я неоднократно беседовал по этому поводу с Ельциным и доказывал ему, что нельзя воевать с мусульманами: мы уже

показали себя, когда влезли в Афганистан — до сих пор выпутаться из него не можем.

— Вы это видели своими глазами, когда служили в личной охране Бабрака Кармаля?

— Да, поэтому и утверждал: навязать что-то силой оружия им невозможно. Эти ребята — фанатики, а тут тем более — ваххабиты: с ними лучше всегда договариваться. Они же не стремились нашу территорию захватить, не предъявляли ультиматумов: просто просили дать им свободно жить — вот и надо было пойти навстречу. У центра ведь были подписаны хорошие договора с Татарстаном об экспорте их продукции, в частности нефти, на паритетных условиях. Почему так Казань процветает? Потому, что ей создан особый режим благоприятствования. Ну и слава Богу — зато накал национального вопроса снижен на много градусов.

Примерно того же просил и Джохар Дудаев — нормально, мирно, но, к сожалению, у нас было античеченское лобби и действовало оно по старой пословице, когда вор громче всех кричит: «Держи вора!». Кого я конкретно имею в виду? Главу администрации Ельцина Филатова и главу Московского УФСК (Управления федеральной службы контрразведки. — *Д. Г.*) Савостьянова, которому почему-то поручили Чечню… Он приходил ко мне чуть ли не через день. «Женя, — я спрашивал, — чего это ты взялся за Грозный? Что, у тебя в Москве, в области дел нет?». Я понимал, что у них чисто нефтяные возникали вопросы — все упиралось в легкие бабки.

Чеченцы хорошо знали, к кому подъехать, знали, кто подонок и на содержании у Гусинского состоит… У «Моста» же (структуры Гусинского. — *Д. Г.*) с Савостьяновым был договор — вот они и использовали чиновника, который до этого в жизни ничем не руководил (самый большой пост у него был — чаеносец московского мэра Гаврилы Попова). По своей специальности как инженер-геофизик он никогда с должности рядового инженера не продвинулся бы, а став большим демократом, когда ему доверили тезисы для Гаврилы Харитоновича сочинять, возомнил себя вдруг великим. После этого был назначен главой КГБ по Московской области — конечно, его на корню купили…

Именно эти люди докладывали президенту, что происходит в Чечне и как там идут дела. Чуть где Дудаев плохо о Ельцине отозвался, тут же трансформировали это, сгущали краски и передавали Борису Николаевичу, зная его слабые стороны, в частности мстительность. Когда его оскорбляли, для него это был острый нож, и простить такого он просто не мог (правда, нынешние в этом плане отличились, по-моему, еще больше).

Мы как могли Ельцина уговаривали — я и первый вице-премьер Сосковец. Однажды застал Олега стоящим перед ним на коленях: «Борис Николаевич, умоляю, не надо с Чечней воевать» (я, кстати, за точность того, что вам говорю, ручаюсь — еще никто за клевету на меня в суд не подал и написанное топором не вырубил), и вот нас: меня и Сосковца — эти придурки (Филатов, Савостьянов и иже с ними) обозвали партией войны. Нас — тех, кто был категорически против этого блицкрига! К счастью, и Дудаев, и его окружение, и нынешнее руководство Ичкерии — все знали, какова наша позиция. Почему у меня никогда с чеченцами нет проблем, почему они в расстрельные списки меня не вносили, хотя там многие: и Ерин, и Грачев, и Барсуков? Да потому, что знали: мы были против кровопролития.

Я три раза с первым помощником Дудаева (фамилию забыл, что-то типа Сулейманов) встречался, и запись нашего разговора была распечатана, то, что нужно, подчеркнуто. Понес ее Ельцину: «Почитайте — вот что они хотят. Никто воевать не рвется — вас в заблуждение вводят!». Нет, он срочно вызвал Пашу Грачева: «Чтобы к среде был готов план боевых действий». Вот подай ему план — и все тут! Мне потом говорили, что ребята в Генштабе, которые все это разрабатывали, ночами не спали, но такие вещи наспех не делаются, тем более когда столько оружия там оставили.

— Армия же и оставила!

— Ну конечно! До сих пор не знаю, кто в этом виноват больше: то ли Грачев, то ли бывший министр обороны СНГ Шапошников, или, может, таким было решение парламента (тогда еще Верховного Совета)? Я понимаю, что очень трудно вывозить со складов оружие, когда вокруг беснующаяся толпа. Только попробуй тронуться с места у них на глазах — они будут ложиться под грузовики и требовать: «Оставьте все нам — будем себя защищать». Наверняка пришлось бы это оружие применить, вне всякого сомнения, пролилась бы кровь, поэтому и не осуждаю тех, кто занимался у нас этим вопросом… Думали, видно: черт с ним, оставим, лишь бы не воевать.

Несмотря на это, было принято решение о начале военной кампании, причем на заседании Совета безопасности присутствовал тогдашний министр юстиции Калмыков, который, будучи убежденным противником бойни, тут же поехал к Дудаеву и в подробностях рассказал ему, что планируется, вплоть до часов: как, где, когда… Полный идиотизм: наши стратеги ведь в курсе были, куда он отправился и что чеченцы полностью осведомлены. Надо было переменить план — к чему, спрашивается, так торопиться? Нет, «я так хочу — и все!». Потом

Ельцин, конечно, каялся перед народом: «Это моя ошибка!» Действительно, это самый страшный в его жизни грех, но он за содеянное не ответил — в прекрасных условиях, путешествуя по всему миру, дожил до спокойной смерти.

— Сколько людей с обеих сторон погибло в Чечне?

— Увы, точных цифр я не знаю.

— Но речь идет о десятках или же сотнях тысяч?

— Лучше говорить, не сколько погибло, а каковы потери, потому что, если считать убитых на поле боя — это одно, а вот потери — другое: имеются в виду погибшие вместе с ранеными. Допустим, человек по дороге в госпиталь умирает, на операционном столе или когда его выписали инвалидом…

— Как, расскажите, вам удалось взять в заложники президента Чечни Яндарбиева?

— Это произошло накануне президентских выборов-96, когда уже не было в живых Дудаева: решили провести с чеченцами переговоры, чтобы действия их полевых командиров не мешали нормальному избирательному процессу. В результате Ельцин таки пошел на то, чтобы принять чеченскую делегацию в Кремле, о чем еще Дудаев мечтал, но выбрали для этого самый непрестижный зал. Шеф, помню, очень долго прикидывал, как сесть, чтобы не быть с Яндарбиевым на равных.

— Тот же папаху снимать не хотел…

— Ради Бога, никто его и не заставлял (они все были в папахах), но Ельцин сел, как пахан, во главе стола, а делегации — по левую и правую руку. Он не расположился напротив Яндарбиева, как равный с равным (был против категорически), а чеченцы хотели, чтобы протокол, положенный при встрече двух президентов, был обязательно соблюден. Помните, как Яндарбиев бросил ему: «Не так сидите!»?

Борис Николаевич всегда придавал рассадке большое значение…

— В выпуске новостей я увидел, как, когда чеченцы начали возмущаться, вы подскочили к столу…

— Так они же злые были, как черти.

— И вы, если что, Яндарбиева бы ударили?

— Без всякого сомнения. Хм, а чему вы так удивляетесь? Извините, но если моему президенту кто-нибудь угрожает, пусть и другой президент, — какая разница! — я должен принять меры.

— Вы не боялись яндарбиевской свиты?

— Еще чего — не хватало, чтобы на нашей территории гости вели себя по-хозяйски.

— Нейтрализовали бы Яндарбиева кулаком или…

— Не знаю: схватил бы, и все. Дело в том, что он поначалу

такой был горячий (или показывал горячность), а потом, когда злющий Ельцин поднялся и ушел: «Ну, вы тут разговаривайте…» — успокоился.

На время визита им предоставили загородный особняк: с охраной, баней и отличной кухней — по полной программе!

— Девчонки там тоже были?

— Девчат не предлагали, но если бы они захотели, можно было договориться с официантками… До этого, правда, не дошло — после того, как они помылись, напились вдребодан. Все ведь в лесу, в лесу жили, а тут им такие условия создали — кровати шикарные, простыни белые, бильярдные, кинозал…

— Они расслабились, а в это время…

— …а в это время я с Ельциным переговорил. Мы ведь уже давно готовились в Чечню полететь — просто удобный момент искали. «Давайте-ка завтра утром, — предложил, — лучшего шанса не будет, только с одним условием, Борис Николаевич: об этом знаете вы, я… Сейчас вызову Барсукова, Грачева, согласую с ними детали — и все: Администрации — ни гу-гу!». Он согласился, и хотя потом сам позвонил Немцову (у них была личная договоренность), Илюшин, первый помощник, ни о чем не догадывался, премьер Черномырдин тоже. Понимаете, как было?

К тому времени мой спецназ уже две недели находился в Чечне, поэтому мы по нормальной закрытой связи договорились, чтобы там было все обеспечено: маршрут, точки пребывания, программа… Потом мне рассказывали, что, когда мы оказались в Чечне, Илюшин прямо в машине ногами топал, сходил…

— …под себя?

— Нет, с ума после того, как узнал об этом по радио. Как это так — президент в Чечне, а его, первого помощника, не предупредили?

— А что Яндарбиев?

— Этот по-своему обалдел, ведь их из особняка не выпускали — продержали там, пока мы не вернулись обратно. Они поняли, что их элементарно надули.

— Какой рейтинг популярности был у Ельцина перед выборами девяносто шестого года?

— Четыре процента.

— И вы с таким показателем народной «любви» собирались его все-таки снова протащить в президенты?

— Хм, а что значит протащить? Вообще-то я выполнял команду, а кроме того, у нас не было альтернативы: мы должны были или победить, или бы все преобразования свернулись… Поэтому и Зюганову, и Жириновскому, и Явлинскому я говорил: «Ребята, мы никуда вас не пустим и власть не отдадим», но

вместо того, чтобы так потешно выигрывать выборы, лучше было на пару лет их перенести. Зачем? Чтобы Ельцин назначил себе преемника: Сосковца или еще кого бы он там решил — того подготовили бы…

— Это правда, что истинным победителем избирательного марафона стал Зюганов?

— По некоторым данным, так и есть, но как узнать наверняка? Работала комиссия, выявила массу нарушений… Конечно, больше всего их было в команде Бориса Николаевича — это однозначно, потому что там денег крутилось немерено, но и у других тоже нашли, просто в гораздо меньших масштабах. Формально снимать с дистанции надо было всех…

— Говорят, что, даже де-факто одержав победу, Зюганов все равно не хотел становиться президентом — открещивался от этого, бедный, как мог…

— Я повторяю: он был напуган событиями девяносто третьего года и боялся, что с его приходом что-то в стране начнется. Пусть лучше, мол, все останется как было, и он продолжит борьбу в оппозиции, чем новый передел собственности.

— В рамках предвыборного тура «Голосуй или проиграешь» Борис Ельцин проехал по огромному количеству регионов, и в каждом его ждали «домашние заготовки» — встречи с избирателями, народные забавы, танцы (если можно назвать это так) из последних сил под песни удивленного Жени Осина… По-человечески Ельцина было жаль, но недавно я прочитал в вашей книге об изнанке этой совершенно сумасшедшей кампании. Даже предположить не мог, как вел он себя в узком кругу…

— Ну, замашки-то царские у него прорезались частенько…

Вспоминаю Астрахань. В тот день состоялась очередная встреча с людьми, после которой мы отправились на Волгу. Там специально уже был заброшен невод, полный осетров и другой рыбы — Борис Николаевич должен был изобразить, что вместе с рыбаками вытаскивает золотую рыбку.

Если бы делалось все по-нормальному, никаких проблем: стой на сухом и тащи себе там, где место определили. Знаете (*улыбается*), как обычно на похоронах коммунистических вождей гвардейцы несли перед Мавзолеем гроб, а члены Политбюро только за ручки держались, чтобы самим не упасть? Так и здесь — надо было лишь уцепиться за невод, ан нет: решил показать народу, какой молодец, и полез в воду… Естественно, за него все равно чего надо словили — он только ботинки свои намочил…

Потом, как водится, пойманных осетров обмыли, сделали икру-пятиминутку, попробовали, что это за деликатес царский (как по мне, просто свежая икра), — и в вертолет. Взлетели, и тут

Борис Николаевич ногу в своем «земляном» ботинке (тот был в мокром песке, как котлета в панировочных сухарях) на стол выставил. Поддал же, а выпивший человек чувство меры теряет, сразу культурка уходит куда-то…

Картина еще та… Рядом с ним астраханский губернатор сидит, а напротив человек пять: Илюшин, шеф протокола Шевченко, Корабельщиков, который тогда помощником был, замгубернатора и я. Короче, шеф ногу бабах — показывает, какой у него, дескать, грязный ботинок, а почистить никто не хочет. Я сразу же отвернулся, а Ельцин на меня недовольно глядит: вот ведь какой, даже глазом не повернет, ухом не пошевелит… Начал мне что-то обидное говорить…

— Кто-то пошевелил ухом?

— Я ноль внимания — твои, мол, проблемы, и тут он заорал так, что летчик чуть не спикировал: «Адъютант!!!». В свое время я ввел эту должность, чтобы избежать эксцессов по части того, кто наденет ему пальто и зашнурует туфли. Адъютант и портфели за ним таскал, и помогал обуться — когда он большое пузо носил, сам это сделать не мог (хотя иногда его все же спускал, по-разному было). В общем, Толя Кузнецов пришел, снял с шефа ботинки, отдал официанту почистить.

— Бедный губернатор — представляю, каким шоком для него это стало…

— Тем более что он-то из демократов был… Ельцин поставил его на эту должность, когда губернаторов еще не выбирали, а назначали, и вот человек увидел истинно «демократического» президента.

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Поездка в Волгоград была, наверное, единственной, когда мы полностью выполнили программу. Мэр города прием организовал замечательно, а вечером предстояла очередная ответственная встреча с ветеранами — ее сценарий досконально расписали в Москве аналитики из группы Чубайса — Дьяченко. Посмотрев, правда, текст, приготовленный Ельцину для озвучивания, я подумал, что его сочинили фашисты, чтобы надругаться над мужеством и священной памятью тех, кто выстоял в Сталинградской битве.

Дело в том, что одно из волгоградских оборонных химических предприятий под Ахтубой после конверсии начало выпускать фаллоимитаторы, а поскольку у населения эти изделия спросом не пользовались, завод бедствовал и не выплачивал зарплату работающим там ветеранам. В кабинете Чубайса придумали, как из столь щекотливого положения Ельцину лучше выйти. Он должен был пошутить: дескать, даже я, президент

России, знаю, что вместо денег вам дают зарплату фаллоимитаторами, но вы еще такие крепкие, что вам эти искусственные мужские достоинства ни к чему.

Согласно задумке политтехнологов, ветеранам следовало попадать от смеха со стульев. Я сохранил этот текст на память как образец высокопрофессиональной деятельности тех, кто выбирал Ельцина не сердцем, а… имитаторами».

«…Весной 1996 года, в разгар предвыборной гонки, он приехал для общения с местными жителями в Архангельск. Как обычно, подобные встречи шли по заранее отрепетированному сценарию — так было и на этот раз. (Татьяна тогда впервые поехала с папой на мероприятие подобного уровня в качестве пока еще «внештатного советника» и члена Совета по выборам президента Ельцина без обязанностей).

Все шло более или менее нормально, пока Борис Николаевич не выпустил «джинна из бутылки». Впав в привычное лирическое полузабытье, глава государства тут же забыл и о пресловутых записках, и о том, где он вообще находится… Результатом стало его обращение к архангелогородцам, начавшееся со слов: «Здравствуйте, дорогие… астраханцы!», после чего президент успел мудро поразмышлять в микрофон о том, что, дескать, добываемая в области черная икра — тоже неплохая валюта, и негоже поэтому жаловаться, что жизнь не сахар. После такого вступления, ощущая, что тысячная аудитория работников местного целлюлозно-бумажного комбината, где и происходила судьбоносная встреча, зримо впала в транс, запутавшегося в российских меридианах и параллелях кандидата в президенты пришлось просто «оттирать» от микрофона. Иначе он вполне мог бы начать рассуждать и о том, что в области в этот раз явный неурожай хлопка…»

— Я вспоминаю детективную историю вокруг плотно набитой деньгами коробки из-под ксерокса. Накануне второго тура выборов-96 она туда-сюда путешествовала — куда это в ней несли полмиллиона долларов?

— Начну издалека. Когда мы организовывали избирательный штаб, каждый предложил свою схему: я — одну, Илюшин — другую (он, например, ввел в нее Лисовского и Чубайса). Я настаивал, что контролировать финансовые потоки должна служба охраны президента, но Ельцин меня не поддержал — принял план, при котором реальных рычагов мы лишались. Причем на меня он самые трудные вопросы повесил, а нашу Службу вообще задвинул, хотя без нее и шагу нельзя было ступить — она сыграла в избирательной эпопее огромную роль.

Деньги в коробке из-под ксерокса, как потом оказалось, были

бюджетные, а изымал их из казны первый замминистра финансов Герман Кузнецов. Не знаю, откуда он их отрезал, но проворачивал эту операцию, видимо, не один раз. Когда в его сейф залезли, обнаружили там наличными два миллиона долларов и платежки на сотни миллионов в Латвию, на какие-то экзотические острова (изготовление печатной продукции оплачивалось вообще на Багамах). Интересные вещи открылись… Все как есть мы решили оставить в сейфе и поймать хозяина с поличным, когда он станет оттуда что-нибудь доставать, но вот незадача — деньги исчезли бесследно. Несмотря на то, что была установлена техника и велось круглосуточное наблюдение, два миллиона буквально испарились — так их и не нашли (надо отдать Герману должное: умел уходить от опасности).

Полмиллиона в коробке из-под ксерокса, о которых вы спрашиваете, должен был получить некий Евстафьев, а он взял с собой (просто так, совершенно без задней мысли) Лисовского: мол, пойдем за компанию. У Евстафьева был пропуск, с которым можно было ходить везде без проверки и проносить все, что угодно, но мы-то знали, что эти ребятки несут, и я отдал команду их задержать…

Накануне я Ельцину прямо сказал: «Вас постоянно и систематически обворовывают». Он насупился: «Дайте мне доказательства». Мы их и предъявили — пожалуйста! Не стали неделю искать, месяц ловить — на следующий же день схватили воров с поличным.

— Шум сильный поднялся?

— Скандал раздула вся эта банда: Березовский, Юмашев, Дьяченко, Чубайс, Киселев… Решили тех, кто их вывел на чистую воду, задавить криком.

— А зачем ночью Ельцина разбудили — он ведь почти уже ничего не соображал и вдобавок очень плохо себя чувствовал?

— Об этом надо спросить Наину с Татьяной: шеф только-только с огромным трудом уснул, а его растолкали. Какой смысл? Пусть человек отдыхает — утром во всем разберется. Мы же не собирались куда-то передавать материалы, сообщать о происшествии прессе… Евстафьева с Лисовским уже допросили, они абсолютно во всем сознались, вот протокол, где написано: откуда деньги, кто взял, — успокойтесь! Нет, все равно подняли старика с постели. Ну, позвонил он мне: «Что стряслось?» Я: «Борис Николаевич, спите, пожалуйста, отдыхайте. Все нормально, у нас под контролем», — но тут разве уснешь?

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Теперь телефон зазвонил в машине. Я снял трубку и услышал Татьянин голос — она набросилась на меня с новой

силой, но со старыми фразами:

— Вы должны отпустить их — это конец выборам!

Пока она кричала, я заметил, что голос из трубки доносится с чуть уловимым опозданием, словно эхо. Я спросил Таню:

— Кто с тобой рядом находится?

Она тут же притихла:

— Не скажу.

Я между тем уже отчетливо слышал, как кто-то нашептывает ей, что именно она должна мне сказать. Несколько раз я прерывал ее жестким тоном:

— Кто с тобой рядом? Если не ответишь, я тебе тоже ничего не скажу!

Таня сдалась:

— Березовский.

— Передай своему Березовскому, — сказал я Татьяне, — что его указаний я выполнять не намерен. Пусть успокоится — утром во всем разберемся.

— Тогда я вынуждена буду разбудить папу, — не унималась Татьяна.

— Если ты папу разбудишь, это будет самый плохой в твоей жизни поступок. Ты же знаешь, как мы бережем его сон: для нас он священный, — а ты из-за пустяка хочешь беспокоить президента России.

На этом разговор закончился.

Подъехали к дому, я посмотрел на часы. Было начало первого ночи, и вдруг снова раздался звонок — на этот раз я узнал голос Анатолия Кузнецова, старшего адъютанта Ельцина.

— Александр Васильевич, Борис Николаевич будет с вами сейчас разговаривать.

— Что там у вас произошло-то? — сонно прохрипел президент.

— Борис Николаевич, я вас прошу… Утро вечера мудренее, отдыхайте. Мы разбираемся, информация от нас в прессу не попадет, и завтра я обо всем доложу.

По сравнению с истеричным тоном дочери голос президента показался вдвойне спокойным:

— Ну ладно, давайте отложим до завтра».

— Как получилось, что команда Чубайса перехитрила такую могучую, многоопытную Службу охраны?

— Она не перехитрила, это не так. Вы заблуждаетесь, потому что являетесь, очевидно, его сторонником.

— Я? Нет, совершенно…

— У Ельцина были две партии: одна — государственников, куда входили Сосковец, Коржаков, Барсуков, Бородин,

красноярский промышленник Быков и другие, а вторая — приближенных к Семье Чубайса, Филатова… Когда-нибудь, рано или поздно, он должен был сделать выбор…

— Почему же Чубайс и К° взяли верх?

— За ними стоял капитал: Березовский, десять банкиров плюс Танечка, которая сидела у них «на ухе». Мы президенту одно говорили, а дочка, с другой стороны, свое… Она же ему напропалую врала!

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Недели за две до отставки я с ней беседовал:

— Татьяна, что ты делаешь — за месяц третий раз подряд записываешь Березовского на прием к президенту. Зачем выделять бизнесменов — пусть они либо ходят все вместе, либо имеют равное право на аудиенцию.

Таня же не разделяла причин моего беспокойства, а БАБ уже считал себя близким семье Ельцина человеком, имеющим особые заслуги. Видимо, эта убежденность пропитала насквозь и Татьяну, во всяком случае, объяснять президентской дочке, что лоббировать интересы этого проходимца недопустимо, было бесполезно.

— Таня, я Березовского просто пристрелю, как крысу: я ведь понимаю, кто тебе голову забивает! — однажды сорвался я.

Ответ поразил меня цинизмом:

— Саша, я умоляю, делайте с ним что хотите, но только после выборов».

— Получается, деньги государственный подход пересилили?

— Конечно, это рычаг мощный, а если человек не соображает, не оценивает свои действия, он просто беспрекословно выполняет то, что ему скажут. Как дочка родная пела, так Ельцин и поступал, а чего обо мне тогда напридумывали! Филатов с Гайдаром даже наплели шефу, что я хочу стать президентом России. Стоило мне только заикнуться, что выборы нужно перенести, они тут же ему свою версию — пожалуйте! Когда я об этом услышал, мне плохо стало.

— А что же Борис Николаевич? Поверил?

— Конечно, а чего вы хотите, если он маразматик? Сначала сами мне высокий рейтинг нарисовали, а потом им же душили: «Видите, какая у Коржакова популярность? Это все потому, что он за вас оставался, а теперь подомнет и будет первым». Да кто выводил эти цифры, кто опрашивал людей, знают они Коржакова, или видеть не видели? Ко мне же в народе, как к Малюте Скуратову, относились…

— За несколько недель до второго, решающего тура последних в своей жизни выборов Ельцин громогласно объявил,

что увольняет Коржакова, Барсукова и Сосковца, и сопроводил это заявление загадочной фразой: «Они много на себя брали и мало отдавали». Что вы почувствовали, услышав такие слова после стольких лет верной и преданной службы?

— Сейчас, если честно, уже ничего не чувствую, а тогда… Большое облегчение испытал: слава Богу, такой хомут сняли. Работа с Ельциным — это была мука, одиннадцать лет мучений! Я же семьи не видел, фактически без меня младшая дочь выросла — просто забыла, как отец выглядит. За старшей еще успел присмотреть, довести ее до ума: она с медалью школу окончила и поступила, куда хотела, — а младшую из школы выгнали: пришлось потом устраивать в медучилище.

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Борис Николаевич произнес фразу, ставшую исторической: “Они много на себя брали и мало отдавали”. Я оторопел… Кому мало отдавали — ему, что ли?

Моя жена Ирина тоже смотрела это выступление Ельцина по телевизору. У нее были теплые отношения и с Наиной Иосифовной, и с дочерьми президента Татьяной и Еленой… Потом Ира призналась:

— Для меня Ельцин умер — больше я с ним видеться не хочу. Эту улыбку Иуды никогда не забуду…»

«…Через два дня после истории с моим письмом президенту у него случился очередной инфаркт. С утра я был в тире: решил, что пора потренироваться на случай, если придется себя защищать (оружие-то у меня именное, на законных основаниях) — там меня и отыскал Кузнецов.

— Врачи в панике, у шефа опять инфаркт.

Я посчитал: получилось — пятый. Поразило ту часть сердца, которая чудом сохранялась здоровой.

До второго тура выборов оставалось семь дней — в такой ситуации должен принимать решение не отстраненный от должности генерал, не кто-то из членов семьи, а Черномырдин. Он — действующий премьер и обязан брать ответственность за последующие события на себя.

Приехав на президентскую дачу в Барвиху, я попросил адъютанта найти Конституцию Российской Федерации, Закон о выборах президента. Минут пятнадцать искали, но в доме Ельцина не нашли — обнаружили только в комендатуре. Я прочитал абзац в 92-й статье, где о недееспособности первого лица четко сказано: “президент Российской Федерации прекращает исполнение полномочий досрочно в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия…”

— Мне сейчас сложно давать какие-то советы, — обратился я к Кузнецову, — но мое мнение следующее: если они меня предали, то тебя и подавно сдадут, поэтому действуй исключительно по закону. Это означает, что ты должен проинформировать премьер-министра Черномырдина, а он уже пускай сам решает, как быть.

Вошел лечащий врач Ельцина Владлен Николаевич Вторушин:

— Борис Николаевич просит никому ничего не сообщать.

“Просит” — мягко сказано, я уже и сам слышал из соседней комнаты вопли: “Черномыр-дину — ни в коем случае!”»

— Эпиграфом к книге «Борис Ельцин: от рассвета до заката» вы выбрали очень яркое высказывание Талейрана: «Целые народы пришли бы в ужас, если б узнали, какие мелкие люди над ними властвуют»…

— (*Улыбается.*) Ко второй моей книге эпиграф другой. Прочитайте, пожалуйста…

— «Пока мы живем так бедно и убого, я не могу есть осетрину и заедать ее черной икрой, не могу мчать на машине, минуя светофоры и шарахающиеся автомобили, не могу глотать импортные суперлекарства, зная, что у соседки нет аспирина для ребенка, потому что стыдно». Борис Ельцин. «Исповедь на заданную тему». 1990 год…

— И после такого — ботинки на стол! Нет, эта книга поинтереснее будет…

— Скажите, а вы не боялись, когда решили издать мемуары?

— Опасался единственного: идя на свою первую пресс-конференцию, думал, что арестуют и не дадут даже слова сказать. После того как этот придурок Чубайс заявил, что они забили последний гвоздь в гроб (до сих пор непонятно чей), мне пришлось вести полулегальный образ жизни. Я знал, что дана команда меня задержать, не допустить в гостиницу «Рэдиссон-Славянская», где была намечена встреча с журналистами, поэтому просто на три дня уехал. Мне подобрали конспиративную дачу, гулять выходил только ночью… Там и готовилась пресс-конференция, а потом меня уже ничем нельзя было запугать: вышел и объявил, что все нормально и я живой… В общем, что хотел, то и сказал.

— Слышал, что после знакомства с вашими воспоминаниями Ельцин получил очередной инфаркт…

— Вранье, вранье!

— Цитата из вашего интервью: «То, что он мог получить от моей книги инфаркт, — бред, потому что он ее не читал. Он вообще не читал никаких книг лет уже двадцать — с тех пор как

Ленина закончил штудировать»…

— Думаю, к концу жизни Ельцин и буквы забыл, потому что, когда ему приносили для ознакомления документы, он пробегал глазами только «собачку», которую Илюшин писал. Два слова о том, какую резолюцию должен наложить: согласен — не согласен, а в текст он вообще не заглядывал.

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…От Филатова одна головная боль, Борис Николаевич даже жаловался:

— Смотрю на него и не слушаю — когда он говорит, во рту будто две мухи сношаются. Приносит с собой огромную папку бумаг и начинает про них мне рассказывать. Я намекаю: “Ну это же ваши вопросы — сами должны решать”, а он не понимает.

Доходило порой до того, что шеф в открытую просил:

— Половину бумаг отложите в сторону и оставьте у меня.

— Какую половину? — уточнял Филатов.

— Да любую! — совершенно серьезно отвечал президент».

— В «Записках президента» Ельцин назвал вас своим личным другом — он действительно таковым вас считал?

— Он меня личным другом назначил… Поймите, всю жизнь Борис Николаевич был начальником: практически только первый год после института работал, так сказать, рядовым, а потом сразу пошел на повышение и с тех пор на грешную землю уже не опускался. Я же руководителем вообще никогда не был, пока он меня не поставил. Точно таким же волевым решением Ельцин определил меня и в друзья.

— Вы были на «ты»?

— Нет, я никогда с ним не фамильярничал, а вот он со мной быть на «ты» мог — иногда.

— В знак особого доверия и уважения?

— Может, и так. Я был для него когда Александром Васильевичем, когда Александром, а в подпитии и Сашей.

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Личные отношения Борис Николаевич сразу же ограничил жесткими рамками — всех называл только на «вы», разговаривал кратко и строго: «Поехали!», «Подать машину в такое-то время», «Позвоните туда-то», «Доложите об исполнении» и т. п.

Первое замечание он мне сделал, когда я захлопнул дверцу машины. Открывая его дверь, я одновременно захлопывал свою, но поскольку на левой руке у него частично трех фаланг не хватало, подспудно затаился страх, что и оставшиеся пальцы когда-нибудь непременно оторвут — например, прихлопнут дверцей автомобиля. Он выходил из ЗИЛа весьма своеобразно: хватал стойку машины, расположенную между дверьми, и резко подтягивал тело, причем брался всегда правой рукой (пальцы при этом действительно находились в опасной зоне). Я сразу обратил внимание на эту особенность шефа и ни за что бы плохого не допустил, поэтому было обидно услышать от Бориса Николаевича резкое резюме:

— Вы мне когда-нибудь пальцы отхлопнете».

— Это правда, что дважды вы с Ельциным резали вены и смешивали кровь?

— Пожалуйста (*показывает руку*) — вот один шрам, а вот другой.

— При каких обстоятельствах это происходило?

— Ну, знаете, трезвым он никогда не был…

— И чем же вы резались?

— Ножом: он мне, я ему…

— Так вы настоящие мужики — не каждый бы на такое решился…

— Первый раз все получилось случайно, в бане. Мы были в Якутии, и там ему подарили специальный якутский нож для разделки рыбы, чтобы сырой ее есть. Ельцину часто дарили ножи,

и он любил ими пугать приближенных: бывало, повернет резко лезвие и тыльной стороной вжик! — махнет по запястью. От неожиданности люди, естественно, дергались, а я его фокусы знал и, когда Бородин вручил ему нож, подумал: «Сейчас точно будет меня полосовать». Так и получилось: он раз! — но я даже не шелохнулся. «Что, не боишься?» — спросил. «Ни капельки». — «А если по-настоящему?». — «Да пожалуйста». Он и чиркнул, а потом испугался: хлынула кровища, залила простыни. «Нет, не могу так, — сказал, — давай теперь ты меня…» Ну, я у него кожу на кисти немножко надрезал.

— И что, смешали кровь?

— Ну да… Обычный пьяный базар — ничего серьезного. Второй раз это произошло в президентском клубе, тоже неожиданно. Сидели, пили пиво, и вдруг, ни с того ни с сего, у него бзик случился — взял у поваров хлебный нож. Я: «Борис Николаевич, мы уже с вами резались». — «Да? Что-то не помню. Давай еще…»

— Вы с ним когда-нибудь пили на брудершафт с последующим поцелуем?

— Нет. Я этого вообще не понимаю — с мужиком целоваться…

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Перед сном я иногда вспоминаю какие-нибудь эпизоды из прежней жизни. Весной девяносто пятого мне сделали операцию — зашили грыжу белой линии. Грыжа образовалась из-за чрезмерных спортивных и физических нагрузок, мышцы пресса разошлись, внутренности стали просвечивать через кожу, и врачи настояли на операции. На реабилитацию они просили минимум два месяца, но Ельцин отвел на все лечение две недели.

В день операции Борис Николаевич решил меня навестить — прибыл часов в пять вечера и уехал около одиннадцати. Прямо в палате накрыли стол, пришлось выпивать. Иногда я отходил от стола, прикладывался к подушке — чувствовал себя отвратительно. Доктора уже в открытую объясняли шефу, что после оперативного вмешательства прошло только пять часов, что спиртное пациенту противопоказано, но у нас считалось: президент выше Гиппократа, приглашает — не пить нельзя. Борис Николаевич — эгоист чудовищный…

Миновала неделя, мне сняли швы, я переехал в санаторий в Барвиху и начал ходить пешком — спустя несколько дней уже нахаживал до тридцати километров. Внешние швы заросли, а внутренние, по прогнозам докторов, должны были прийти в норму только через полгода, поэтому мне категорически запретили поднимать даже небольшие тяжести и заниматься

спортом.

Еще через неделю я вышел на работу. Как раз на следующий день в Старом Огареве у Ельцина была запланирована встреча с Кучмой — накануне президентских выборов в Украине Леонид Данилович хотел заручиться поддержкой Бориса Николаевича и, естественно, финансовой помощью России.

После ужина обоих пришлось в прямом смысле сначала поддерживать, а Кучму и выносить. Шеф же, выходя из дома, не удержал равновесия и полетел головой вперед, прямо на дверной косяк. Еле успел его подхватить… В тот момент в глазах у меня потемнело, появилось ощущение, будто пресс опять разрезали, только на этот раз без наркоза. Внутренние швы разошлись…»

— Как сегодня думаете, вы любили Ельцина как человека?

— Когда его сместили с должности первого секретаря Московского горкома, я считал, что он за дело страдает, хочет вроде, чтобы нам, москвичам, хорошо было, а его за это полощут. Тогда, видя, как ему тяжело и как он по этому поводу переживает (Борис Николаевич же и напивался, и голова у него часто болела), конечно, я его очень жалел, но это была не сыновняя любовь, а, скорее, человеческое сострадание к несправедливо обиженному. Вот так, наверное, а любить его было не за что — по большому счету, он малокультурным был человеком, хотя матом и не ругался. Практически не ругался…

— Что для начальника такого уровня весьма удивительно…

— Нет, если было необходимо, как бывший строитель Ельцин мог, разумеется, крепкое словцо употребить, и здесь, в Москве, иногда у него что-то проскакивало, но он не терпел, когда кто-то рядом допускал, так сказать, выражения. Поэтому мы все в этом плане себя сдерживали, но хватало других моментов, которые свидетельствовали о его нижайшей культуре.

— Смотрите, Горбачев ко всем подчиненным, даже людям старше себя, обращался на «ты», а Ельцин — на «вы»…

— Да, если так сравнивать, внешней культуры в Горбачеве было меньше, но когда первые лица хорошенько принимали на грудь, тут уж из каждого вылезала своя свинья. Правда, я никогда Горбачева пьяным не видел…

— Неужели он вовсе не напивался?

— Просто при этом я не присутствовал. Наверняка злоупотреблял иногда, раз Раиса за это его мордовала, тем более ставропольское гостеприимство известно — туда столько гостей приезжало…

— Однажды Наина Иосифовна сказала: «Мы Александра Васильевича любили, считали членом семьи, а он нас всех предал». Вы с этим согласны?

— Одна газета поместила обо мне статью под названием «Преданный предатель»: то ли я, дескать, был предан Ельцину как человек и потом предал его, то ли меня предали… Я, честно говоря, готов был разойтись по-джентльменски, молчать, но началась травля в прессе, надо мной нависла угроза физической расправы, до моего сведения довели, что Семья дала разрешение на арест Коржакова — так кто здесь предатель? По-моему, двух мнений не может быть: конечно, Борис Николаевич. Наина Иосифовна же — провокаторша, не говоря уж о том, что никогда она меня не любила… Лицемерки и она, и Татьяна — самая порядочная, как ни парадоксально, старшая дочь Елена…

— …которая почему-то всегда в тени…

— Ну, может, правильную политику ведет ее муж Окулов. У нее, как и у каждого из них, своя судьба, но это отдельная тема.

— Это правда, что во время теннисного матча, будучи подшофе, Борис Николаевич прямо на корте мог ударить Наину Иосифовну ракеткой по заднице?

— Не только на корте и не только пониже спины: мог хорошенько и в глаз зарядить.

— На ваших глазах?

— При мне — нет, но были случаи, когда после очередного их выяснения отношений она по неделе даже горничным не показывалась.

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Когда Ельцин приходил домой, дети и жена стояли навытяжку. К папочке кидались: раздевали его до трусов и переобували в комнатные тапки — сам он только руки и ноги поднимал».

— Ельцин был человеком богатырского здоровья?

— От рождения — может, и да, но в бытность президентом в одном кармане у него была горсть таблеток, выписанных врачами, а в другом — горсть, которую подсовывала не верившая медикам Наина. Он их ел, как орехи, и доктора сходили с ума: что бы ему еще дать.

— А как же купание в ледяной воде?

— Нормально. Кстати, Борис Николаевич и меня к этому приучил… Раньше я не испытывал такого счастья — окунуться в прорубь, а попробовал с ним — и получилось. Оказалось, это не так страшно.

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…По реке плыли льдины, обычный весенний мусор, и вдруг Борис Николаевич стал раздеваться. Я обязан был изобразить удивление:

— Ну что вы, такая студеная вода — находиться в ней

невозможно.

— Нет, я должен снять стресс, встряхнуться, — “убил” меня шеф.

Я быстренько побежал к машине за полотенцами, разделся и сам, одежду сложил на капоте. Возвращаюсь обратно, а Ельцин уже в воду входит. Голышом — стесняться-то некого… Моржом я никогда не был и впервые в жизни окунулся в настоящую ледяную воду: показалось, что ноги ошпарило крутым кипятком. С перехваченным от остроты ощущений дыханием я поплыл. Кипяток стал еще “круче” (если бы у меня потом слезла кожа, я бы не удивился).

Плывем, льдины руками разгоняем, а течение сильное, сносит от берега. Шеф же ничего не замечает — “снимает стресс”. Тут я занервничал:

— Борис Николаевич, давайте назад.

Он смеется.

Пришлось схитрить:

— Вам волноваться, наверное, уже нечего, а мне еще, может, детей рожать.

Он сделал обиженное лицо, но повернул и из воды вышел.

На самом деле я не за себя переживал: Ельцин перенес операцию на ухе, и врачи категорически запретили ему переохлаждение.

Выскочил я из воды, встал на сухую травку. Растерлись полотенцами, красными стали, как раки, и я предложил:

— Давайте в машину — там тепло.

Достал фляжечку, и мы с наслаждением ее опорожнили. Я, правда, выпил поменьше — за рулем ведь, а Борис Николаевич позволил себе остальное. Посмотрел на меня и сказал:

— Вот теперь я человек, могу приступить к работе».

— Когда первый раз вы вошли в ледяную воду, не было мысли, что можете оттуда не выплыть?

— Нет — был уверен, что и сам выплыву, и еще этого чудака вытащу, потому что находился в хорошей физической форме.

— Один из бывших членов Политбюро ЦК КПСС рассказывал мне, что Ельцин был настолько крепок физически, что напивался до чертиков без каких-либо последствий. В два часа ночи после очередного застолья наши вершители судеб могли разойтись никакие, а в пять утра он уже всех будил и звал играть в волейбол. Это что, действительно правда?

— Да, только надо понимать, откуда он — этот стиль-то. Набравшись, Борис Николаевич не мог уснуть до утра — обязательно часа через три просыпался, и нужно было или снова выпить, или накуролесить, или врачей вызывать и мучить: мол,

что-то болит, давайте лечить. Долго спать он не мог — ночь для него тянулась мучительно… Это Бог наказал его за столь «праведную» жизнь бессонницей.

— Ельцин предпочитал водку?

— Когда на Урале работал, да — только во время официальных мероприятий, если приезжали гости из центра, пил коньяк, который считался партийным напитком, и, уже переехав в Москву, полностью на него переключился. Мне, между прочим, это претило: от коньяка у меня изжога, терпеть его не могу.

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Издавна Борис Николаевич любил заканчивать рабочий день коньячком, предпочитая дорогой армянский. Еще в Московском горкоме начальник группы охраны Юрий Федорович Кожухов под вечер аккуратно к нему заходил с оттопыренным задним карманом брюк — несмотря на спецпоходку, выгнутую спину и отведенные плечи, разрез пиджака предательски обнажал горлышко бутылки».

Ежедневно Кожухов оставлял у шефа бутылку армянского коньяка три звездочки (это были не те звездочки, что сейчас, а тогдашние, со спецбазы), ну а после пицундских волейбольных баталий вместо Юрия Федоровича Ельцин стал приглашать меня. Обычно, когда пора было ехать домой, Борис Николаевич спрашивал: «Машину вызвали?». — «Вызвал». — «Ну, заходите» — и вел в заднюю комнату. Там на столе стояли два фужера по двести пятьдесят граммов, два бокала для вина по сто двадцать пять и две рюмки по пятьдесят, а рядом — бутылка фруктовой воды и бутылка минералки.

— Закуски не было?

— Никакой. Ритуал начинался всегда одинаково: «Ну давайте!», а вообще тосты у усталого Бориса Николаевича были традиционно краткие: «Ну!»

Первый раз я откупорил бутылку и в нормальную рюмку собрался разлить, но он возразил: «Нет!» Взял на сто двадцать пять — Ельцин кивнул: «Пойдет». Налил ему половиночку — он: «До конца. И себе до конца». Пока я трудился, он водички фруктовой себе плеснул: «Ну, — скомандовал, — с Богом!». Крякнули, он запил, я уже должен новую порцию наливать, а мне что-то так плохо…

Со вторым бокалом все повторилось: «Нет, до конца». Когда опустевшую бутылку я поставил на пол, Ельцин спросил: «А почему оставляете? Кожухов всегда забирает с собой». Я возразил: «Зачем — пусть лучше уборщица сдаст. Вы получаете коньяк на спецбазе, поэтому Горбачеву все равно доложат. Какая разница, отсюда или оттуда он это узнает?». — «Да, логично». Опорожнили

бокалы, он снова запил — и все, выходим к лифту. У меня выпитое гуляет внутри, подступает к горлу (уговорить-то могу много, но только с закуской — еще мать этому учила), а он спокойненько достает «Стрепсилс» (сейчас это снадобье в каждой аптеке есть, а тогда только членам Политбюро выдавали). Парочку таблеток себе в рот: чмок, чмок! — сосет. Хорошо: и запил, и заел… Я его на заднее сиденье усаживаю, а сам на переднем устраиваюсь и по дороге гоняю туда-сюда этот коньяк. Когда приезжали на дачу, первым делом бежал к повару: «Дай что-нибудь зажевать, не могу».

— Ельцин, по-вашему, был алкоголиком?

— Я бы, скорее, назвал его пьяницей.

— Вам приходилось часто с ним выпивать?

— Да каждый день.

— Легендарный маршал Буденный глушил коньяк стаканами и фужерами (что под рукой было): по четыре, по пять за раз, а какую максимальную дозу мог осилить Борис Николаевич?

— Он тоже и стаканами, и фужерами пил, а поскольку это продолжалось в течение дня, литра два выходило.

— Вы пили с ним наравне?

— А он не позволял по-другому — всегда следил, чтобы никто не сачковал. Попробуй откажись! Если не будешь, лучше не начинай…

— По слухам, когда у Ельцина возникли уже большие проблемы со здоровьем, вы втихаря разбавляли ему водку в пропорции один к двум…

— Ой, целая эпопея была… Он вообще-то пил только коньяк, который специально из Армении привозили, — будь здоров какой! — и когда в девяносто третьем у него началась подагра, для меня это было счастье. Собрался консилиум академиков, и они объявили: «Борис Николаевич, эта болезнь не лечится — бесполезно даже пытаться, но есть наблюдение, что те, кто пьют только водку, подагрой никогда не хворают». Он это мне рассказал, и всем буфетам и барам тут же было приказано сменить ассортимент…

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Водка возникла в нашей “винной карте”, когда у Бориса Николаевича впервые в жизни разыгралась подагра. Ее симптомы — в докторов летели карандаши, подушки, телефонные трубки, торшеры… Боль он никогда не переносил, а тут суставы… На дачу в Барвиху призвали всех светил медицины, в том числе и народной… Все — не то, и только спустя несколько дней вызывает меня шеф к себе: “Александр Васильевич, сегодня один из специалистов сказал, что подагра неизлечима. Это болезнь

дворянская — тех, кто пьет вино, шампанское и коньяк, а по многолетним наблюдениям ученых, она не берет только пьющих водку. Александр Васильевич, меняем нашу ориентацию!"

"Ценную информацию" я передал Барсукову, и по его команде ориентацию стала менять страна — все банкеты, приемы, спецбуфеты, официальные мероприятия в центре и регионах… Я, честно скажу, был рад — от коньяка у меня всегда была страшная изжога. Некоторые почитатели опального звездоносного продукта с радостью пустили бы слух, что это Коржаков специально заразил президента подагрой, вот только происхождением я подкачал — ну никак оно у меня не княжеское…

От общенародного лекарства боль действительно поутихла, но прежняя обувь сорок первого размера уже Борису Николаевичу не подходила. Дело было в момент очередного внеочередного отпуска в Завидове: он там ходил в валенках, и вот утром выхожу я из комнаты и не нахожу своих туфель сорок шестого размера. Иду в столовую, а шеф уже там, в моих ботинках, и говорит: «Не представляете, как мне в них хорошо!». Пришлось подарить: он влез в них и больше не вылезал.

Мою растоптанную обувку адъютанты вылизали до блеска, и президент несколько месяцев в ней работал. Как раз в это время в Москву прибыл с визитом президент США Клинтон — Ельцин принимал его в Большом Кремлевском дворце и, к моему удивлению, приехал в тех самых ботинках. По горизонтальному полу он двигался уверенной походкой старого лыжника, а когда вдоль почетного караула поднимался по лестнице, я силился своими широкими штанинами хоть как-то прикрыть от прессы торчащие и шлепающие пятки главы государства. Может, никто, кроме меня, это чавканье и не слышал, но у меня тот звук бил в ушах барабаном.

…Через некоторое время Бородин приобрел президенту несколько пар новых туфель — сначала сорок пятого размера, а когда опухоль спала, и сорок четвертого. Это я все о пользе водки…»

Со временем врачи запретили ему и водку, но душа все равно требовала… Нашли щадящий вариант. Будучи в Греции, оценили тамошнюю «Метаксу» — хороший напиток, чистый. Короче, если «Метаксу» разбавлять шампанским, балдеешь быстрее, а выпиваешь меньше. Я Ельцину раз на ужин попробовать дал — понравилось. В течение месяца-двух он пил этот коктейль, но потом что-то стукнуло в голову — и опять взялся за водку. Что бы врачи ни говорили, он: «Дай!» — и все тут, даже слушать ничего не хотел.

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…За три месяца до выборов-96 президент выгнал верного шеф-повара Диму Самарина и всю его команду с работы, а началось все с того, что я приказал не хранить на президентской кухне ни одной бутылки спиртного. Ельцин об этом знал, и если уж очень хотел выпить, приглашал кого-нибудь из доверенных людей на прием. Встречи с Черномырдиным, например, всегда заканчивались для президента необходимым расслаблением, но порой шеф вызывал кого-нибудь из дежурных (причем безошибочно выбирал того, кто послабее характером) и приказывал:

— Иди и купи.

Сотрудник тут же ко мне прибегал:

— Александр Васильевич, что делать? Борис Николаевич дал сто долларов и просит принести пол-литру…

Я посылал парня менять деньги, а сам доставал из запасника “проверенную” водку. Дело все в том, что ребята с Петровки, 38 подарили мне аппарат для закручивания на бутылках пробок. У них такого оборудования полно — изымают у жуликов, производящих фальшивое спиртное, и вот, сидя в кремлевском кабинете, я занимался производством предельно разбавленной “беленькой”. Доставал чистенькую бутылочку, до половины заполнял питьевой водой, затем добавлял в нее водки со спецкухни, быстро закатывал (про себя называл эту операцию “Закат”) и вручал дежурному, который к этому времени уже успевал разменять деньги.

— Президенту отдай сдачу и скажи, что только такая и продавалась, — инструктировал я.

Борис Николаевич, к счастью, плохо разбирался в водочном вкусе, и если мне жаловался: “Ой, какая-то слабая попалась”, я быстро его успокаивал: “Да она просто мягкая”.

С июня 1995 года врачи запретили ему после инфаркта пить крепкое — только немного шампанского особого сорта “Мартини Асти”. Он редко кого им угощал — удостоился, пожалуй, только президент Беларуси (Лукашенко потом сетовал, что после седьмой “Мартини” у него уже “днище срывало”). Других Ельцин стремился по-прежнему напоить водкой, и Сосковец, например, всегда говорил мне “спасибо” за то, что я подставлял «проверенную» бутылку. (Перед Ельциным же Олег регулярно нахваливал мягкость напитка, подыгрывая мне, мол, это он вместе со мной попросил, чтобы на “Кристалле” президента уважили).

Не дать спиртного вообще было, увы, невозможно — даже на второй день после шунтирования, несмотря на строжайший

запрет врачей, Наина Иосифовна была поймана с поличным, когда пыталась тайком пронести под халатом коньячок. Поэтому-то, когда она однажды сказала мне, что “это вы споили моего супруга”, я с чистой совестью и искренней наглостью ответил: “Нет, это вы из Свердловска такого алкаша привезли”».

«…Перед выборами Черномырдин посещал Ельцина регулярно: побеседовав, за обедом обычно они выпивали. К этим встречам на президентской кухне готовились — в шкафу стояли две бутылки проверенной, “мягкой” водки, приготовленные из одной нормальной, но на этот раз Виктор Степанович покинул президента на редкость быстро, без фуршета — минут через пятнадцать. Шеф ринулся на кухню, устроил “инспекцию” и, естественно, обнаружил две непочатые бутылки. В ярости налил себе полный “коржаковский” стакан и выпил, после чего позвонил мне по прямому телефону:

— Я приказываю вам уволить всю кухню до одного.

— За что?

— Я не люблю, когда меня обманывают.

— Хорошо, постараюсь все выяснить, — дипломатично пообещал я.

— Не выяснить, а уволить приказываю, — еще пуще завелся Ельцин. Он сам перезвонил начальнику ФСО Крапивину и приказал набрать новый штат официантов и поваров».

…В наш кремлевский буфет водку вообще завозить перестали, потому что я сказал: “Все — выборы”. В столь ответственный момент злоупотреблять нельзя было ни под каким видом, но специально, чтобы этот запрет обойти, президент звал гостей: Сосковца, Черномырдина… Позовет — и ко мне: “Для них доставай”.

Виктор Степанович когда пил, а когда и нет: мол, нельзя — только шампанское, а вот Сосковец никак не мог отвертеться. Олег жаловался: “Я приезжаю, еще работы черт знает сколько, а тут… Бутылку дернул — вторую с ним пей”. Благодаря моей хитрости Олег брал на грудь всего двести пятьдесят граммов — все-таки не бутылка, а стакан, немного легче».

— …Ваш Кучма тоже, кстати говоря, был не дурак выпить. Как-то приехал он в златоглавую — в президенты проситься.

— Не понял: куда?

— В девяносто четвертом году Леонид Данилович хотел стать президентом Украины, и ему позарез нужна была помощь России. Вместе с Борисом Николаевичем они так хорошо тогда посидели (Кучму вообще кое-как донесли — он Барсукову потом всю машину обгадил)… Как сейчас помню, у них такая была любовь — целования, обещания… В итоге получили стопроцентное

исполнение обязательств со стороны России и нулевое — со стороны Украины.

— Неужели Леонид Данилович обвел Россию вокруг пальца — пообещал и не выполнил?

— Однозначно обвел. Надо было с него расписки взять, чтобы потом, когда время придет, выдать — к откровениям Мельниченко добавка была бы хорошая…

— А что, Кучма получил от России под выборы какие-то деньги?

— А как же, причем немалые! Мне Сосковец рассказывал, как ему пришлось нефть продавать — излишки искать, повышать квоты, чтобы за счет перепродажи живую наличку выручить. Я не могу рассказать, как все технически происходило, — лично Кучма доллары брал или кто-то из его команды, но тот факт, что Россия в этом участвовала, не отрицаю. Договоренность же о поддержке была достигнута, как раз когда Леонид Данилович как следует с Борисом Николаевичем поддали.

— По слухам, прилетая в очередной город, Ельцин любил пописать под шасси самолета: это что же — примета?

— Вы, журналисты, любите обобщать… Такое случилось лишь раз, когда он, уже будучи выведенным из Политбюро, но еще не став президентом, прибыл в Америку. Как назло, ни у кого из ваших коллег ни фотоаппарата не оказалось, ни кинокамеры — одни пишущие были. Все это видели, свидетелей куча, а вот запечатлеть не смогли…

— Какие выходки Бориса Николаевича «под мухой» запомнились вам особенно?

— Как-то зимой (опять-таки, до президентства) у меня в Простоквашино устроили мы мальчишник, и утречком, чтобы немножко все протрезвели, повел я своих гостей в лес. «Купил новое ружье, — сказал им, — и бутылок набрал две корзины: пойдем постреляем». — «Ну, пошли». Для начала Борис Николаевич чуть не порешил своего госстроевского помощника Леву Суханова — тот над собой кинул бутылку, а шеф ее на мушку ловил, и, если бы я по ружью не ударил, быть беде. Возвращались уже веселые — поигравшие в мужские игры…

— …пощекотавшие нервы…

— Дошли до кладки через речку, и вдруг Ельцин посреди мостика остановился и Суханова, который сзади шагал, за руку взял: «Ну что, Лев Евгеньевич, прыгнем в воду?». (Притом что везде лежал снег, река была безо льда.)

— Какой красавец!

— «Прыгнем?». Тот: «Вы что, шутите, что ли?», а Ельцин: «Да ладно, не трусь, тут по шею», — и сиганул вниз.

— В пальто?

— В куртке, но если он, получается, ногами нырнул, то Суханов, которого потянул за собой, — носом. Вдобавок, когда мы их вытаскивали, поскользнулись, и Ельцин окунулся вообще с головой. Вылезли оба мокрые, в тине, а на улице холодрыга и до дома метров шестьсот надо идти. Умел Борис Николаевич почудить…

— И что же потом?

— Пришли и до самой ночи сушились. Я растопил печь… Это было в разгар сухого закона, когда Горбачев запретил продавать водку, но у меня, слава Богу, всегда было чем согреться, потому что человек я запасливый. Супруга моя тогда очень хорошо самогоночку гнала — только дрожжи доставать приходилось, а до этого я из Китая запас спирта привез и из Болгарии коньячку «Сленчев бряг»… Что-что, а стратегический запас имелся.

— До сих пор многих волнует: что же на самом деле произошло в аэропорту «Шеннон», когда Ельцин не вышел на встречу с премьер-министром Ирландии? Перебрал?

— Как раз нет, просто накопилась усталость. Накануне вечером выпили очень мало, потому что Борис Николаевич неважно себя чувствовал. Спать лег он пораньше, и мы тоже сразу на боковую. Какое-то время спустя, уже над океаном, Наина меня разбудила: «Борис Николаевич встал — наверное, хотел в туалет, но упал и лежит без движения». Все переполошились: как же, через несколько часов посадка в «Шенноне», встреча с ирландским премьером, а он никакой, без сознания. На инфаркт не похоже, но что-то серьезное.

— Это правда, что он обмочился?

— А что тут такого — в пьяном, бессознательном состоянии это нормально. Об этом супруга мне сообщила, да и я, когда его на кровать затаскивал, не мог не заметить. Правда, Наина иначе выразилась: «Обоссался, пьянь чертова».

— По-доброму!

— По-простому… В книге я потом так все и описал, а Семья сочла это оскорбительным.

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Медики поставили диагноз: либо сильный сердечный приступ, либо микроинсульт, а в таком состоянии не только вдоль почетного караула расхаживать нельзя — шевелиться опасно: необходим полный покой.

Сосковец сначала отказывался выйти вместо Ельцина на переговоры, но тут уже и Илюшин, и Барсуков начали его уламывать:

— Олег, придется идти. Изучай документы, почитай, с кем

хоть встречаться будешь.

У моего крестника память феноменальная, к тому же читал он поразительно быстро.

Приближается время посадки, и тут доктор Вторушин нам сообщает:

— Президент желает идти сам.

— Как сам? — оторопел я.

Захожу в его комнату и вижу душераздирающую картину: Борис Николаевич пытается самостоятельно сесть, но приступы боли и слабость мешают — падает на подушку. Увидев меня, попросил:

— Помогите одеться, пойду сам.

Наина хоть и возражала, но сорочку подала сразу. Он ее натянул, а пуговицы застегнуть сил не хватает. Сидит в таком жалком виде и бубнит под нос:

— Пойду на переговоры, пойду на переговоры — иначе выйдет скандал на весь мир.

Врачи уже боятся к нему подступиться, а шеф требует:

— Сделайте меня нормальным, здоровым. Не можете — идите к черту…

Терпение докторов всегда меня восхищало…

Приземлились. Прошло минут десять, а из нашего самолета никто не выходит. Посмотрели в иллюминатор — почетный караул выстроен, премьер-министр Ирландии на месте, заметно нервничает. Наш первый вице-премьер тоже стоит на кухне, в двух шагах от выхода — не знает, что делать.

Ельцин обреченно спрашивает:

— Кто вместо меня пойдет?

— Сосковец.

— Нет, я приказываю остаться. Где Олег Николаевич?

Свежевыбритый, элегантный Сосковец подошел к президенту:

— Слушаю вас, Борис Николаевич.

— Приказываю вам сидеть в самолете — пойду я.

Кричит так, что на улице слышно, потому что дверь салона уже открыли, а сам при этом идти не может — встает и падает. Как же он с трапа сойдет — ведь расшибется насмерть?

Принимаю волевое решение, благо, что Барсуков рядом и, как мне кажется, молча меня поддерживает:

— Олег, выходи — мы уже и так стоим после приземления минут двадцать. Иди, я тебе даю слово, что ситуацию удержу под контролем.

Президент между тем продолжает орать, угрожает всех нас уволить с работы.

Сосковец, наконец, решился. Вышел, улыбается, будто все

замечательно. Когда он спустился по трапу, я запер дверь и сказал:

— Все, Борис Николаевич, можете меня выгонять, даже сажать в тюрьму, но из самолета я вас не выпущу. Олег Николаевич уже руки жмет — посмотрите в окно, и почетный караул удаляется.

В трусах да распашонке — свежая сорочка испачкалась кровью от уколов — Ельцин сел на пуфик и заплакал. Потом стал причитать:

— Вы меня на весь мир опозорили, что вы наделали!

Я возразил:

— Это вы чуть не осрамили Россию и себя заодно.

Врачи уложили его в постель, ввели успокоительное, и больной заснул…»

— Весь мир обошли кадры, на которых во время вывода российских войск из Германии Борис Николаевич дирижирует в Берлине оркестром. Глядя на это, вы не испытывали стыда?

— Хотелось провалиться сквозь землю! Он же накануне галстук мне оторвал, когда я его не пустил к неофашистам. Дело ведь как было? Наша делегация возлагала венок к могилам погибших воинов, а рядом коричневые устроили демонстрацию. Посольство рекомендовало не подходить к ним ни в коем случае, но Ельцин был уже навеселе и решил пообщаться с «благодарным немецким народом». «Борис Николаевич, — я сказал, — нельзя вам туда», но он демонстративно направился к людям с плакатами. Что оставалось делать — я встал на его пути… Недолго думая, он ухватил меня за галстук и в порыве гнева его сорвал.

Конечно, мне было стыдно (удивляюсь, как журналисты не поймали этот момент ни на камеру, ни на фотоаппарат). Обескураженный и раздосадованный, сел я в автобус и сказал себе: «Пошел этот козел куда подальше — больше отсюда не выйду». Так и поступил, а вечером он решил извиниться — пригласил на банкет по случаю вывода войск, который устроило наше посольство. Там, помнится, я одного дипломата сильно огрел — он с бутылкой к Ельцину пробирался, хотел обслужить вместо официанта…

— Александр Васильевич, но вы видели этот кошмар, когда президент России возомнил себя дирижером?

— (*Вздыхает.*) Моя Ирина потом говорила, что плакала, наблюдая это позорище. Представила меня там, поставила себя на мое место…

— Не секрет, что Борис Николаевич, когда ему было особенно хорошо, любил поиграть на ложках…

— Да, это дело он обожал, и хотя слуха у него отродясь не было, чувство ритма имелось. Любимая песня — «Калинка моя», в которой он знал всего пару слов…

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Этими ложками Ельцин мог задолбать кого угодно, и даже во время официальных визитов требовал: “Дайте ложки!” Если деревянных под рукой не оказывалось, годились и металлические — он ловко сгибал их и отбивал ритм исполняемой мелодии. Правда, металлические ложки стирали в кровь пальцы — мозоли потом ныли и раздражали шефа.

Ельцин родился в деревне Бутка, и там, видимо, играть на ложках было престижно. Звонко шлепая ими по разным частям собственного тела, Борис Николаевич начинал напевать:

Калинка, калинка, калинка моя…

Выгоняла я корову на росу,

Повстречался мне медведь во лесу…

Эти строчки он в упоении повторял многократно, отбивая ложками темп. Многие слушатели, не выдержав комизма ситуации, хохотали».

Вообще-то, одну песню я заставил его таки выучить наизусть — во время пребывания в Казахстане. Нас, вернее Ельцина, Назарбаев пригласил в резиденцию “Боровое” — поохотиться, пару дней отдохнуть. С самолета Борис Николаевич сошел тяжелый и сразу хотел продолжить: давайте ему на капоте, давайте еще, но Нурсултан Абишевич возразил: “Давайте сначала доедем. Стол готов — чего будем время терять?”

Короче, чтобы занять Ельцина, мы стали петь. Назарбаев прекрасно исполнял русские песни, многие знал от начала до конца. Мы с ним весь репертуар перебрали, а “Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?” исполнили, наверное, раз двадцать, и в итоге Ельцин таки ее — единственную! — запомнил. Потом, если были какие-то посиделки, всегда предлагал: “Давайте споем!” — и затягивал первым. Там, когда заканчивается куплет, вообще-то нужна пауза, но он ее никогда не выдерживал — торопился всем показать, что знает слова».

— Говорят, президент мастерски колотил ложками по чужим головам…

— Первый раз попробовал поупражняться на голове управляющего делами Верховного Совета России Загайнова, когда опять же были мы в Казахстане. Юрий Георгиевич обожал мелькать рядом с Борисом Николаевичем везде — по телевидению, на фото, — поэтому постоянно крутился где-то поблизости: вот и дождался… Вышло так: сначала выступали местные артисты — всех хорошо завели, а потом Назарбаев взял

домбру (он, оказывается, и на ней прекрасно играл), а Ельцин попросил ложки, и давай они отчебучивать вместе с оркестром.

Вскоре шефу надоело бить по своим коленкам, а тут видит: пониже (места располагались, как в амфитеатре, — под уклоном) сидит Загайнов. Вот он и принялся молотить его по пышной седой шевелюре… Сначала вроде бы в шуточку, но смотрит, а этот ретивый хозяйственник улыбается. Ну, раз тебе нравится, Борис Николаевич давай еще сильнее наяривать — отдолбал его по полной программе.

— По слухам, президенту Киргизии Акаеву тоже досталось…

— Еще как, причем ложки не деревянные были — металлические…

После случая с Загайновым, который стал первой ласточкой, Ельцин практически всегда, начиная играть на ложках, искал себе жертву. Самодержцу пришлось по душе, что окружающие смеются. Он-то думал, что всем нравится, как он шутит, а люди просто радовались, что на месте избиваемого не они.

— Как Ельцин пил, в общем, понятно, а как ел?

— Особой изысканности в этом вопросе я за ним не заметил.

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Борис Николаевич часто рассказывал, как мало он ест. Видимо, еще в свердловские времена кто-то внушил ему, что плохой аппетит — признак хорошего тона, но на самом деле питался он вкусно и довольно обильно. Страсть как любил жирное мясо — свинину просил жареную, с ободком из сала, баранину непременно сочную, а вот гарнир простой, без кулинарных изысков — картошку “из семейных запасов”.

Раньше в семье Ельцина был культ салатов — особенно удавалась селедка “под шубой”. Я даже недоумевал, почему наши профессиональные повара не могли эту незатейливую “шубу” так же замечательно приготовить.

На завтрак Наина Иосифовна или дочурки, как правило, варили Борису Николаевичу жиденькую кашу — овсяную, рисовую или пшенную и обязательно подавали чай. Раньше, когда мы только начали вместе работать, Ельцин предпочитал хороший кофе, но, если на каком-нибудь мероприятии садились за чужой стол, он всегда заказывал чай. Я это заметил и стал возить с собой термос — не было такого, чтобы кто-то наливал шефу из непроверенного чайника.

В опальные годы мы частенько, чтобы хоть что-то горячее съесть, жарили по моей инициативе яичницу. Я готовил на сливочном масле и, если шеф не возражал, добавлял к яйцам лук и иногда помидоры.

Ельцин говорил, что любит вяленую рыбу — леща, например,

но на самом деле ел ее редко. Я, если честно, решил, что ему тяжело ее чистить, ведь левая кисть у Бориса Николаевича была изуродована. Обычно, если варили раков, их обрабатывала Наина Иосифовна: складывала на тарелку супругу шейки, а он только жевал, но во время визита в Китай я понял, что оторванные фаланги здесь ни при чем. Ельцин мгновенно освоил палочки и ловко ими орудовал, а вяленую рыбу и раков просто ленился чистить».

«…Иногда Ельцин пренебрегал советами врачей и рекомендациями личного повара Самарина, и в Якутии в девяносто четвертом случилось настоящее ЧП. Едва Борис Николаевич сошел с трапа самолета, как симпатичные якутки в национальной одежде преподнесли ему кумыс. Самарин прошептал в ухо:

— Ни в коем случае не пейте.

По протоколу достаточно пригубить напиток и кусочком хлеба заесть, но Ельцин кумысом увлекся, и через некоторое время возникла чрезвычайная ситуация (а Шойгу был тогда далеко). Вся команда, ответственная за безопасность президента во время визита, “встала на уши”: в кратчайший срок вдоль маршрута следования Бориса Николаевича были установлены маленькие деревянные домики, и каждый второй был удостоен высочайшего посещения. Такие же новенькие строения появились повсюду, где президент проводил встречи с местными жителями».

— Горбачев утверждал, что Ельцин был предрасположен к глубоким депрессиям, к суициду и даже пытался вспороть живот ножницами. Неужели и впрямь попытка самоубийства была?

— Борис Николаевич действительно был склонен к таким вещам — все врачи знали об этом, поэтому, когда у него начинался очередной кризис, домашние убирали острые предметы с глаз долой.

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Отклонения в его нервно-психическом состоянии я заметил весной девяносто третьего — он сильно переживал противостояние с Хасбулатовым и Руцким, впал в депрессию, даже стал заговариваться… Склонность разрешать все проблемы раз и навсегда самым неподходящим способом была у Ельцина и раньше (подозреваю здесь суицидальную наследственность). То в бане запрется, то в речке окажется, то надумает застрелиться…

Как раз в это время тогдашний министр безопасности Баранников преподнес президенту крайне неподходящий подарок — пистолет с патронами, причем сделал это секретно, в задней комнате, когда меня рядом не было. (Сотрудники приемной мне доложили, что Баранников заходил со свертком, а вышел без.) По

настроению Ельцина я понял: что-то он затевает — к тому времени уже неплохо его изучил. Улучив момент, сделал ревизию задней комнаты и в самом верхнем ящике стеллажа обнаружил футляр с подарочным оружием. На всякий случай я вынул патроны и попросил повара их сварить, а изъяв боек, превратил пистолет, по сути, в игрушку.

Ельцин о таком не догадывался и через некоторое время перед событиями с импичментом попытался устроить трагисцену: передо мной, Илюшиным и Барсуковым он тряс этим пистолетом, а мы уговаривали его не стреляться. Один я знал, что этот пугач не способен причинить никакого вреда, но нам удалось убедить его не совершать глупости и вполне официально забрать оружие. Оно и сейчас, наверное, хранится среди его несметных подарков, а вот боек куда-то я задевал».

…Однажды, после того как его вывели из состава Политбюро, по указанию Наины все было спрятано, но тупые ножницы, которыми режут бумагу, почему-то остались. Недолго думая, шеф их приставил к себе острием и на них упал.

Конечно, эта попытка расстаться с жизнью не удалась — он только порезал под грудью шкурку, потекла кровь… По-моему, его даже зашивать в больнице не стали — наложили скобы — и все.

Впоследствии Ельцин сочинил об этом красивую байку — притом, что я прекрасно все знал. Сидим как-то в бане, он чешет рубец и спрашивает: “Знаете, откуда у меня шрам-то?”. Я лишь плечами пожал: “Где уж мне!”, а про себя подумал: “Об этом, Борис Николаевич, только все ЦКБ знает и пол-России — больше никто…” Он тем временем “ударился в воспоминания”: “Помните, когда я еще один-то был, без охраны? Шел как-то из магазина домой, и в переходе на меня напали”. Когда Ельцин сам ходил в магазин — ума не приложу. Разве только будучи первым секретарем Московского горкома партии, да и то ничего там не покупал.

Его между тем несло, как Остапа: “Это крючковские сволочи хотели меня нейтрализовать и полезли с ножом. Слава богу, отбился, но зацепили, гады”. Спустя какое-то время он выдавал примерно такую же историю, но происходила она уже в районе то ли Госплана, то ли Госстроя. Большой любитель был сочинять, артист прирожденный…

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…После торжественной церемонии к президенту подвели пяти-семилетних малышей: они были одеты в яркие курточки, улыбались во весь рот и явно принимали Ельцина за знакомого дедушку из телевизора. Сперва Борис Николаевич рассказал им

про внуков: какой у него Борька хороший, какие замечательные и красивые Катька с Машкой и как он их любит, а потом с интонацией Деда Мороза поинтересовался:

— А вы помогаете своим родителям?

— Конечно.

— А как? — не унимался “Дед Мороз”.

— Сажаем картошку, травку дергаем, огород поливаем…

Тут-то Борис Николаевич всех взрослых и детей “поразил”:

— А я вот тоже до сих пор сам сажаю картошку и сам ее собираю — мы всей семьей это делаем. Каждую весну восемь мешков мелкой сажаем, а потом, осенью, восемь мешков крупной выкапываем и всю зиму живем на своей.

Детям фантазии понравились, а я из последних сил сдерживал смех и боялся встретиться глазами с Сосковцом — иначе мы бы не вытерпели и расхохотались.

У Ельцина между тем все чаще случались приступы безудержного сочинительства: за это в своем кругу мы прозвали его Оле-Лукойе — в честь героя одноименной сказки Андерсена.

Впрочем, не всегда старческие причуды вызывали у меня смех. Когда Борис Николаевич придумал про тридцать восемь снайперов, готовых расстрелять чеченских террористов в селе Первомайском, я еле сдержал негодование, а Барсуков вынужден был изворачиваться перед журналистами, объясняя им, про каких это снайперов столь правдоподобно рассуждал Верховный главнокомандующий.

Операция на сердце не избавила президента от синдрома Оле-Лукойе — теперь уже я наслаждался сказками Ельцина по телевизору. Особенно понравилась выдумка про автомобиль BMW седьмой серии, якобы купленный по дешевке, с рук. Хотелось спросить: на каком рынке — в Южном порту или в Люберцах — можно приобрести роскошную машину по цене велосипеда?

Дальше — больше… Когда в школе у внука, среди малолеток, Ельцин на весь мир произнес фразу: “BMW — хорошая машина”, мне позвонил приятель-рекламщик и сообщил, что клиенты из западных фирм одолели его вопросом, сколько стоит подобный слоган в устах российского президента и кому за это платить.

Синдром Оле-Лукойе поразил многих в Кремле — например, тогдашний пресс-секретарь Ельцина Ястржембский “откровенничал” на весь мир, как от богатырского рукопожатия шефа у него чуть не отломилась рука. Гипс, правда, не наложили…».

«…Чем хуже чувствовал себя президент, тем сильнее раздражали его жаждущие общения граждане — особенно если кто-то задавал прямые вопросы. Все чаще он прерывал встречи:

— Хватит, уходим быстрее в машину.

По дороге Борис Николаевич возмущался:

— Опять дура попалась, настроение на весь день испортила. Все ей плохо, а что плохо, когда я вижу, что на базаре все есть — покупай да ешь.

Хм, а на что покупать? Зарплаты не платят, пенсии не выдают…

Именно в это время в России родился анекдот: “Скоро, понимашь, каждый россиянин будет иметь собственный дом, собственную машину BMW и собственный самолет”, — говорит Ельцин на встрече с тружениками-избирателями. Вопрос из зала: “А к чему, предположим, мне самолет?”. — “Ну, к примеру, э-э-э… хлеб в Калуге дают, а живете вы в Магадане”».

— Артистом, говорите, был Борис Николаевич? Потому, очевидно, и сумел внушить россиянам, что силен, могуч и вкалывает на благо страны в поте лица. Об истинном его состоянии народ не догадывался даже тогда, когда однажды его разбил паралич…

— Это был первый серьезный звонок, и прозвенел он в Китае, но случился у него не паралич, а инсульт, в результате которого парализовало левую сторону.

Все произошло ночью — часа в четыре меня разбудили врачи: «Что будем делать — решайте». Вхожу в спальню, а он лежит, как растение. Вот тогда — можете написать! — я опять был первым лицом.

…Ельцин плакал, но я очень хорошо с ним поговорил и немножко поднял ему настроение. Сказал: «Ничего страшного — у Рузвельта было хуже. Главное, голова светлая, а мы уж как-нибудь на коляске-то вас повозим — на пенсию вместе пойдем».

Утром, однако, наш замечательный врач Владимир Владимирович Шпалев сотворил чудо, и Ельцин поднялся. Да, немножко тянул ногу, но шел самостоятельно. Естественно, какой-то дипломатический ход мы придумали — типа того, что обстановка из-за Хасбулатова с Руцким осложнилась. Без пышных официальных проводов посадили Бориса Николаевича в самолет, а во Внуково вынесли уже на носилках.

— Я попрошу вас охарактеризовать наиболее значимых людей ельцинской эпохи, а начнем, пожалуй, с Виктора Степановича Черномырдина. Что вы о нем скажете?

— Крутой хозяйственник, крепкий мужик. Хорошо на баяне играет, жену Валентину боится… Считаю его назначение на пост премьер-министра удачным компромиссом — он был золотой серединой между демократами типа Гайдара и Явлинского и такими консерваторами, как Силаев.

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Мне импонировала аккуратность Виктора Степановича в одежде — сразу было видно, что костюмы дорогие: сшитые, может, чуть старомодно, но зато известными домами моделей. Тяга к такому консерватизму была, видимо, следствием сдержанного отношения к моде его супруги. Валентина Федоровна — строгая, волевая женщина, выросшая в крестьянской семье и по сей день не утратившая признаков классовой принадлежности. Увидев ее впервые, я вспомнил мультфильм “Сказка о рыбаке и рыбке” — тот момент, когда старушка превратилась в столбовую дворянку. У Валентины Федоровны была похожая мимика — втянутые губы, повелительное выражение лица… Словом, хозяйская рука жены накладывала на внешний вид Виктора Степановича отпечаток.

Некоторую неловкость вызывала у меня манера Черномырдина материться. Он не ругался, а именно разговаривал матом — без этих слов становился косноязычен, предложения лишались глаголов и наречий. Я, если честно, тоже могу позволить себе ненормативную лексику, но только в узком мужском кругу, а под влиянием шефа, который мата не выносил, почти перестал выражаться. У Виктора Степановича же мат был нормальным языком общения. (Горбачев, кстати, тоже без крепкого словца даже на Политбюро фразы произнести не мог — это всегда сильно коробило Ельцина)».

— Что вы думаете о Чубайсе?

— Негодяй с большой буквы — чего о нем говорить? Кто вас еще интересует?

— Борис Немцов…

— Сочинский картежник — этим все сказано. Сегодня он один, завтра другой, хотя в последнее время больше мне нравится, поскольку стал тверже в своих убеждениях. Раньше он их чаще менял…

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Однажды уже больного президента Немцов раззадорил и уговорил сыграть пару в теннис. Учитывая далеко не лучшую физическую форму Бориса Николаевича, я пытался возражать, но Борис Ефимович его буквально “завел”. Президент “сражался” в паре с Тарпищевым, а я был партнером Немцова. Увы, во второй партии Ельцин неудачно попятился, ноги у него заплелись, и он упал на спину: немного ободрал локоть и ударился затылком о корт. Корт не жесткий, но удар все же был ощутимый, а голова-то не простая — президентская, и впредь, во избежание подобных инцидентов, я решил выставлять позади Ельцина адъютанта — если что, он обязан был подхватить шефа на лету.

С этим нововведением в свою очередь случился казус — пост оказался небезопасен. Тут надо сказать, что по скорости подача у меня неплохая, и, когда мне хотелось Борису Николаевичу досадить (если, играя с мастером, он не в меру хорохорился на площадке), я ее применял. Во время одного из матчей так и поступил. Ельцин даже не заметил мяча, и тот, как маленькое ядро, попал в самое неудачное место целиком сосредоточившемуся на движениях президента адъютанту. Полковник чуть на этом “ядре” не улетел. Упал, скорчился, прижал руки ниже живота, стал хватать ртом воздух и кататься по полу, сраженный не пулей чеченца, а мячом своего начальника. В общем, и смех, и грех — только минут через двадцать пришел в чувство. Слава Богу, на медкомиссии перед уходом на пенсию никаких “отклонений” у него обнаружено не было.

В конце того матча Немцов рвал и метал, уличал меня в подыгрывании противникам. Что ж, я действительно не стремился к победе — шеф для меня даже через сетку противником не был, к тому же в теннисе всегда исповедую принцип: проиграть друзьям — счастье!

…После этой теннисной партии Ельцин окончательно убедился, что преемником Немцов быть не сможет».

— Идем дальше. Александр Лебедь?

— Противоречивая фигура. В книге я ему целую главу посвятил, потому что мы и друзьями были с ним, и не очень… В общем, личность. Совет безопасности, который придумал Ельцин или его помощники, — фактически пустой орган: я его называю отстойником, потому что ничего не решает (ваш, кстати, тоже). Пусть он и совещательный, но его члены только между собой совещаются — больше никому советы их не нужны (надо же куда-то девать чиновников, когда их отстраняют от дел, — отставника временно туда включают, и либо он доживает спокойно до пенсии, либо потом его на другой перемещают участок). Так вот, Лебедь заставил всех окружающих Совбез уважать — сделал пустышечный орган действующим, авторитетным. У него и харизма была, и энергетика, и хитрость, и ум — все, но чего я ему простить не могу, так это его меркантильности.

— Неужели и он торговался?

— Во-первых, ушел из жизни, не отдав мне большую сумму денег, которую взял на обеды десантникам. Говорил — на месяц, а получилось… Чтобы избавиться от меня, перешел к Березовскому. Именно Борис Абрамович помог ему победить на выборах губернатора Красноярского края, и Лебедь решал, кого пригласить на инаугурацию: друга Коржакова или мецената Березовского. Победил второй…

Незадолго до его смерти я был в Красноярске на борцовском турнире имени нашего чемпиона Вани Ярыгина, и мы встретились. Как бы в порядке извинения он накрыл в аэропорту стол, потом в самолете вместе летели и продолжили в Шереметьево — много выпили и долго говорили. Лебедь пообещал мне и долг вернуть, и все решить, и…

— …и погиб!..

— Через пару недель его не стало.

— Слышал, что, когда у вас начали портиться отношения, он сказал: «Вижу, вы очень крутой, но пуля любого крутого свалит»…

— Это как раз не его слова, а мои — я говорил так еще в «девятке». Возникли проблемы с ногами, и с карате я перешел на стрельбу, стал кандидатом в мастера спорта. Если бы в моем подразделении можно было сдать соответствующие нормативы, был бы мастером, и это мое коронное выражение: «Пуля любого каратиста завалит».

— Как вы относитесь к Александру Руцкому?

— В своей книжке я дал ему довольно объемную характеристику — в ней же можно найти сведения о его происхождении: откуда и как он появился. Я ценю поведение Руцкого в августе девяносто первого, но в девяносто третьем он был одним из главных закоперщиков опаснейшего противостояния. Досадно, что генерал так и не понес наказания за гибель десятков граждан, которая на совести его и Хасбулатова, а уж когда он стал губернатором, показал себя, что называется, во всей красе.

— Что, кстати, за человек Хасбулатов?

— Этот чеченский профессор, москвич тоже не очень хороший след оставил. Сначала был ярым демократом, а потом, как и положено по их горскому менталитету, под демократическим обличьем проявился хан (став первым лицом в российском парламенте, Руслан Имранович был недоступным)… За активное участие в событиях девяносто третьего года он, как и Руцкой, заслуживает много чего, но за содеянное не ответил. Что интересно, во время ареста достойно себя вел: хоть и бледный был, но я не заметил, чтобы у него руки тряслись или еще что-то…

— Какие эмоции вызывал у вас Геннадий Бурбулис?

— Гена — ученый муж, политолог, в советские времена читал в вузе историю КПСС. Чтобы объемно, но кратко его охарактеризовать, надо хорошенько подумать, потому что всего в двух словах не скажешь. Если честно, я ему симпатизирую, и хотя многие его недолюбливают и ругают, с Гайдаром он несравним.

Гена — нормальный парень, футболист, но вот эта его склонность говорить заумно и пытаться казаться умнее, чем есть на самом деле…

— Вдобавок пить, судя по всему, не умел…

— А знаете, почему? Не было опыта партийной работы, а это такая школа! Ну, что делать? Не научился — это его и сгубило.

— Он что же, действительно на глазах у всех, в том числе и Бориса Николаевича…

— (*Перебивает.*)…ну, не у всех, не у всех — только у членов семьи. Гена жил рядом с ними в Архангельском и в свой день рождения их пригласил. Сам уже был немножко готовенький, чуть-чуть добавил и…

— …и?

— Захотелось блевануть, он отошел в угол, вытравился и спокойно продолжил свой тост. Он, правда, еще матерился, а ведь прекрасно знал, что Борис Николаевич и сам не ругается, и в семье его это не принято… Вел себя, словом, как заяц во хмелю, и я понял, что это его последняя встреча с Ельциным. Свою карьеру он погубил сам…

— Вас считали непримиримым врагом так называемой московской группы во главе с Лужковым, а что вы, собственно, не поделили?

— Так нельзя говорить — непримиримый враг: скорее, непримиримый друг, потому что, когда у них с Гусинским начались осложнения, отнесся к ним все же по-доброму. Мы с Барсуковым вызвали в президентский клуб Лужкова и Ресина и сказали: «Ребята, нельзя так — выстраивать все под одного коммерсанта, который делает вам на копейку, а на весь мир кричит, якобы вас содержит». Лужков в ответ: «Такого не может быть». Хорошо, мы предъявили им документы, которыми Гусинский везде тряс, рассказывая, как обеспечил поездку семьи Лужкова в Англию и сколько это стоило.

Я не буду сейчас озвучивать сумму, в которую эта поездочка обошлась, — скажу только, что она шестизначная. Конечно, платил Юрий Михайлович не сам и не за счет мэрии, но он был в шоке, что Гусинский этим бравирует. (Тот и других чиновников на конвертики поставил и щеголял этим повсюду.) Короче, я тогда предложил (это была моя идея): «Избавляйтесь от “Мост-банка” — создайте-ка лучше свой, московский»…

— …что они благополучно и сделали…

— Совершенно верно. Буквально через два месяца был учрежден Банк Москвы, и все — Гусинский стал им не нужен. Ну зачем, если контролируете деньги, отдавать их какому-то гусю лапчатому?

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…НТВ никогда не было объективным: я бы переименовал его в ГТВ — Гусинское телевидение.

Однажды на банкете в честь дня рождения руководителя группы “Мост”, где подавали очень вкусную гусятину в винном соусе, гости включили телевизор. Показывали Киселева с “Итогами”, и Гусинский похвастался, что, как всегда, лично проинструктировал ведущего насчет произносимого текста. С хмельной улыбочкой “хозяин общественного мнения” предвосхищал события:

— Сейчас Женя скажет это.

И Женя говорил…

— Сейчас Женя похвалит такого-то.

И Киселев хвалил…

Гусинский, по привычке выпускника ГИТИСа, не мог наслаждаться собственной режиссурой втихомолку — Большой Талант всегда требует публичного признания, и гости действительно от души хохотали».

— В период особенной близости к Ельцину вас особенно невзлюбил — понятно, естественно, с чьей подачи и почему, — ведущий выходившей на НТВ программы «Итоги» Евгений Киселев. Вы, правда, не остались в долгу и раскрыли миру его подноготную: оказалось, что он агент КГБ по кличке Алексеев…

— Я, уж поверьте, могу раскрыть еще десятка полтора таких «правдолюбцев», но не буду, потому что ведут они себя достойно.

…Этот больше всего изгалялся — я потому и обозначил его, чтоб не выпендривался. Человек, который своих коллег предавал, как говорится, на них стучал, и вдруг изображает из себя «совесть нации»? Меня это всегда возмущало — нельзя так!

— И снова цитата из Александра Коржакова: «Если бы в прессе появился список агентов, которых граждане знают в лицо, в стране наступил бы политический кризис, а на вопрос: кто нами управляет? — был бы однозначный ответ: агентура спецслужб». Вы свои слова подтверждаете?

— Конечно. Как известно, во время событий девяносто первого года многие дела были уничтожены, так вот, определить тех, кто состоял в агентах, не составляло труда. Достаточно было посмотреть, кто в Верховном Совете записывался в Комитет по безопасности и сломя голову летел в архивы КГБ заметать следы. По этому списку можно определить всех (я за столом вам о них расскажу, без диктофона).

— В свое время вы сделали еще одно сенсационное заявление: дескать, в Кремле засела голубая команда…

— Так и есть, и хотя от нее мы немножко избавились, сейчас

эти люди вновь там.

— Кто, на ваш взгляд, во власти наиболее яркие представители секс-меньшинств?

— Тогда был пресс-секретарь Ельцина Костиков: и сам колоритный, и ребят подбирал таких же.

— А сегодня?

— Насчет нынешних я не в курсе. Многие считают, будто по-прежнему владею всей информацией, но ведь за годы, минувшие после моего увольнения, состав что в МВД, что в ФСБ, что в Кремле уже по четыре-пять раз поменялся. Меня иногда просят: «Надо бы позвонить, помочь», а я не могу, потому что почти никого не знаю.

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Хотя эта тема очень в нашей стране деликатная, я все-таки рискну высказать по ней несколько соображений. Скажу так: если бы я просто перечислил фамилии чиновников, занимавших и занимающих государственные посты, лидеров или просто известных членов известных партий, президентов компаний и в то же время гомосексуалистов, думаю, у многих читателей был бы шок. Сегодня это уже факт — в политической, журналистской, музыкальной, попсовой, в общем творческой, элите педики заняли (если угодно, завоевали) свою нишу.

Говоря о них, я бы не стал, как это делают многие, сводить проблему к физиологии, медицине и приводить при этом статистические данные: столько-то людей рождается с такими-то сексуальными отклонениями и, мол, ничего не поделаешь — надо принимать это как данное природой, а может, высшим разумом.

Главный вопрос, я считаю: личное это дело каждого “больного” или нет? Все зависит от положения в обществе. Если эти люди занимают высокие посты во власти (от исполнительной до законодательной и судебной (!)) или возглавляют средства массовой информации, то, во-первых, они объединяются и создают параллельный мир собственных интересов, а во-вторых, начинают лоббировать их в скрытой форме (в отличие от Запада, где это практикуется открыто, даже кое-где законодательно). Как? Продвигают своих людей, защищают их, патронируют и всячески опекают (при этом талантливый и не очень гомик теряет свободу)».

— Вы неоднократно говорили, что не любите так называемых целовальников — мужчин, которые при встрече друг с другом лобзаются. Часто ли приходилось этим заниматься на службе?

— И сейчас иногда приходится, но я стараюсь только щекой прикоснуться — изобразить, так сказать, целование. Смешно смотреть, как некоторые прижмутся и чмокают — обычно так

женщины делают, чтобы косметику себе не портить: чмоки слышны, но видно, что нет поцелуев.

— Когда-то вы публично посоветовали министру обороны России Павлу Грачеву застрелиться — почему?

— Так это же он практически подбил Ельцина на войну в Чечне! Конечно, есть здесь вина и Филатова, и Савостьянова, и других, но Паша-то мог сказать, чем это чревато, тем более что сам был в Афганистане. Он должен был предупредить: «Нельзя этого делать», а Грачев, наоборот, с три короба наобещал: «Мы сейчас десантируемся одним полком и все», — то есть хотел первому лицу понравиться, угодить. Чем Паша плох? Пытался угадать желание президента, когда тот его еще не озвучил.

— Опасное дело!

— Вот именно, а я этого терпеть не могу! Почему я одиннадцать лет рядом с Ельциным продержался? Потому что никогда не торопился исполнять на свою голову первый приказ: знал, что через десять минут может поступить второй — об отмене.

— Вы дружили с Барсуковым и Сосковцом, даже в тяжелое время, когда вас троих уволили, были вместе, но потом вслух посетовали, что ваши друзья скурвились…

— Ну, о Сосковце я не так выразился: о нем сказал одно, о Барсукове — другое, а журналистка их по ошибке в одну кучу смешала. Я же крестил и Олега, и его внука, поэтому, с одной стороны, мы кумовья, а с другой — он мой крестник. Я говорил, что неприлично вести себя так по отношению к крестному отцу, не положено — нас учили, что должно его почитать. Кстати, в прессе опять все переврали: написали, что он наш с Барсуковым крестный отец. Как обычно, вышло: слышали звон, да не знают, где он, — всегда надо к первоисточнику обращаться…

…Барсуков действительно оказался человеком с гнильцой. Пока Коржаков работал, они все, мной прикрываясь, набивали себе мошну, поэтому до сих пор рта не разевают, молчат. Якобы такие хорошие, замечательные: и Бородин, и Барсуков, а на самом деле все они очень богатые и знают, что нажили деньги нечестным путем. Я, например, не боюсь проверок — на случай, если налоговая предъявит претензии, собрал все финансовые документы и чеки, из которых видно, где, сколько и за что получил, а вот если их кое-куда пригласят, показать будет нечего.

— В одном интервью вы подчеркнули: ошибка Ельцина состояла в том, что он окружил себя евреями. Кого вы имели в виду?

— В администрации президента евреем был каждый второй: Илюшин, Филатов, Сатаров… Пожалуйста, ради бога, я же не

против них, но если, допустим, у нас в России евреев один процент, то почему в администрации их должна быть половина?

— Хм, а чем это вы объясните?

— Ну, так у Ельцина жена ведь еврейка. Вы что, разве не знали?

— Нет!

— Ее девичья фамилия Гирина — чисто еврейская, а взять имя… Сестра у нее Роза, она — Наина: какой русский так назовет дочерей? Я Ельцину как-то сказал: «Борис Николаевич, Наиной особо вы не хвалитесь». Он сразу набычился: «А что тут такого? Еще Пушкин в своей поэме «Руслан и Людмила» это имя прославил». Я: «Вы хоть раз поэму читали?». — «Нет!». — «Там Наина — злой гений, колдунья, Пушкин вывел ее именно как отрицательный персонаж». Тогда он придумал новую версию: якобы в детстве его супруга была Настей, потом сокращенно ее стали звать Ная, а затем бабах! — и в шестнадцать лет в паспорте вдруг записали Наиной. Такую историю выдавал, и вроде бы проходило.

— Однажды, характеризуя Березовского, вы сказали, что он сумасшедший…

— Думаю, это давно всем понятно.

— Сумасшедший?

— Ну а как еще назвать человека, который начинает вдруг уговаривать кого-то убить, застрелить? Сперва мне казалось, что это шутка, но нет — все было всерьез. Он же ко мне приходил и просил, чтобы я Кобзона пришил, Лужкова, Гусинского…

Я-то совсем по другим вопросам общаться хотел, но он сразу переходил на «мокрые» темы.

— Хм, а каким образом вы должны были устранить, предположим, Кобзона?

— Я себе этого не представлял, поэтому сразу его оборвал: «Слушай, парень, соображай, что несешь, — это все не ко мне!».

— Существует ли аудиокассета, где он вас просит кого-то убить?

— Теоретически она, может, и есть, потому что у меня в кабинете писалось практически все, но я не могу рыться в архивах, искать, где там и что. Согласитесь, летом девяносто шестого я уходил достаточно неожиданно.

— Когда трагически погиб Листьев…

— (*Перебивает.*) Заказчиками его убийства я однозначно считаю Березовского и Лисовского — эти люди сначала якобы вдрызг разругались, а потом, когда Влада не стало, тут же объединились. Дело все в том, что Листьев выступал против засилья рекламы и готовил серьезные изменения на ОРТ, которое

Борис Абрамович практически приватизировал. Березовский рассказывал мне: «Все, рекламы больше не будет, и замечательно, тем более что Лисовский — сволочь, его надо похерить к чертовой матери». Это, впрочем, не помешало им после того, как главная преграда была устранена, создать отдельную компанию и стать друзьями по гроб жизни. Чего же они спелись — просто так, что ли?

Из книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие».

«…Борис Абрамыч любил щегольнуть в разговоре обширными и могущественными связями, но лично меня он удивлял уникальными, можно сказать, энциклопедическими познаниями частной жизни любого известного человека — политика, банкира, артиста… У кого что и почему болит, кто с кем и когда завел роман, кто кому изменил и в какой форме — этими сведениями БАБ обладал буквально в академическом объеме. Наверное, он мог бы стать первоклассным репортером “полусветской хроники” какого-нибудь желтого издания вроде “СПИД-инфо” или “Стрингера”, но увы, хотя содержал не только юмашевский “Огонек”.

Другой лейтмотив разговоров БАБа был более прозаичен, но не менее изощрен — он придумывал разные способы устранения Кобзона, Гусинского и Лужкова, причем коварные планы сведения с ними счетов смаковал до мелочей и, не стесняясь, делился особенно удачными, на его взгляд, деталями. Дошло до того, что я начал бояться за Березовского, решив, что у человека клиническое воображение (такое бывает у талантливых математиков, докторов наук)…

Впоследствии оказалось, что у Бориса Абрамовича действительно хроническая болезнь, но совсем из другой области — когда-то эту хворь называли “французской”. Заполучив ее, он по застенчивости вовремя не обратился к врачу, и “болячка” получила хроническое продолжение. Впрочем, каким бы сумасшедшим БАБ ни был, а своего добился — в окружении Ельцина банкира Гусинского стали воспринимать как опасного врага. БАБ регулярно докладывал, где, что и кому Гусинский про президента сказал, как его обозвал и как хочет обмануть, а когда появилось НТВ, Березовский приложил массу усилий, чтобы канал закрыли».

— Когда в Великобритании уничтожили отставного полковника ФСБ Литвиненко, вы заявили, что это мог сделать только Березовский. И сейчас так считаете?

— По-моему, здесь, в Москве, уже все так считают. Первым такое мнение действительно высказал я, а нынче вся наша пресса с этим согласна.

— А почему умер Собчак — его, случайно, не..?

— Может, это и было косвенным убийством, если довели до смерти умышленно: зная, что слаб сердцем и неравнодушен к женскому полу. Много ли ему было надо: дали «Виагру» — и достаточно. Сердечникам это средство для усиления потенции противопоказано.

— Ходили слухи, что Анатолий Александрович скончался на даме…

— Какие слухи — об этом весь Калининград знает!

— Что вы думаете о Ходорковском?

— Если честно, по-человечески мне его жаль, потому что из олигархов он не самый плохой — далеко не самый! Там снова следствие, ему предъявили новое обвинение, но почему взялись за него одного? Я понимаю, если бы выбрали хотя бы человек пятьдесят и всех так душили, а то что: его за решетку, а остальные хорошие? Где-то Ходорковский перемудрил: была у него идея-бзик войти в Думу, создать свою фракцию, потом стать спикером, а в будущем и президентом (он об этом не мне, а другим говорил). Думаю, из-за этого первое лицо его невзлюбило.

— А вас не смущает, что еврей Ходорковский хотел стать президентом России?

— Явлинский тоже хотел — ну и что? Я ему прямо сказал: «Гришка, не будешь ты им никогда!».

— Потому что еврей?

— Да, но ведь он по-другому считал: я, мол, еврей, но русский, я выкрест — то есть не иудей, а православный. Может, действительно рассчитывал народ убедить?

— Ваше мнение об Абрамовиче?

— Если бы он другом Путина не был, и его, конечно, можно было бы тряхануть. Меня удивляет другое: почему у человека, который нажился на российском достоянии, государство наше же общее добро выкупает? «Газпром» (государственная компания!) семнадцать миллиардов выложил ему за «Сибнефть», а нужно было просто экспроприировать. Оставить ему чуть-чуть, чтобы, как говорится, детей обеспечивал, а остальное забрать. Подобные состояния честным путем не сколачивают, но он друг ВВП, Татьяны и Семейки — этим все сказано.

— Как давно вы знаете Владимира Путина?

— Да дольше всех.

— Хороший ответ!

— Ну да — с тех времен, когда Собчак стал губернатором Санкт-Петербурга. Владимир Владимирович был у него просто помощником, потом постепенно стал замом, затем первым замом, а я тогда в Петербург ездил часто…

— Путин способным был, подавал, так сказать, надежды?

— Его способности оценивал Собчак (раз уж наверх двигал), а я здесь причем?

— И вы, и Путин — бывшие сотрудники КГБ СССР, коллеги… Он чем-то, на ваш взгляд, выделялся?

— Простите, но эта тема у нас табу.

— Это правда, что Путин является прямым выдвиженцем Березовского?

— Не только: за ним целая команда стояла — вместе с Семьей его двигала. Никто этого и не скрывал, но в итоге Ельцин назначил его сам.

— По слухам, именно Березовский приехал к Путину и сообщил, что тот будет президентом России, чуть ли его не назначил…

— Таких подробностей я не знаю. Это их дело, к кому ездить, но к назначению преемника и Юмашев, и Абрамович, и Чубайс — все имеют непосредственное отношение. Иначе они бы на своих местах не остались.

— Вам на посту президента России Путин нравится?

— Как бы там ни было, он несравнимо лучше, чем Ельцин, несрав-ни-мо! Во всяком случае, во внешней политике. Что же касается внутренней, тут все сложнее: по телевидению видим одно, а в жизни немножко другое.

— Вам не кажется, что в отличие от эпохи Ельцина при Путине в России произошел зажим демократии?

— По-моему, это видно невооруженным глазом, но, может, он где-то и прав, потому что совсем уж разгуливаться, как у нас в девяностых было, нельзя. Заметьте, в демократических странах тех, кто мешает обществу своими высказываниями или акциями (как лимоновцы, которые политических противников яйцами забрасывают), словом, нарушителей общественного порядка и арестовывают, и за решетку сажают.

— Путин останется, на ваш взгляд, на третий срок или уйдет?

— Многие сейчас говорят, что надо бы ему как-то остаться… Возможно, на этом и остановятся.

— В свое время Ельцин пожелал, чтобы все его ближайшие соратники вместе с ним поселились под одной крышей. У вас там квартира осталась?

— Сейчас в ней живет дочь с семьей, а я прописан здесь, в деревне Молоково, которую по-свойски переименовал в Простоквашино.

— Вместе с политическими лидерами России в элитном доме на Осенней обосновался также сатирик Михаил Задорнов. Чем он обидел вас после того, как стал соседом?

— Меня лично — ничем: всегда относился ко мне с большим уважением. Со сцены он обижал Ельцина, и я этого не понимал. Однажды ему объяснил: «Миша, почему, когда тебе необходима была жилплощадь, ты с президентом играл в теннис, и не просто махал ракеткой, а клоуном был — кувыркался, падал, промахивался, смешил его, показывая, какой ты неумелый, а он хороший игрок? И на посиделках, которые после матчей происходили, тоже старался быть…

— …тамадой?

— Не тамадой, а шутом. Все делал, чтобы Бориса Николаевича развеселить, но как только тебе дали ордер, сразу изменил к нему отношение — Ельцин плохой стал, можно над ним насмехаться». Он в ответ: «Саша, я понял — постараюсь этого больше не делать».

— Вы были крупным специалистом по карате, увлекались стрельбой из оружия всех систем. Можете, если что, тряхнуть стариной?

— Все от того зависит, против кого надо прием применить. Ежели против спортсмена — тяжеловато, конечно, придется, а урезонить пьяного хулигана — пожалуйста. Жаль только, стрелять без очков уже трудно.

— Телохранители у вас есть?

— Не было никогда. Зачем — пусть мое тело жена охраняет.

— Говорят, бывших работников спецслужб не бывает — это так?

— Наверное… За годы работы формируется особый менталитет, и по-другому ты уже мыслить не можешь. Некоторые представители этой организации возмущаются, что я их не понимаю, однако… Просто я хоть и выходец из КГБ, но с демократическим, так скажем, уклоном, а у нас там такие реликты остались, что лучше не надо…

— Приходилось слышать, что самые классные профессионалы оттуда давно уволились и сейчас в органах служат люди совершенно не того уровня…

— Надеюсь, что за время, прошедшее после девяносто первого года (все-таки шестнадцать лет миновало!), в ФСБ воспитали отличные кадры, во всяком случае, судя по тому, как мы с терроризмом боремся (в общем, достаточно успешно), ребята подросли неплохие. Таких в советские времена не было, а вот по части борьбы с коррупцией и должностными злоупотреблениями паралич полный — все на нуле.

— Что как специалист вы думаете о поступке украинского майора Мельниченко?

— Имеете в виду засветку на весь мир бесед в кабинете

Кучмы? Надо просто относиться к своим, как Брежнев, — тогда таких случаев не будет. У нас ведь по глупости думают, что если ты телохранитель, с тобой можно поступать как хочешь: не считать за человека, унижать, топтать, называть быдлом, и правильно люди на это отвечают. Поэтому, когда я стал начальником Службы охраны президента России, первое, что сделал, — приравнял ее сотрудников к работникам Администрации.

Эта нехорошая традиция, когда одним все, а другим ничего, унаследована еще со времен ЦК. Почему любая секретарша, уборщица, которая числилась в Управлении делами ЦК КПСС, чувствовала себя, как принцесса? По самой хорошей путевке она могла поехать на отдых куда угодно, за каждый отработанный день имела какие-то льготы, а человек, которому доверены жизнь первого лица и государственные секреты, который знает, что в коридорах власти творится, всегда был на последнем месте. Этого я никогда не понимал, поэтому повысил ребятам и статус, и материальное обеспечение. К сожалению, как только ушел, Чубайс и Юмашев вернули все вновь на круги своя. Сотрудники службы охраны Путина имеют сейчас только то, что положено по табелю, и точка, но я считаю, это несправедливо, неправильно.

— Последний вопрос: много ли компромата на видных политических деятелей современной России сохранилось у вас в голове, а может, и еще где-то?

— Те, на кого у меня имеется компромат, по сравнению с сегодняшними «хозяевами жизни» щенки, но на нынешних и папарацци не надо — на каждого в Интернете досье. Что ни говорите, а новое поколение давно уже переплюнуло предыдущие…

— Ну что ж, Александр Васильевич, спасибо вам за беседу…

— Да не за что — это вам спасибо, что приехали и выслушали.

— Пишите книги — у вас это получается, а о том, что из-под вашего пера выходят бестселлеры, свидетельствуют колоссальные тиражи. Вы ведь даже в нескольких Союзах писателей состоите…

— Помню, когда принимали в российский Союз, один ваш шибко умный коллега минут пятнадцать разглагольствовал. Я уже и забыл, о чем он хотел спросить, поэтому ответил вопросом: «Скажите, пожалуйста, каков суммарный тираж ваших произведений?». Все заржали, а закончилось тем, что публицист Карякин…

— …Юрий?

— Может, Юрий, а может, и Виктор — один черт… В общем, подводя итог, он сказал: «Александр Васильевич, не обижайтесь

на писателей и журналистов за то, что не очень этично себя ведут, поймите, они несчастные люди. Мы постоянно ищем сюжеты: то в Переделкино сидим, в носу ковыряем, то едем на БАМ, в Сибирь, по каким-то там стройкам, а у вас вся жизнь — лихой сюжет, и мы вам завидуем».